

(Кн. СЕРГѢЙ ВОЛКОНСКІЙ)

О ДЕКАБРИСТАХЪ

По семейнымъ воспоминаніямъ

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКІЙ и Ко.
ПАРИЖЪ

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 129

Этотъ небольшой трудъ былъ задуманъ и начатъ, какъ дань сыновняго уваженія къ священной памяти о тѣхъ, кто, пройдя юдоль земныхъ печалей, отошли въ лучшій міръ, оставивъ по себѣ высокій образъ страданія, терпѣнія и смиренія.

Это дань духовной красотѣ.

Онъ продолжался и законченъ, какъ дань презрѣнія къ тѣмъ, кто, осквернивъ землю чудовищными преступленіями насилія и звѣрства, имѣютъ наглость выставлять себя продолжателями тѣхъ, кто были движимы не ненавистью, а любовью, не корыстью, а жертвой.

Онъ выпускается въ свѣтъ, какъ отвѣтъ тѣмъ, кто въ недомысліи своемъ приравниваютъ первыхъ ко вторымъ.

Эта книга — требованіе справедливости.

Кн. С. В.

Парижъ.
10 Октября
1921.

Князь Сергій Григорьевичъ
Волконскій

Съ портрета Г. Дау, находящагося в Зимнемъ дворцѣ, 1820 г.

I.

«Семейный Архивъ,» — сколько прошлаго, ушедшаго, былого въ этихъ словахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько поблекшаго, увядшаго, и, несмотря на блеклость, сколько благоуханнаго. Къ сожалѣнію, все это въ словахъ, а въ самихъ архивахъ, что осталось?

Бумажное наслѣдіе нашихъ отцовъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не подверглось поруганію, извлечено изъ обстановки, въ которой оно хранилось, развезено по разнымъ казеннымъ учрежденіямъ, свалено по канцеляріямъ, по сундукамъ въ кладовыхъ музеевъ, перебирается и распредѣляется людьми, далекими отъ той внутренней жизни, которой дышутъ эти пожелтѣлые листки. Вырванные изъ своихъ семейныхъ гнѣздъ, изъ той атмосферы родственнаго вниманія, въ которой они хранились, архивы наши потеряли, — безвозвратно потеряли именно то благоуханіе, которое было самымъ цѣннымъ ихъ свойствомъ. Они его потеряли потому, что оно было не имъ присуще, а сообщалось имъ сыновнею любовью родственно связаннаго съ ними потомка. Для тѣхъ людей, которые сейчасъ ими занимаются, это не живыя страницы далекаго, но близкаго прошлаго, а только «документъ». Все, что будетъ на основаніи этого документа написано, будетъ не болѣе, какъ сводка;

все, что будетъ къ нему прибавлено, будетъ либо догадка, либо вымыселъ. Только свой человѣкъ увидитъ за «документомъ» жизнью трепещущее письмо, только сынъ за почеркомъ почувствуетъ характеръ и образъ, только внукъ за мелькомъ брошеннымъ именемъ ощутитъ прикосновеніе жизненныхъ теченій, переплетенія семейныхъ отношеній. Только въ самомъ себѣ (а не въ бумагѣ), найдетъ онъ разгадку тому, что не досказано. И тогда, то, что онъ прибавитъ къ «документу», не будетъ ни дагадкой, ни вымысломъ. Это будутъ, если не личныя воспоминанія, то — куски жизни, отраженные въ его памяти. Изъ глубины дѣтства возникаютъ и всплываютъ на поверхность какіе-то клочки, обрывки: — звукъ голоса, взглядъ, усмѣшка, имя, кличка, портретъ, сухой цвѣтокъ, кусокъ матеріи, пѣсня, прибаутка, запахъ... И въ каждомъ такомъ намекѣ есть воскрешающая сила, необманная сила, столь же необманная, какъ и сила «документа».

Посторонній изслѣдователь изъ письма выводитъ; семейному изслѣдователю письмо само разсказываетъ и — гораздо больше, чѣмъ въ письмѣ написано. Да будетъ же мнѣ позволено воспользоваться вышеуказаннымъ преимуществомъ «семейнаго изслѣдователя» и, въ качествѣ внука декабриста, разсказать о томъ архивѣ, который былъ у меня и котораго у меня нѣтъ.

Весной 1915 г., разбирая вещи въ старомъ шкапу на тогдашней моей квартирѣ въ Петербургѣ (Сергіевская 7), я неожиданно напалъ на груду бумагъ. Часть ихъ лежала вповалку, но большинство было уложено пакетами, завернутыми въ толстую сѣрую бумагу; на пакетахъ этихъ, запечатанныхъ сургучемъ и перевязанныхъ тесемками, были надписи: отъ такого-то къ такому-то, отъ такого-то до такого-то года, отъ такого-то до

такого-то номера; иногда оговорка о пропускѣ въ номерахъ. Въ надписяхъ я сейчасъ же призналъ почеркъ моего дѣда, декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго. Тутъ же было нѣсколько переплетенныхъ тетрадокъ. Раскрывъ ихъ, я увидѣлъ въ одной письма матери декабриста, княгини Александры Николаевны Волконской, въ другихъ — письма къ женѣ декабриста, княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской, урожденной Раевской, отъ разныхъ членовъ ея семьи, родителей, братьевъ, сестеръ. Еще было нѣсколько большихъ переплетенныхъ тетрадокъ, — это былъ журналъ исходящихъ писемъ. Наконецъ были кипы писемъ самихъ декабристовъ, — Сергѣя Григорьевича и Маріи Николаевны, очевидно, возвращенныхъ моему отцу послѣ смерти адресатовъ. Среди всего этого письменнаго матеріала множество рисунковъ: портреты акварельные, карандашные, виды Сибири, сцены острожной жизни, въ числѣ ихъ портреты работы декабриста Бестужева, карандашные портреты извѣстнаго шведскаго художника Мазера, въ 50-хъ годахъ посѣтившаго Сибирь и зарисовавшаго многихъ декабристовъ. Однимъ словомъ, — съ полокъ стараго шкапа глядѣло на меня 30 лѣтъ Сибири (1827—1856), да не одна Сибирь: письма начинались много раньше, съ 1803 года, и кончались 1866, годомъ смерти декабриста Волконскаго.

Такое наслѣдіе обязываетъ. Я рѣшилъ заняться разработкой и изданіемъ его. Въ разработкѣ помогалъ мнѣ Б. Л. Модзалевскій, завѣдующій Пушкинскимъ домомъ при Академіи Наукъ, знатокъ русской генеалогіи и работникъ по архивовѣдѣнію. Изданіе взялъ на себя Е. А. Ляцкій, руководитель издательства «Огни», столь много сдѣлавшаго въ области мемуарной литературы.

Предполагаемое изданіе должно было называться «Архивъ Декабриста» и состоять изъ четырехъ частей:

1. «До Сибири». 2. «Заточеніе», 3. «Поселеніе», 4. «Возвращеніе». По предварительному подсчету матеріала, онъ, вѣроятно, занялъ бы пять, шесть томовъ. Иллюстраціонный матеріалъ былъ мною сфотографированъ. Работа пошла быстро и, несмотря на всѣ затрудненія, сперва военнаго, а потомъ революціоннаго времени, первый томъ «Архива Декабриста» вышелъ въ іюлѣ 1918 г.

Въ самомъ началѣ работы я снесся съ Иркутской Архивной Комиссіей, прося не отказать мнѣ въ доставленіи матеріаловъ касательно сибирскаго житья нашихъ изгнанниковъ. Секретарь этой Комиссіи отвѣтилъ мнѣ нѣсколькими письмами, въ которыхъ выказалъ много теплоты и вниманія къ интересовавшему меня дѣлу. Отъ себя онъ помѣстилъ нѣсколько объявленій въ сибирскихъ газетахъ, и въ отвѣтъ на этотъ призывъ я получилъ много писемъ отъ сибирскихъ старожиловъ, сыновей и внуковъ такихъ людей, которые были знакомы съ декабристами. Эти письма неизвѣстныхъ людей рисовали трогательныя картины быта, характеристики лицъ и отношеній и въ горячихъ выраженіяхъ неподкупной искренности свидѣтельствовали о памяти, какую оставили декабристы въ мѣстномъ населеніи. Моимъ безвѣстнымъ корреспондентамъ приношу здѣсь глубокую свою благодарность. Если когда-нибудь страницы эти попадутся имъ на глаза, они узнаютъ, что волна разрушенія, унесшая всю работу рукъ моихъ, унесла и ихъ имена, и ихъ адреса...

Всѣ рисунки были мною увезены въ деревню, въ имѣніе Павловку, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Здѣсь, во флигелѣ я собралъ и устроилъ «музей декабристовъ». Кромѣ картинъ, портретовъ и проч., были тамъ многія вещи, декабристамъ принадлежавшія. Такъ, была у меня ложка, которою ѣлъ С. Г. Волконскій, его чубукъ, его палка, часы, подсвѣч-

никъ, столъ, ноты, принадлежавшія княгинѣ Маріи Николаевнѣ... Всѣхъ мелочей и не перечислить. Порядокъ и покой этого маленькаго музея были нарушены осенью 1918 года, когда я покинулъ свое имѣніе и перевезъ наиболѣе близкія и сердцу дорогія вещи въ уѣздный городъ. Здѣсь, несмотря на почти уже невозможныя условія жизни, весною того же года, на Святой, въ библіотекѣ Народнаго Дома, я открылъ въ пользу общества вспомоществованія раненымъ и увѣчнымъ воинамъ «Выставку Декабристовъ». Въ двухъ большихъ залахъ и двухъ маленькихъ комнатахъ размѣстились четыре отдѣла: «До Сибири», «Сибирь», «Оффиціальная Россія» и «Возвращеніе». Выставка эта въ Петербургѣ и Москвѣ, конечно, имѣла бы большой успѣхъ. Каталогъ ея, болѣе двухсотъ номеровъ, вѣроятно, и по сіе время сохранился у кого-нибудь изъ жителей города Борисоглѣбска или въ мѣстной общественной библіотекѣ. Убрать съ такою любовью собранную выставку мнѣ уже не пришлось, — въ солдатской шинели, съ котомкой платья и бѣлья, въ пять часовъ утра, пѣшкомъ я долженъ былъ покинуть родной городъ... Знаю, что часть вещей, спеціально художественной цѣнности, была затребована и вывезена Коллегіей Охраны Памятниковъ и сейчасъ покоится въ подвалахъ Румянцевскаго музея.

Самый архивъ въ подлинникѣ и въ копіи былъ мною заблаговременно пересланъ въ Академію Наукъ, а оттуда, заботами Б. Л. Модзалевскаго, переправленъ въ Румянцевскій же музей.

Каждую часть изданія я предполагалъ снабдить предисловіемъ. Первое предисловіе вышло въ свѣтъ съ первымъ томомъ. Въ силу обстоятельствъ, этотъ первый томъ будетъ и послѣднимъ... Ко второй части («Заточеніе») предисловіе уже было мною написано. Это былъ разсказъ о первыхъ десяти годахъ сибирскаго

житья: разсказъ, составленный исключительно по письмамъ княгини Маріи Николаевны и вмѣстѣ съ тѣмъ дававшій духовный ея портретъ, какъ онъ изъ этихъ писемъ вырисовывается. Но эта работа, — какъ и всѣ мои бумаги, замѣтки, письма, примѣчанія и прочій рукописный матеріалъ, — была отобрана у меня уѣздными властями въ то время, когда все мое имущество было объявлено народной собственностью. Когда въ 1919 г. былъ посланъ туда делегатъ отъ Охраны Памятниковъ, съ тѣмъ, чтобы вывезти мои работы, онъ уже ничего не нашелъ: «бумаги, отобранныя въ бывшемъ домѣ Волконскаго, были израсходованы въ уборной уѣздной Чрезвычайной Комиссіи» *).

Постараюсь на этихъ страницахъ по памяти возстановить, сколько могу, но прошу читателя не посѣтовать за отсутствіе ссылокъ и датъ: у меня не осталось ничего. Предвидя возможную пропажу, я снялъ копію съ упомянутаго второго предисловія и отдалъ на храненіе одной старушкѣ въ уѣздномъ городѣ. Но и это оказалось не достаточно безопаснымъ, — старушка была вынуждена закопать ее въ землю. Въ январѣ 1921 г. мнѣ привезли эту рукопись въ Москву. Когда я развернулъ ее, у меня въ рукахъ она разсыпалась, — это былъ прахъ . . . Такъ исчезъ послѣдній слѣдъ моей работы. Пока пишу эти строки, передо мной на столѣ стоятъ — фотографія съ одной изъ комнатъ, въ которыхъ размѣщался «музей декабристовъ», портретъ княгини Маріи Николаевны, миніатюра, изображающая ея мать, и кедровая шишка отъ сибирскаго кедра, посаженнаго мною въ паркѣ моего бывшаго имѣнія. Вотъ все, что у меня осталось . . . Но — память дороже вещей.

---

*) Изъ оффиціальнаго донесенія.

Цѣнность того матеріала, который судьба предоставила мнѣ въ этихъ бумагахъ, нельзя назвать чисто исторической, — она гораздо больше въ раскрытіи бытовой и психологической стороны той удивительной эпохи и тѣхъ удивительныхъ людей. Думаю, что для истинныхъ ревнителей прошлаго, для тѣхъ, кто въ прошломъ ищетъ не фактовъ, а жизни, эта сторона даже цѣннѣе; она цѣннѣе не только по существу, но и по рѣдкости своей. Событія достаточно извѣстны, но именно бытъ и психологія людей, при скудости нашихъ семейныхъ архивовъ, при нерадѣніи, съ какимъ предшествовавшія поколѣнія относились къ бумажному наслѣдію отцовъ, составляютъ самую дорогую сторону прошлаго, тѣмъ болѣе дорогую, чѣмъ труднѣе возстановить ея картину. Съ этой точки зрѣнія нашъ архивъ представляетъ рѣдкую цѣнность; врядъ ли отъ кого-либо изъ участниковъ декабрьскихъ событій остался столь обильный и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательный, почти «непрерывный» матеріалъ. И въ этомъ матеріалѣ не сами событія, а какъ они отражались въ умахъ и сердцахъ, какъ люди о нихъ узнавали, передавали другъ другу, какъ страдали, радовались, ссорились, мирились. Такое событіе, какъ политическій заговоръ, разразившійся военнымъ возстаніемъ въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г., со всѣмъ, что было имъ вызвано, не могло не отразиться самымъ глубокимъ образомъ на взаимоотношеніяхъ людей. Не говоря о политическихъ убѣжденіяхъ, оказались затронутыми вопросы общественнаго и служебнаго положенія, были потрясены условія матеріальнаго быта, были подвергнуты испытаніямъ прочность и искренность семейныхъ отношеній. Вотъ въ чемъ истинный интересъ нашего архива. Интересъ увеличивается тѣмъ, что матеріалъ сосредоточивается вокругъ такихъ двухъ центральныхъ фигуръ, какъ идеальный, нѣсколько утопич-

ный и не отъ міра сего декабристъ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и романтическая, героическая въ красотѣ своего подвига личность княгини Маріи Николаевны.

О декабристахъ было много изслѣдованій, о ихъ женахъ писали поэты; но ни точность историческаго изысканія, ни сила поэтическаго творчества не создадутъ этимъ людямъ болѣе высокаго памятника, чѣмъ тотъ, что выростаетъ со страницъ семейнаго бытоописанія. Вѣдь самая героическая жизнь состоитъ изъ накопленія мелочей; и вотъ эти мелочи, простотой своей и простотой отношенія къ нимъ, еще болѣе поднимаютъ высокую сторону того, что для писавшихъ было будничной повседневностью. «Какія героини, — говаривала по возвращеніи изъ Сибири Александра Ивановна Давыдова, — какія героини! Это поэты изъ насъ сдѣлали героинь, а мы просто поѣхали за нашими мужьями». Такъ смотрѣли онѣ на свой подвигъ и не сознавали даже, какъ этой скромностью возвышали его.

Такова окраска общаго духа, которымъ вѣетъ со страницъ нашего архива. Повседневность геройства и геройство въ повседневности. И рѣдко когда съ большей ясностью и болѣе скорбной остротой, чѣмъ при разборкѣ этихъ страницъ, пожелтѣлыхъ и покрытыхъ трудно разбираемыми, иной разъ уже блеклыми письменами, вставали передъ сознаніемъ — житейская ничтожность всего земного и духовная цѣнность всего, что когда-то было . . .

Былое! Ясна ли вся прелесть этого слова? Теперь, когда все прежнее сметается, за одно стирается въ сознаніи людскомъ и п р о ш л о е. Между тѣмъ это совсѣмъ не одно и то же. Можно не любить, даже ненавидѣть прежнее, и все же любить прошлое; можно не желать возвращенія прежняго и тѣмъ не менѣе любовной

памятью цѣпляться за прошлое, воскрешать его къ духовной жизни. Конечно, это умѣніе различать и оцѣнивать есть признакъ тонкой культуры, и, болѣе чѣмъ когда-либо, въ наши дни хочется напомнить о цѣнности прошлаго; хочется ясно отмѣтить разницу между нецѣнностью отжитаго и пережитаго и цѣнностью прожитаго. «Что пройдетъ, то будетъ мило», сказалъ поэтъ, и каждая настоящая минута, перегорая въ смерти и уходя въ прошедшее, нами оттуда извлекается и выводится къ новой жизни. Изъ разбитыхъ сосудовъ мы по каплямъ, по крошкамъ собираемъ трепетъ прошлой жизни, и этотъ трепетъ, для прошлаго ненужный, для настоящаго, казалось бы, безполезный, — въ безпокойной растерянности нашихъ исканій и метаній говоритъ намъ о тщетѣ земныхъ страстей, о безпричинности страданій, о безсиліи негодованій; онъ въ настоящемъ говоритъ о вѣчности.

«И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей».

Для тѣхъ, кто это понимаетъ, для тѣхъ послѣдующія страницы.

II.

Однажды, въ моемъ уѣздномъ городѣ меня просили прочитать съ благотворительною цѣлью лекцію о декабристахъ. Я счелъ долгомъ обратить вниманіе того, кто велъ со мной переговоры, на то, что въ началѣ моей лекціи мнѣ придется говорить о многомъ такомъ, что сейчасъ не въ чести обрѣтается (это было весною 1918 года): о князьяхъ, генералахъ, даже императорахъ и императрицахъ . . . «И говорите, сказалъ онъ, — говорите. Потому что одно дѣло попасть въ Сибирь изъ деревни.

а другое дѣло попасть въ Сибирь изъ дворца». И это сказалъ человѣкъ, самъ вышедшій изъ деревни и вернувшійся изъ Сибири (что не помѣшало ему быть разстрѣляннымъ).

Ни на одномъ изъ участниковъ декабрьскаго возстанія этотъ контрастъ не проступаетъ такъ ярко, какъ на князѣ Сергѣѣ Григорьевичѣ Волконскомъ. Блестящее образованіе, блестящее положеніе въ свѣтѣ и при дворѣ, блестящая, даже по тѣмъ временамъ, головокружительная карьера (въ 23 года онъ былъ генералъ-майоромъ), барабанный бой и знамена наполеоновскихъ войнъ, участіе въ пятидесяти восьми сраженіяхъ, празднества Вѣнскаго Конгресса, — вся юность его прошла подъ тѣмъ героическимъ дуновеніемъ молодости, которымъ дышало «дней Александровыхъ прекрасное начало». И послѣ этого — ночь Сибирскихъ рудниковъ...

Родители Сергѣя Григорьевича стояли высоко по лѣстницѣ общественно-служебной и придворной. Отецъ его, князь Григорій Семеновичъ, былъ сыномъ генералъ-аншефа князя Семена Ѳедоровича Волконскаго, въ семилѣтнюю войну завѣдывавшаго провіантмейстерскою частью. Григорій Семеновичъ самъ былъ вояка и заслужилъ отъ Суворова наименованіе «неутомимаго» и «трудолюбиваго». Отъ 1803 до 1816 г. онъ былъ генералъ-губернаторомъ или какъ тогда говорили — военнымъ губернаторомъ Оренбургскаго края. Постъ видный, почетный и, если можно такъ выразиться, живописный. Близость «къ предѣламъ Азіатскимъ», посѣщеніе вассальныхъ хановъ, караваны верблюдовъ, нагруженныхъ дарами Азіатскихъ степей, разливы рѣкъ, все это проходитъ въ письмахъ старика и, въ связи съ нѣсколько приподнятымъ тономъ самого пишущаго, придаетъ имъ не совсѣмъ обычный характеръ, покрываетъ ихъ на-

летомъ чего-то Державинскаго, — это какія-то оды домашняго обихода.

Большинство сохранившихся отъ него писемъ — къ дочери его, Софьѣ Григорьевнѣ, бывшей замужемъ за Волконскимъ же, княземъ Петромъ Михайловичемъ, извѣстнымъ впослѣдствіи начальникомъ штаба при Александрѣ I-мъ и министромъ двора при Николаѣ I. Называетъ онъ свою дочь «дражайшая княгиня Софья Григорьевна», «покрываетъ цѣлованіемъ ея драгоцѣнныя ручки», на конвертѣ послѣ адреса приписываетъ «и душевному другу» или — «и ангелу моему». Сидя «въ своемъ одиночествѣ», вдали отъ «веселостей столицы» и «береговъ Невскихъ», престарѣлый отецъ заочно «прижимаетъ въ свои сердечныя объятія» всѣхъ членовъ семьи, столь же многочисленныхъ, сколько взысканныхъ милостями царскими. Старшій сынъ — «нашъ князь Николай Григорьевичъ», побывавъ въ 1813 г. вице-королемъ Саксоніи, назначается генералъ-губернаторомъ Малороссіи; второй — «нашъ князь Никита Григорьевичъ», жалуется флигель адъютантомъ, а «герой нашъ князь Сергѣй Григорьевичъ» стяжаетъ славу на поляхъ сраженій: въ двадцать три года онъ генералъ-майоръ, нѣсколько разъ раненъ и контуженъ, усыпанъ знаками отличія. Помню, въ запискахъ Хомутовой разсказъ. Сидѣли въ оперѣ, отворяется дверь, въ ложу входитъ Сергѣй Волконскій въ шинели. Его спросили, почему онъ не снимаетъ шинели? «Изъ скромности, отвѣчалъ онъ, солнце прячетъ въ облака лучи свои». Онъ распахнулся, — его грудь горѣла орденами . . .

Старшіе два сына были женаты. Николай — на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской, внучкѣ гетмана; она сопровождала мужа во время наполеоновскихъ воинъ и подъ Аустерлицемъ подбирала раненыхъ на полѣ сраженія. Никита былъ женатъ на княжнѣ

Бѣлосельской-Бѣлозерской, извѣстной впослѣдствіи Зинаидѣ Волконской, сыгравшей видную роль въ литературно-художественномъ движеніи своего времени, обворожительной красавицѣ, воспѣтой Пушкинымъ, Мицкевичемъ. О ней скажемъ нѣсколько словъ ниже. Сергѣй Григорьевичъ въ то время еще не былъ женатъ; уже послѣ смерти отца, можно сказать наканунѣ декабрьскихъ событій, онъ женился на Маріи Николаевнѣ Раевской.

«Невѣстушки наши, княгини Варвара Алексѣевна и Зинаида Александровна», блистали при дворахъ петербургскомъ и европейскихъ, на конгрессѣ вѣнскомъ и другихъ... Изъ своего Оренбургскаго одиночества сановный отшельникъ радостнымъ окомъ слѣдилъ за судьбою дѣтей, какъ она катилась отъ грохота сраженій къ блеску придворныхъ торжествъ. Картинныя описанія присылаетъ ему внучка Алина съ празднествъ веронскаго конгресса: съ восторгомъ упоминается имя пѣвицы Каталани, съ гордостью разсказывается, что тетушка Зинаида разучила и пѣла любимую оперу Государя, «La Molinara». Этотъ далекій шумъ тѣшилъ сердце старика и пробуждалъ чувства родительской гордости. Онъ былъ удивительный старикъ, полный своеобразія. Современные мемуары изобилуютъ разсказами о его странностяхъ. Сохранилось преданіе о томъ, что однажды онъ своего старшаго сына Николая ударилъ по щекѣ. Мальчикъ ушелъ и заперся въ своей комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ раскаявшійся отецъ стучится въ дверь, но сынъ не отпираетъ. Тогда слышится голосъ: «Отопри, я сталъ на колѣни». Сынъ отворяетъ дверь. — и оба, отецъ и сынъ, стоятъ на порогѣ другъ передъ другомъ на колѣняхъ. Съ годами его странности увеличивались; здѣсь, можетъ быть, сказывалось вліяніе раны въ голову, полученной въ сраженіи подъ Мачиномъ. Но,

въ самомъ дѣлѣ, невѣроятныя подробности читаемъ о немъ. Въ Петербургѣ въ большой каретѣ цугомъ выѣзжалъ онъ на базаръ, закупалъ провизію; позади кареты, по бокамъ ливрейныхъ лакеевъ висѣли гуси и окорока, которые онъ раздавалъ бѣднымъ. Посреди улицы онъ вылѣзалъ изъ кареты, становился на колѣни, иногда въ грязь, въ лужу и творилъ молитву. Онъ былъ очень богомоленъ; на портретѣ работы Боровиковскаго онъ изображенъ съ руками, сложенными на Библіи. Вотъ какъ въ своемъ стихотвореніи, поднесенномъ ему по случаю «пожалованія ордена Святого Андрея Первозваннаго», описывалъ Григорія Семеновича нѣкій Евреиновъ:

Я мимо Спаса шелъ по улицѣ Сѣнной;
Гляжу — въ часовнѣ — кто онъ въ лентѣ голубой?
Встревожился тогда, не вѣрю я глазамъ,
Но вдругъ представился Волконскій князь очамъ.
. . . .
Иной бы, получа такую благодать,
Въ театръ бы поскакалъ, чтобъ тамъ себя казать,
А ты, достойный мужъ, въ храмъ божескій спѣшишь...

Другой современникъ пишетъ, что, если бы Св. Синодъ былъ освѣдомленъ о чудесахъ, которыя выдѣлываетъ въ Оренбургѣ князь Григорій Семеновичъ, то, конечно, распорядился бы внести его въ Четьи Минеи. Третій, извѣстный въ свое время поэтъ, князь Ив. Мих. Долгорукій, — говоритъ: «Страннаго будучи характера, онъ прославился въ публикѣ многими проказами, которыя сдѣлали его настоящимъ чудакомъ.» На улицахъ Оренбурга встрѣчали военнаго губернатора гуляющимъ въ халатѣ поверхъ нижняго бѣлья, а на халатѣ всѣ ордена: въ такомъ видѣ онъ иногда заходилъ далеко, а возвращался на какой-нибудь встрѣчной телѣгѣ.

Характера мягкаго, добродушнаго, поэтъ въ душѣ, страстный любитель старой итальянской музыки, Гри-

2*

горій Семеновичъ въ тѣ времена, когда родительскій авторитетъ въ семьѣ, и даже гнетъ, почитался добродѣтелью, только любовался своею семьею, не направлялъ, не предписывалъ. Семейный корабль шелъ по волнамъ житейскимъ къ славѣ и почету, казалось, безъ кормчаго. Письма его полны одними лишь «душевными сладчайшими сентиментами» къ «дорогимъ обжектамъ» его родительской любви. Трогательны попеченія о маленькихъ внукахъ, дѣтяхъ Софьи Григорьевны — «ангелахъ Александринѣ, Митюшѣ и Григоріѣ». Неусыпная чувствуется заботливость: «Дѣтей ангеловъ держи, голубушка, гдѣ ихъ комната, чтобъ всегда былъ чистѣйшій свѣжій воздухъ, отнюдь не жаркая натопленная печь: никогда у ангеловъ кашлю не будетъ». Какое-то библейское благоговѣніе владѣетъ имъ всякій разъ, какъ узнаетъ, что дочь его «въ благословенномъ положеніи». Но дальше нѣжныхъ совѣтовъ и увѣщаній авторитетъ родительскій не идетъ.

Интересны бытовыя подробности: происходитъ постоянный обмѣнъ съ Петербургомъ. Ему высылаютъ одеколонъ, оподельдокъ, жасминовой помады, перментъ. Отъ времени до времени получаетъ онъ отъ дочери новый мундиръ и всегда приурочиваетъ обновить его въ тотъ или иной праздникъ. Празднества занимаютъ большое мѣсто въ Оренбургской жизни. Кромѣ церковныхъ и царскихъ, празднуются и семейные именины и рожденія, и Оренбургское общество не разъ танцевало, въ то время, какъ обыватели на улицѣ любовались при пушечной пальбѣ на транспарантные вензеля Софьи Григорьевны и ея «ангеловъ — дѣтей». «Всѣ здѣшнія красоты и жительствующее общество въ день радостный, матушка княгиня Софья Григорьевна, вашихъ дражайшихъ именинъ всѣми щерьбетами угощаемы были. Горѣло въ фейерверкѣ ваше мнѣ и всѣмъ пріятное имя,

за ужиномъ многочисленные за виновницу пили тоасты съ громомъ пушекъ. Ваше имя, князь Петра Михайловича и дитяти, Богомъ даннаго князь Григорія Петровича, въ пирамидахъ при разныхъ огняхъ зажжено было, — далѣе за полночь, по здѣшнему обыкновенію, угощаемые разъѣхались съ полной любовью къ вамъ, княгиня Софья Григорьевна».

Отъ себя Григорій Семеновичъ посылаетъ въ Петербургъ киргизскихъ каурыхъ лошадей, мѣха, чай, — все, что приносятъ караваны изъ «предѣловъ Азіатскихъ», также отъ казаковъ: икру, бѣлорыбицу, стерлядь. Большое мѣсто въ перепискѣ занимаютъ кашемировыя шали, которыя въ то время были въ такой модѣ; красивыя, тонкія, пестрыя; бѣлая, предназначенная для Императрицы Маріи Ѳедоровны, понравилась: «Обѣщаю Вамъ наряжаться въ сію шаль при напоминаніи о васъ... Шаль прекрасная, и я очень чувствительна къ намѣренію вашему мнѣ удовольствіе сдѣлать». Но не однимъ неодушевленнымъ товаромъ балуетъ Григорій Семеновичъ родныхъ своихъ и знакомыхъ. Онъ проситъ позволенія у дочери поставить у нея въ домѣ, пока ихъ не развезутъ по сановникамъ, «колонію коралькопаковъ до двухъ десятковъ... Но всѣ угрюмые, и нехорошіе лицами, всѣ крещеные, и привита оспа». На нихъ тоже была въ то время «мода»; когда Ларины пріѣхали въ Москву къ старой теткѣ, четвертый годъ больной въ чахоткѣ, имъ отворилъ дверь

Въ очкахъ, въ изодранномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ сѣдой калмыкъ.

О дѣлахъ управленія своего въ этихъ семейныхъ письмахъ Григорій Семеновичъ мало говоритъ, но проходятъ въ бѣглыхъ наброскахъ картины жизни того

края: бунты непокорныхъ казаковъ, сношенія съ ханами, научныя экспедиціи въ поискахъ руды. Все это бѣгло, но широко и въ постоянномъ общеніи съ природой: «Караваны у меня выходятъ богатые, торговля начинается, погода обѣщаетъ плодородіе». Прямо поэтическимъ дуновеніемъ оживлены картины Урала, который онъ называетъ старымъ именемъ «Рифейскія горы»: «Судя по описаніямъ объ Альпійскихъ горахъ, нельзя подумать, чтобы здѣшнія горы съ прекрасными долинами, покрытыми многочисленными стадами, не могли сравняться съ оными: и здѣсь есть сѣдые Альпы, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ, и здѣсь бьютъ каскады, и здѣсь есть утесы, устрашающіе путешественниковъ, но не страшные отъ того, что уже нѣсколько вѣковъ грозятъ разрушиться надъ головами безпрерывныхъ вояжеровъ и никогда еще не упадали».

Въ одномъ только случаѣ измѣняется общій тонъ благодушія, которымъ дышатъ письма Григорія Семеновича, — когда онъ учуетъ, что гдѣ-нибудь запахло взяткой: «Ежели откроется корыстность, превращу въ ничтожество интересанта».

«Азіатское одиночество» Григорія Семеновича не разъ было услаждаемо посѣщеніями членовъ его семьи. Сергѣй Григорьевичъ со старшимъ братомъ Николаемъ навѣстилъ отца въ 1808 году, Софья Григорьевна пріѣзжала въ 1807 г. и второй разъ съ братомъ Николаемъ въ 1816 г. Дважды посѣтила мужа княгиня Александра Николаевна — въ 1805 и въ 1816 гг. Пріѣзды супруги обставлялись пышно: Григорій Семеновичъ выѣзжалъ къ ней навстрѣчу, лишь только приходила вѣсть, что княгиня приближается «къ предѣламъ азіатскимъ». Предѣлы эти, однако, понемногу начинаютъ ему докучать, и есть указаніе, что завѣтной его мечтой было получить постъ посла въ Константинополѣ.

Таковъ былъ Григорій Семеновичъ, таковъ онъ выступаетъ изъ своихъ писемъ, столь же привлекательныхъ по настроенію, сколько страшныхъ по почерку своему: нельзя себѣ представить ничего болѣе труднаго, и къ трудности письма прибавляется еще трудность своеобразной орѳографіи. За разборку этихъ писемъ особенно признателенъ Б. Л. Модзалевскому; если бы они не были въ свое время разобраны имъ, если бы не были напечатаны въ первомъ — и единственномъ томѣ «Архива Декабриста», я бы не могъ дать характеристики моего прадѣда. Характеристика, конечно, неполная, хотя бы потому уже, что I-й томъ останавливается на 1816 г., а Григорій Семеновичъ умеръ въ 1824 г. Но и сказаннаго, думаю, довольно, чтобы образъ его вырисовался. Все заставляетъ думать, что настоящимъ главой семейства была — «ваша добродѣтельная мать, моя дрожайшая супруга, княгиня Александра Николаевна».

Дочь фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, статсъ-дама, оберъ-гофмейстерина трехъ императрицъ, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины первой степени, княгиня Александра Николаевна была характера сухого; для нея формы жизни играли существенную роль. Придворная до мозга костей, она замѣнила чувства и побужденія соображеніями долга и дисциплины. Пока шелъ допросъ декабристовъ, и сынъ ея сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, она уже была въ Москвѣ, гдѣ шли приготовленія къ коронаціи. Императрица, снисходя къ ея горю, предоставила ей оставаться въ своихъ комнатахъ,но, пишетъ ея внучка Алина своей матери Софьѣ Григорьевнѣ, бабушка ради этикета всетаки присутствовала на представленіи дамъ. Этикетъ и дисциплина, вотъ внутренніе, а, можетъ-быть, правильнѣе сказать, — внѣшніе двигатели ея поступковъ: всѣ

ея дѣйствія исходили изъ этихъ соображеній, всѣ чувства выражались по этому руслу. И надо сказать, что событіе 14-го декабря поставило ее въ трудное положеніе: первая дама въ имперіи, и сынъ каторожникъ...

Въ 1824 г. (17 іюля въ 11 час. утра) скончался въ Петербургѣ старый князь Григорій Семеновичъ, послѣ восьмидесятидвухлѣтней жизни и сорока четырехъ лѣтъ супружества, вкусивъ отъ земного своего существованія все, что могутъ дать знатность, довольство, многочисленное потомство и незлобивый, добродушный характеръ. Княгиня схоронила его въ Александро-Невской лаврѣ, приготовивъ себѣ мѣсто, на которомъ легла сама десять лѣтъ спустя. Она переѣхала на житье въ Зимній дворецъ, предоставивъ свой домъ на Мойкѣ у Пѣвческого моста — тотъ самый домъ, гдѣ впослѣдствіи жилъ и умеръ Пушкинъ, — дѣтямъ. Пока дѣти воевали, или путешествовали, или пребывали на мѣстахъ своего служенія, княгиня проводила часы, свободные отъ обязательствъ придворнаго этикета и свѣтскаго представительства, въ обществѣ преданной своей компаньонки, француженки Жозефины. Эта Жозефина на страницахъ нашего архива занимаетъ довольно видное мѣсто. Она была, какъ бы сказать, вторымъ центромъ семьи; въ своихъ письмахъ она излучается ко всѣмъ ея членамъ, разсыпаннымъ по лицу Европы; черезъ нее они узнавали другъ про друга, и къ ней же стекались издалека семейныя недоумѣнія, домашнія порученія. Въ жизни нашихъ сибирскихъ изгнанниковъ почти цѣлыхъ пять лѣтъ, отъ 1831 до 1835 г., можно сказать, услаждены тѣмъ, что приносилъ имъ въ мрачное заточеніе ясный, бисерный почеркъ Жозефины. Это была непрерывная связь съ теченіемъ семейной жизни, со всѣмъ тѣмъ беззаботнымъ, счастливымъ, что осталось позади. Каждую пятницу шло письмо изъ Зимняго дворца въ Сибирь и несло

извѣстія о помолвкахъ, свадьбахъ, беременностяхъ, рожденіяхъ, крестинахъ, зубкахъ, болѣзняхъ, лѣченіяхъ и проч. Изгнанники наши цѣнили довѣрія заслуживающую точность и правдивость этихъ писемъ, а самое Жозефину Сергѣй Григорьевичъ, декабристъ, называлъ не иначе, какъ ma soeur (сестра).

Жозефина прожила со старухой княгиней до самой ея смерти въ 1835 году и потомъ уѣхала въ Парижъ. Есть въ нашемъ архивѣ еще два письма изъ Парижа, изъ которыхъ между прочимъ видно, что она разыскала тамъ мать г-жи Анненковой. (Извѣстно, что декабристъ Анненковъ былъ женатъ на француженкѣ, которая послѣдовала за нимъ въ ссылку). Между прочимъ пишетъ, какихъ трудовъ ей стоило убѣдить свою соотечественницу, что въ Сибири по улицамъ не бѣгаютъ медвѣди, что тамъ не круглый годъ зима . . .

Письма Жозефины цѣнны еще и въ бытовомъ отношеніи. Видимъ въ нихъ всю закулисную челядь стараго барскаго житья; въ нихъ дѣвичья, слышится и кухня, отголоски конюшни. Но больше всего, конечно — дѣвичья. Сколько ихъ, начиная съ кастелянши Екатерины Семеновны Крыловой! Была Агрипина, была Акулина, была Василиса, была незамѣнимая Груша, мастерица на всѣ руки, которая разъ даже въ Москвѣ, во время коронаціи, когда французъ парикмахеръ опоздалъ, сама причесала Алину «по гречески», такъ что всѣ на балу хвалили. Еще была Жюленька, которая изъ дѣвочекъ выросла и доучилась до того, что «заступила мѣсто Екатерины Семеновны», о чемъ однажды сама извѣщала Сергѣя Григорьевича въ письмѣ, которое ему писала по порученію Жозефины, болѣвшей въ то время глазами. Наконецъ, шмыгало по корридорамъ Зимняго, Кремлевскаго, Таврическаго дворца, въ аппартаментахъ старой

княгини, не мало калмычекъ, — то были отъ князя Григорія Семеновича дары Азіатскихъ степей...

У меня была прелестная картина, изображавшая, — въ гостиной Зимняго дворца этихъ двухъ женщинъ, столь крѣпко спаянныхъ жизнью и столь мало другъ на друга похожихъ. За круглымъ столомъ сидитъ, раскладывая пасьянсъ, княгиня Александра Николаевна Волконская; въ креслѣ на колесахъ, грузная, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, а напротивъ нея — тоненькая, въ клѣтчатомъ шелковомъ платьѣ ея компаньонка Жозефина Тюрненже. Обѣ въ широченныхъ чепцахъ: только чепецъ Жозефины легкій, кисейный, а чепецъ княгини съ тяжелыми атласными лентами и бантами, которые, какъ пламя, расходятся вокругъ ея большой некрасивой головы. У нея было красное лицо съ мясистыми щеками, небольшимъ крючковатымъ носомъ и большими на выкатъ глазами. Она ходила грузной походкой, говорила, судя по странной привычкѣ въ письмѣ удваивать согласныя, сухо, чеканно. Въ сужденіяхъ ея чувствовался обычай, укладъ, неоспоримость того, что установлено привычкой, освящено повторностью. Портретовъ ея у меня было пять, шесть; между прочимъ одинъ, акварельный, писанный ею самой и, согласно собственноручной надписи, ею же самой подаренный сыну Никитѣ въ день ея рожденія; ни на одномъ изъ портретовъ не выглядятъ такъ страшно ея большіе на выкатъ глаза, ни на одномъ пестрые банты чепца не стоятъ такимъ алымъ пожаромъ вокругъ краснаго лица, и ни на одномъ не сіяютъ такимъ блескомъ ордена, знаки отличія и обсыпанный алмазами медальонъ съ портретами императрицъ. У меня хранилась прядь ея волосъ, бѣлой, совершенно серебряной сѣдины. Наконецъ, еще упомяну, что кресло на колесахъ, изображенное на картинкѣ, перешло къ внучкѣ ея, дочери декабриста, Еленѣ Сергѣевнѣ (сперва Молчано-

вой, потомъ Кочубей, потомъ Рахмановой) и хранилось въ имѣніи послѣдней, Вороньки, Черниговской губерніи. Въ этомъ креслѣ декабристъ, вернувшись изъ Сибири, часто сидѣлъ, въ особенности послѣдній годъ своей жизни; въ немъ сидя, писалъ свои «записки», съ него сойдя, перешелъ на смертный одръ...

Таковы, по письмамъ, по портретамъ, по преданію. черты той, кто была матерью декабриста. О ея отношеніи къ нему во время процесса и впослѣдствіи, во время ссылки, поговоримъ ниже.

Въ началѣ 1825 г. (11 января) Сергѣй Григорьевичъ сочетался бракомъ съ Маріей Николаевной Раевской, дочерью генерала Николая Николаевича Раевскаго, извѣстнаго защитника Смоленска и участника Бородинскаго сраженія. Свадьба была въ Кіевѣ; Раевскіе были кіевляне: ихъ именіе Болтышка было въ Кіевской губерніи; тамъ же подъ Кіевомъ была усадьба матери Николая Николаевича, Екатерины Николаевны, — знаменитая въ исторіи декабризма Каменка. Здѣсь, въ этомъ семейномъ гнѣздѣ, подъ крыломъ гостепріимной хозяйки, среди разливаннаго моря стараго помѣщичьяго хлѣбосольства, по ночамъ происходили тайныя засѣданія тайнаго политическаго общества.

III.

Старуха Екатерина Николаевна, мать Николая Николаевича Раевскаго, была одною изъ многочисленныхъ племянницъ Потемкина, урожденная Самойлова. Она вышла замужъ столь молодой, что первый годъ замужества часто тайкомъ отъ мужа играла въ куклы; какъ зазвенятъ бубенцы, возвѣщающіе возвращеніе супруга.

такъ тотчасъ куклы быстро убирались. Этотъ бракъ, устроенный отцомъ дѣвушки, по старому обычаю, безъ совѣта молодыхъ, былъ непродолжителенъ; Екатерина Николаевна осталась молоденькой вдовой съ сыномъ Николаемъ на рукахъ, будущимъ героемъ отечественной войны. Вскорѣ она вторично вышла замужъ, уже по любви, за Льва Васильевича Давыдова. Отъ Давыдова она имѣла многочисленное потомство. Кромѣ своихъ дѣтей, у нея воспитывалось огромное количество племянницъ. Съ ними вмѣстѣ воспитывалась дочь старика дворецкаго, на правахъ пріемной дочери; но соблюдался такой обычай: когда отецъ, обнося блюдо, доходилъ до дочери, дочь должна была встать и поцѣловать ему руку. Она впослѣдствіи вышла замужъ за Стояновскаго и была матерью извѣстнаго въ свое время предсѣдателя департамента законовъ и Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества. По старому обычаю, домъ кишелъ приживальщиками и приживалками. Екатерина Николаевна Давыдова, какъ племянница Потемкина, была такъ богата,что изъ однихъ заглавныхъ буквъ принадлежавшихъ ей имѣній можно было составить фразу: «Левъ любитъ Екатерину». Къ тому времени, о которомъ говоримъ, т. е. къ 1825 году, высокіе хоромы огромнаго Каменскаго дома оглашалъ, какъ сказалъ бы Тургеневъ. «веселый шумъ семейной деревенской жизни», оживляли его постоянные наѣзды гостей, нескончаемыя празднества. Центромъ этой жизни была жена одного изъ сыновей Екатерины Николаевны, Александра Давыдова, обворожительная Аглая, — француженка, дочь герцога Грамона, которую воспѣвалъ Пушкинъ, про которую одинъ современникъ писалъ, что все, начиная отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, умирало у ея ногъ. Все это жило, а по выраженію того же современника, — «жило и ликовало» и не замѣчало, что тутъ-же, подъ

тѣмъ же кровомъ назрѣвало что-то тайное, чему суждено было развернуться въ нѣчто страшное.

Въ одной изъ верхнихъ комнатъ, окно до поздней ночи, когда все уже въ домѣ спало, оставалось освѣщеннымъ. Что тамъ происходило? Этотъ вопросъ задавалъ себѣ неоднократно инженеръ Шервудъ, приглашенный въ Каменку, чтобы поставить мельницу на рѣкѣ. Однажды, давъ ходъ своему любопытству, онъ взлѣзъ на дерево. Онъ увидѣлъ вокругъ стола засѣдающихъ заговорщиковъ. Окно было открыто, онъ все слышалъ . . . Каждую ночь Шервудъ взлѣзалъ на дерево и, наконецъ, въ Петербургъ полетѣлъ доносъ. Этотъ доносъ, направленный Аракчееву, былъ Аракчеевымъ представленъ Александру I; у Александра I онъ залежался и не получилъ движенія. Николай I впослѣдствіи прозвалъ его «Шервудъ вѣрный», декабристы перекрестили его въ «Шервудъ скверный».

Фактическая исторія декабризма достаточно извѣстна; ихъ мысли, ихъ стремленія, ихъ пути достиженія могутъ быть изучены по книгамъ. Я на этихъ страницахъ задался цѣлью разсказать то, чего въ книгахъ нѣтъ и потому только въ двухъ словахъ скажу для того читателя, который бы этого не зналъ, кто такіе декабристы.

Цвѣтъ русской молодежи, преимущественно офицерство, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія вверженный въ военное броженіе, охватившее Европу, увлеченный наполеоновскими войнами, увидалъ «заграницу». Эти молодые люди соприкоснулись съ укладомъ тамошней государственной и общественной жизни, оцѣнили разницу этихъ условій съ тѣми, въ которыхъ жили у себя на родинѣ. Уже ранѣе того воспитаніе поставило ихъ въ противорѣчіе между тѣмъ, чему ихъ учили, и тѣмъ, что дѣлалось вокругъ нихъ. Взрощенные въ принципахъ

французской философіи XVIII вѣка, они жили среди крѣпостного права... Когда они вернулись домой, они уже не могли примириться съ дѣйствительностью. Они задумали рядъ реформъ. Въ основу легло освобожденіе крестьянъ, а затѣмъ цѣлый рядъ пожеланій, изъ которыхъ многія и по сей часъ представляются намъ несбыточными мечтаніями. Они желали конституціи. народнаго представительства, гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ. свободы печати и проч.

Въ десять лѣтъ Тайное Общество сплотилось, окрѣпло, но, какъ показали впослѣдствіи событія, у него не было, при тогдашнемъ отсутствіи телеграфа и желѣзныхъ дорогъ, при разсыпанности членовъ его отъ Кіева и Кавказа до Петербурга, у него не было возможности столковаться и средствъ упрочиться. Тѣмъ не менѣе. ждали случая выступить. Случай думали найти въ той исторической заминкѣ, которой было отмѣчено вступленіе на престолъ Николая I. Старшій братъ Константинъ отказался отъ престола въ пользу Николая, но объ этомъ оффиціально не было извѣстно, и въ то время, какъ Императрица Марія Ѳеодоровна приглашала сына Николая преклониться передъ братомъ за его великодушіе („Prosternez-vous devant votre frère"), государственныя учрежденія и войска не знали, что дѣлать. Одни присягали Николаю, другіе Константину. Офицеры, члены Тайного Общества, воспользовались замѣшательствомъ. вывели свои полки на Сенатскую площадь (14 декабря 1825 года).

Произошелъ бой, кончившійся подавленіемъ мятежа. Неудачная попытка раскрыла еще одну слабую сторону заговора: у нихъ не было никакихъ корней. Народъ не зналъ о нихъ. Солдаты повиновались офицерамъ либо изъ побужденій слѣпой дисциплины, либо даже подъ туманомъ недоразумѣнія; они кричали «Да здрав-

ствуетъ Конституція», но многіе думали, что «Конституція» есть женскій родъ отъ слова «Константинъ» и что этимъ обозначается жена Великаго князя Константина Павловича...

Вспышка на Сенатской площади была, выражаясь современнымъ нашимъ языкомъ, «ликвидирована» къ вечеру того же дня. На полѣ сраженія вокругъ памятника Петра Великаго осталось много раненыхъ, Исаакіевскій мостъ провалился подъ тяжестью спасавшейся толпы; былъ убитъ командующій Петербургскими войсками, графъ Милорадовичъ, произведено масса арестовъ, и съ разныхъ концовъ Россіи поскакали въ Петербургъ подъ конвоемъ фельдъегерей арестованные офицеры, члены Тайного Общества. Въ числѣ ихъ былъ и князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

Онъ былъ арестованъ въ Умани, гдѣ находился по долгу военной службы. Привезенный въ Петербургъ, онъ былъ помѣщенъ въ одинъ изъ казематовъ Алексѣевскаго равелина Петропавловской крѣпости въ первыхъ числахъ января.

Самое драматическое, что есть въ нашемъ архивѣ, это, конечно, письма 1826 года. Бомба, разразившаяся въ Петербургѣ 14 декабря, застала разныхъ членовъ семьи въ разныхъ мѣстахъ. Княгиня Марія Николаевна была въ Болтышкѣ, Кіевской губерніи, имѣніи ея отца, гдѣ со дня на день ожидала разрѣшенія отъ бремени. Мать декабриста, княгиня Александра Николаевна, была въ Петербургѣ, при вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. Сестра декабриста, княгиня Софья Григорьевна, бывшая съ мужемъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ при кончинѣ Императора Александра I-го, находилась въ пути, сопровождая тѣло Государя изъ Таганрога въ Петербургъ. Къ ней навстрѣчу изъ

Петербурга ѣхала дочь ея Алина, любимая племянница Сергѣя Григорьевича. Старшій братъ находился на мѣстѣ своего служенія въ Полтавѣ, жена его, княгиня Варвара Алексѣевна, съ дѣтьми была въ Парижѣ. Братъ Никита былъ въ Москвѣ, тамъ же была его супруга, обворожительная княгиня Зинаида. Семья Раевскихъ была не менѣе разбросана. Родители Маріи Николаевны были съ нею, ожидая ея родовъ; тутъ же была ея младшая сестра Софья Николаевна; другія двѣ сестры были въ Москвѣ; братья Александръ и Николай были отвезены въ Петербургъ для допроса, который, какъ извѣстно, кончился ихъ полнымъ обѣленіемъ и Высочайшимъ о томъ рескриптомъ на имя ихъ отца.

При такой разбросанности членовъ обѣихъ семей, обмѣнъ письмами не могъ не быть весьма значительнымъ. Самое цѣнное, конечно, среди массы писемъ, къ этому году относящихся, это письма самой Маріи Николаевны къ Сергѣю Григорьевичу. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе патетическое, чѣмъ эти письма жены къ мужу. Отъ перваго, написаннаго изъ деревни, черезъ два дня послѣ извѣстія объ арестѣ, и въ которомъ она уже говоритъ, что поѣдетъ за нимъ въ Сибирь, до послѣдняго, написаннаго въ Нерчинскѣ и начинающагося словами: «Наконецъ я въ обѣтованной землѣ», — это, можно сказать, одинъ гимнъ любви, преданности и чувства долга. Высокій духъ этихъ писемъ, непоколебимая стойкость въ принятомъ рѣшеніи, еще больше выступаютъ при ознакомленіи съ письмами, которыя молодая княгиня получала отъ своихъ родныхъ. Только теперь ясно становится, черезъ что она прошла, какую выдержала борьбу. Она не только встрѣтила неодобреніе своему рѣшенію слѣдовать за мужемъ, — она, можно сказать, была окружена заговоромъ, обойдена сѣтью. И вѣдалъ этимъ заговоромъ, какъ ни трудно

вѣрится, ея родной братъ Александръ Николаевичъ Раевскій. Есть письмо его къ княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Волконской (сестрѣ декабриста), въ которомъ онъ извѣщаетъ ее, что, получивъ отъ отца предписаніе наблюдать за спокойствіемъ сестры, онъ предупреждаетъ княгиню, что ея письмо къ сестрѣ онъ вскрылъ и что оно не будетъ передано по адресу . . . Понемногу правда стала выплывать. Волконскіе, которымъ рѣшеніе Маріи Николаевны, понятно, было пріятно, стали писать въ двухъ, трехъ экземплярахъ, пользовались «оказіями». Недоразумѣніе, однако, между обѣими семьями залегло глубоко. Каждая семья считала своего члена жертвою членовъ другой семьи. Княгиня Софья Григорьевна писала старухѣ матери о братьяхъ Раевскихъ: «это исчадіе ада» (une émanation infernale) и прибавляла, что братъ Сергѣй, конечно, никогда не признается, что былъ ими обойденъ. Старикъ же Раевскій черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Маріи Николаевны въ Сибирь, писалъ дочери Екатеринѣ, что, поѣхавъ, она повиновалась не чувству, а «вліянію Волконскихъ бабъ, которыя похвалами ея геройству увѣрили ее, что она героиня, — и поѣхала, какъ дурочка». Вся семья упрекала ее въ экзальтаціи и недостаткѣ разсудительности, а Волконскихъ обвиняли въ томъ, что они ее взвинчивали и торопили ѣхать, даже не удостовѣрившись, готова ли она въ матеріальномъ смыслѣ къ отъѣзду. Братья никакъ не могли примириться съ ея рѣшеніемъ и сурово осуждали ея мужа. Николай Раевскій много лѣтъ спустя, въ 1832 году, писалъ сестрѣ, что онъ никогда не проститъ ея мужу жестокости, съ какою, женившись на ней, онъ сократилъ жизнь ихъ отца и сдѣлался виновникомъ ея несчастія. Но больше всѣхъ негодовала родная мать Маріи Николаевны.

IV.

Софья Алексѣевна Раевская, жена генерала Николая Николаевича, была дочерью Константинова, библіотекаря Екатерины Великой, и по матери — внучкой Ломоносова. Женщина характера неуравновѣшеннаго, нервная, въ которой темпераментъ бралъ верхъ надъ разумомъ. Подъ впечатлѣніемъ минуты она иногда въ своихъ письмахъ къ дочери дѣлаетъ ей сцены, и это въ Сибирь, за восемь тысячъ верстъ. При этомъ женщина характера сухого, мелочнаго, въ глазахъ которой подвигъ дочери есть только семейное осложненіе, неудобное для всѣхъ, вредное для карьеры братьевъ и отца. Послѣднее соображеніе больше всего, повидимому, ее мучило: преданность мужу владѣетъ всѣмъ ея существомъ; несмотря на многочисленное свое семейство, она до послѣднихъ дней своихъ оставалась болѣе супругой, нежели матерью. Но каково было дочери еще въ 1829 году, — значитъ, черезъ три года послѣ событій, получать въ Сибири фразы, вродѣ слѣдующей: «Вы говорите въ письмахъ сестрамъ, что я какъ будто умерла для васъ. А чья вина? Вашего обожаемаго мужа . . . Немного добродѣтели нужно было, чтобы не жениться, когда человѣкъ принадлежалъ къ этому проклятому заговору. Не отвѣчайте мнѣ, я вамъ приказываю». Скажемъ мимоходомъ, что вся семейная переписка проходила на французскомъ языкѣ: вотъ почему встрѣчаемся съ мѣстоимѣніемъ «вы» больше, нежели съ «ты».

Скажемъ кстати о французскомъ языкѣ нашихъ дѣдовъ и бабушекъ. Они писали имъ охотно и свободно. Передѣлывая пушкинскій стихъ, можемъ сказать:

> Подъ ихъ перомъ языкъ чужой
> Не превратился ли въ родной?

Да, онъ превратился въ родной въ смыслѣ легкости, съ какой они выражались. Но, конечно, это былъ не настоящій французскій языкъ. Онъ часто отзывался, въ особенности подъ женскимъ перомъ, классной комнатой. Чувствовалась традиція прописей; рѣчь изобиловала готовыми формулами. Слова не всегда употреблялись въ настоящемъ ихъ смыслѣ, и рѣдко давали впечатлѣніе исчерпывающее по отношенію къ той мысли, которую выражали. Собственно, приходится жалѣть, что люди прибѣгали къ такому орудію, которое всегда являлось неполнымъ, лишь приблизительнымъ выраженіемъ. Это не могло въ свою очередь не вліять и на самое мышленіе, которое пріобрѣтало тѣ же пріемы приблизительности и неточности. Часто попадаются орфографическія и грамматическія ошибки. И со всѣмъ тѣмъ, этотъ французскій языкъ нашихъ бабушекъ не лишенъ своеобразной прелести, какъ цвѣтокъ, передающій благоуханіе извѣстной эпохи, цвѣтокъ, который никогда уже не повторится: той земли уже нѣтъ, на которой онъ произросталъ. Сами неточности, сама приблизительность сообщаютъ ему какую-то дымку туманности, и даже кажется, что, если бы не было этихъ ошибокъ, то уже было бы какъ-то не то... Такъ все прошлое пріобрѣтаетъ цѣнность, и многое изъ того, что мы бы сейчасъ подчеркнули краснымъ карандашемъ, мы въ прошломъ готовы пропечатать курсивомъ.... Изъ писемъ нашего архива заслуживаютъ быть отмѣченными, какъ образцы хорошаго французскаго языка, письма Александра Николаевича Раевскаго. Хорошо писали декабристъ Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и его сестра княгиня Софья Григорьевна. Совершенно отдѣльно отъ всѣхъ, въ смыслѣ слога, крѣпкаго построенія мысли, а такъ же и почерка, стоятъ письма декабриста Лунина. Наименьшую литературную цѣн-

ность представляютъ письма старухи княгини Александры Николаевны. Они печальны — по трафаретности оборотовъ, по логической приблизительности и по обилію ошибокъ. Ея правописаніе было своеобразно: она удваивала букву Т: „sanTTé“, „volonTTé“ . . . Но вернемся къ нити нашего разсказа.

Нельзя не упомянуть и еще объ одной причинѣ того раздраженія, которымъ всегда и все больше и больше страдала мать Маріи Николаевны, Софья Алексѣевна Раевская. Эта причина — давыдовское родство ея мужа. Мать Николая Николаевича Раевскаго, Екатерина Николаевна, какъ сказано, вышла вторымъ бракомъ за Давыдова, отъ котораго имѣла многочисленныхъ дѣтей. Софья Алексѣевна не любила свою свекровь и не прощала ей второго брака, принесшаго ея семьѣ столько сонаслѣдниковъ. Къ тому же, надо прибавить, семья Давыдовыхъ была очень блестяща; два старшихъ брата Николая Николаевича Раевскаго сдѣлали блестящіе браки. Петръ, по прозванію «le beau», въ котораго была влюблена принцесса Баденская, сестра Императрицы Елизаветы Алексѣевны, былъ женатъ на графинѣ Орловой (его сынъ получилъ титулъ графа Орлова-Давыдова): Александръ, котораго Пушкинъ прозвалъ «рогоносецъ величавый», былъ мужемъ обворожительной Аглаи, о которой мы упоминали выше. Все Каменское «ликованіе», а въ особенности обворожительная Аглая, не нравилось Софьѣ Алексѣевнѣ. Къ этому прибавлялось и то еще, что младшій братъ Давыдовъ, Василій Львовичъ, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Потаповой, той самой, чьи слова мы выше приводили, былъ замѣшанъ въ декабрьскую исторію и также поплатился ссылкой. Этотъ фактъ декабризма въ самой семьѣ мужа, конечно, гораздо больше компрометировалъ Раевскихъ, чѣмъ причастность къ заговору сторонняго человѣка — Волконскаго. Все

Князь Сергій Григорьевичъ
Волконскій

Съ фотографіи 1863 г.

это надо имѣть въ виду, если хотимъ опредѣлить атмосферу семейныхъ отношенiй и истинный камертонъ семейной переписки. Жалко рядомъ съ высокими чертами характера упоминать о мелочахъ людскихъ, но нельзя и проходить мимо нихъ.

Изъ всего этого видимъ, что мало поощрительна была обстановка, въ которой созрѣвалъ планъ и производились сборы княгини Марiи Николаевны. Родной отецъ, только скрѣпя сердце, согласился на ея отъѣздъ, когда увидѣлъ, что всѣ предосторожности ни къ чему, и отпустилъ ее не иначе, какъ подъ условiемъ, что она вернется черезъ годъ, а мужу ея писалъ: «Надѣюсь, что ты не сдѣлаешься эгоистомъ и не будешь ее удерживать». Въ своихъ «Запискахъ» княгиня Марiя Николаевна вспоминаетъ страшную сцену, когда, передъ прощанiемъ, отецъ грозилъ ей проклятiемъ, въ случаѣ, если она не вернется. Сцена эта, впослѣдствiи воспроизведенная Некрасовымъ въ его поэмѣ «Русскiя женщины», вызвала негодованiе со стороны сестеръ Марiи Николаевны, надолго ее пережившихъ. Онѣ сочли ее выдумкой «господина Некрасова», и Софья Николаевна заготовила горячую, и, надо сказать, очень нелогичную статью, въ которой обѣляла память отца отъ подобной клеветы. Статья предназначалась для распространенной въ то время газеты «Голосъ», но не была напечатана вслѣдствiе настоянiя ея племянника Николая Михайловича Орлова. Но какъ же добрыя старушки удивились бы, если бы узнали, что возмутившая ихъ сцена вовсе не выдумана «господиномъ Некрасовымъ», а описана въ собственноручныхъ, тогда еще неизданныхъ запискахъ ихъ сестры. Но о поэмѣ Некрасова скажемъ ниже; здѣсь только упомянемъ, что не одна эта сцена возмутила нашихъ старушекъ. По поводу прогулки по берегу моря, подъ восторженными

взглядами Пушкина, Екатерина Николаевна Орлова сказала: «Вовсе мы не такъ были воспитаны, чтобы съ молодыми людьми бѣгать по берегу моря и себѣ ботинки мочить . . .»

Жестокая страстность сцены проклятія дочери отцомъ не мѣняетъ ни высокаго характера Николая Николаевича, ни его любви къ дочери и нисколько не подвергаетъ сомнѣнію искренность тѣхъ прелестныхъ писемъ, которыя онъ ей послѣ этого писалъ. Проявленія сильныхъ душевныхъ порывовъ могли уживаться съ проявленіями отцовской нѣжности въ характерѣ смоленскаго героя, котораго племянники Давыдовы называли «черный дядя». Его письма къ «Машенькѣ» или о ней къ сыну «Алексашѣ» полны такого нѣжнаго чувства къ дочери, что раскрываютъ совершенно новыя, намъ, потомкамъ, невѣдомыя, струны въ характерѣ того, про кого Наполеонъ говорилъ, что онъ созданъ изъ матеріала, изъ котораго дѣлаются маршалы. Его отношеніе къ отъѣзду дочери прошло черезъ мучительную эволюцію. Изъ писемъ къ сыну Александру и изъ писемъ сестеръ другъ къ другу видно, какъ онъ сдавался неохотно, понемногу. Какъ увидимъ ниже, княгиня Александра Николаевна объявила, что поѣдетъ къ сыну въ Сибирь. 3-го августа Николай Николаевичъ пишетъ: «Старуха ѣдетъ къ сыну, чему я не вѣрю». И несмотря на то, а можетъ быть именно потому, что онъ этому не вѣритъ, онъ ставитъ свое разрѣшеніе на отъѣздъ дочери въ зависимость отъ поѣздки старухи: поѣдетъ свекровь, можетъ ѣхать и она. Удивительнымъ благородствомъ, высокимъ безпристрастіемъ отличаются его отзывы объ арестованномъ зятѣ; онъ отдаетъ должное достойному его поведенію, прямотѣ его отвѣтовъ. Это не совсѣмъ совпадаетъ съ отношеніемъ братьевъ къ мужу сестры. Софья Николаевна пишетъ сестрѣ Екатеринѣ, что братъ Николай

въ противность отцу, нарисовалъ поведеніе Волконскаго въ самыхъ скверныхъ краскахъ.

Сестры въ это трудное время выказали много участія къ Маріи Николаевнѣ. При отъѣздѣ ея изъ Москвы Екатерина Николаевна снабдила ее многимъ необходимымъ въ дорогу и даже заставила надѣть собственную свою шубу. Въ дальнѣйшемъ отношеніе сестеръ къ ея положенію не отличалось тою теплотой, какой бы можно было ожидать въ столь тѣсной и дружной семьѣ. Надо сказать, что боготвореніе отца въ семьѣ Раевскихъ заслоняло собой всѣ другія чувства; мы видѣли отношеніе братьевъ, отзывъ Николая о Волконскомъ; сестры, конечно, думали такъ же; тотъ фактъ, что она огорчала отца, казался имъ болѣе значительнымъ, чѣмъ само горе сестры. Кромѣ того, надо принять во вниманіе и характеры, и обстоятельства жизни. Любимой сестрой Маріи Николаевны была Софья Николаевна; Екатерина Николаевна Орлова была на много старше; сестры даже называли ее «бабушка», къ тому же она была въ то время уже замужемъ, слѣдовательно имѣла свои семейные интересы. Елена, хотя была старше Маріи Николаевны, внушала къ себѣ скорѣе материнскія чувства и, повидимому, не могла быть сильной поддержкой въ горѣ. Но и Софья Николаевна, хотя и любимая, поражаетъ въ своихъ письмахъ дидактизмомъ своего отношенія къ сестрѣ. Въ ней всегда чувствуется гувернантка; она или порицаетъ или одобряетъ, и иногда прямо удивляться приходится сухости, съ которой она отвѣчаетъ на запросы изгнанницы-сестры. Нельзя не отмѣтить и того, что изъ всѣхъ сестеръ только Елена никогда не забывала прибавить въ письмѣ поклонъ «Сергѣю». Это вниманіе такъ же дорого цѣнилось Маріей Николаевной, какъ больно ее огорчало молчаніе другихъ . . .

Мы нѣсколько забѣжали впередъ, заговоривъ о пись-

махъ Сибирскаго періода; но намъ показалось это удобнымъ, во всякомъ случаѣ краткимъ способомъ обрисовать семейныя настроенія, при которыхъ пришлось Маріи Николаевнѣ проявлять свою настойчивость въ выполненіи задуманнаго плана. Мы еще встрѣтимся съ членами семьи Раевскихъ на пути нашего разсказа, но съ отъѣздомъ Маріи Николавны Болтышка погружается въ уныніе. Набѣжавшая же на Каменку туча не надолго ее омрачила; «ликованія» скоро возобновились и продолжались, пока было живо то поколѣніе Но какой-то рокъ надъ нею тяготѣлъ. Говорятъ, черезъ недѣлю послѣ смерти старухи Екатерины Николаевны, уже на полкахъ, на этажеркахъ, въ шкапахъ, въ комодахъ ничего не оставалось: стая приживальщиковъ все «реквизовала». Не въ наши дни, конечно, удивляться исчезновенію семейныхъ гнѣздъ: но Каменка исчезла много раньше революціи. Еще въ 1830 году Марія Николаевна пишетъ изъ Сибири про «огромный Каменскій домъ». Я былъ тамъ какихъ-нибудь шестьдесятъ пять лѣтъ спустя, — отъ дома не оставалось слѣда. Я засталъ еще въ живыхъ сына декабриста Василія Львовича Давыдова, Николая Васильевича; онъ ребенкомъ оставался въ Россіи, какъ родившійся до ссылки отца: слѣдовательно, когда я его видѣлъ, ему было девяносто лѣтъ. Статный, красивый, съ еще темными бакенбардами, онъ лежалъ больной, — приближалась болѣзнь, которая унесла его черезъ нѣсколько недѣль: въ лихорадкѣ, густымъ громкимъ голосомъ онъ говорилъ стихи. Онъ еще помнилъ старую Каменку; онъ помнилъ, какъ еще дѣтьми они подглядывали въ замочную скважину и видѣли на билліардѣ сидящаго и пишущаго съ лихорадочной поспѣшностью «курчаваго поэта»: листъ за листомъ отбрасывалъ онъ на середину билліарда; то писался «Кавказскій плѣнникъ», посвященный Николаю

Раевскому. Да, это поколѣніе еще помнило, слѣдующее уже играло въ канавкахъ, гдѣ былъ фундаментъ стараго дома, и съ любопытствомъ подбирало въ канавкахъ раковины устрицъ, — остатки дѣдовскихъ ликованій. Слѣдующее поколѣніе уже и этого не видѣло. Когда я былъ въ Каменкѣ весною 1915 года, на мѣстѣ стараго дома цвѣли яблони. Теперь? Теперь, можетъ быть, остался еще въ саду «Пушкинскій гротъ», а противъ него, по другую сторону запруды — бѣлая, круглая, въ ампирномъ стилѣ мельница Шервуда . . .

V.

Сергѣй Григорьевичъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Допросъ начался въ январѣ, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ половинѣ іюля. Процессъ достаточно извѣстенъ и по оффиціальнымъ документамъ, и по многочисленнымъ мемуарамъ. Изъ «Записокъ» Сергѣя Григорьевича мы объ этомъ ничего не узнаемъ. Онъ разсказываетъ, какъ его привезли въ Зимній Дворецъ: генералъ Левашевъ оставилъ его дожидаться, пошелъ доложить Государю. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, Государь быстрымъ шагомъ вошелъ и, грозя пальцемъ, сказалъ: «я» . . . На этомъ словѣ «я» Николая I обрываются «Записки» декабриста Волконскаго . . .

Невѣдѣніе семей о предстоящей судьбѣ осужденныхъ было тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ длительнѣе тянулся процессъ и чѣмъ противорѣчивѣе были слухи. Тѣмъ временемъ, несмотря на неумолимость, съ которой относился къ декабристамъ Николай I и которую сохранилъ до послѣдняго дня своей жизни, общеніе съ заключенными не

было безусловно запрещено. У насъ сохранилось много писемъ на его имя, помѣченныхъ Петропавловской крѣпостью, какъ мѣстомъ полученія ихъ. Начиная съ матери, всѣ родственники тѣмъ или инымъ образомъ откликнулись на роковое событіе, выразили узнику чувства соболѣзнованія. Старуха княгиня написала сыну четыре письма (это единственныя русскія письма, всѣ послѣдующія въ теченіе пяти лѣтъ писаны по французски) и уѣхала въ Москву, куда «угодно было Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ меня назначить ѣхать съ собой», — начинались приготовленія къ коронаціи. Какъ извѣстно, коронація задержалась и была отложена вслѣдствіе смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, скончавшейся въ пути изъ Таганрога въ Петербургъ 4-го мая въ городѣ Бѣлевѣ. 13-го іюля печальное шествіе царственныхъ колесницъ прибыло въ Чесменскій дворецъ, и въ тотъ же день Алина Волконская, дочь Софьи Григорьевны, съ разрѣшенія Государя, посѣщаетъ дядю въ крѣпости. Послѣ этого она уѣзжаетъ къ бабушкѣ. Очень цѣнны ея нѣкоторыя замѣчанія, рисующія настроеніе старухи княгини въ это тяжелое для нея время, при самыхъ небывалыхъ обстоятельствахъ. «Бабушка вчера много плакала, сегодня почти не спала». «Императрица была у бабушки, утѣшала ее». «Государь просилъ бабушку утѣшиться, не смѣшивать дѣла семейныя съ дѣлами службы, — одно другому не помѣшаетъ.» И дѣйствительно, на коронацію она получила бриллiантовые знаки ордена Св. Екатерины. Императрица и сама, надо думать, чувствовала нѣкоторую неловкость по отношенію къ старой княгинѣ. Послѣ 13-іюля, дня, когда состоялся приговоръ надъ декабристами, она пять дней не видала княгиню и только 18-го числа написала, наконецъ, записку, въ которой говоритъ, что мысль о свиданіи съ ней причиняетъ ей боль, и которую кончаетъ

просьбой принять ее благожелательно и не переставать вѣрить ея старой дружбѣ: „Recevez-moi bien et croyez toujours à mon ancienne amitié." 20-го іюля Алина пишетъ: «Бабушка говоритъ, что она хочетъ ѣхать въ Сибирь повидать сына». Объ этомъ своемъ намѣреніи старая княгиня писала и невѣсткѣ. Придавать ему большое значеніе не приходится, — это былъ истерическій порывъ, а, можетъ быть, простое изліяніе словъ. Съѣздить навѣстить сына въ крѣпости было много легче, нежели ѣхать въ Сибирь; однако, старая княгиня отъ этого воздержалась. Она писала сыну, что боится за свои силы, да и его не хочетъ подвергать такому потрясенію: къ тому же, какъ пишетъ Алина, Императрица упрашивала бабушку беречь себя . . .

Пока родня въ круговоротѣ коронаціонныхъ приготовленій съ оглядкой перешептывалась, Сергѣй Григорьевичъ въ своемъ казематѣ Алексѣевскаго равелина слушалъ бой курантовъ на башнѣ Петропавловскаго собора . . .

Остался отъ этого времени акварельный портретъ Маріи Николаевны, который ему было разрѣшено имѣть въ крѣпости. Этотъ портретъ онъ передъ уходомъ въ Сибирь оставилъ сестрѣ съ слѣдующей на немъ надписью: „Je confie aux soins de ma bonne soeur Sophie celle qui avait assuré mon bonheur détruit par moi." (Поручаю заботамъ моей доброй сестры Софьи ту, которая составила мое счастье, разрушенное мною). Портретъ этотъ остался у меня въ Римѣ и, такимъ образомъ, уцѣлѣлъ . . . Была также крохотная записочка на листикѣ въ полтора квадратныхъ вершка, мелко исписанная его рукой: онъ проситъ сестру расположить въ ихъ пользу общественное мнѣніе, повліять на смягченіе участи женъ и пр. Записочка эта была передана Софьѣ Григорьевнѣ запеченная въ хлѣбѣ. Гдѣ она сейчасъ, не знаю . . .

Невольно напрашивается вопросъ, что сказалъ бы Григорій Семеновичъ, если бы дожилъ до 1826 года? Онъ, для котораго дѣйствительность была идеаломъ. Онъ, который вѣрилъ въ несомнѣнность окружающаго, какъ въ нерушимость весенняго и осенняго равноденствія! Онъ, для котораго, повидимому, не существовало «вопросовъ». Что бы испытала безоблачная лазурь его міровоззрѣній, когда бы онъ узналъ, что «герой нашъ, князь Сергѣй» поднялся на царя? Какъ могъ бы онъ это обнять умомъ своимъ, онъ, писавшій дочери: «Утѣшаюсь, матушка, что ты безпрерывно занята наилучшими въ жизни упражненіями при высочайшемъ дворѣ.» Можно ставить себѣ вопросы, но и сама исторія не рѣшается отвѣчать на нихъ: Григорій Семеновичъ умеръ за полтора года до ареста сына. Одно можно сказать — несуразна русская жизнь, но шагаетъ быстро . . .

Марія Николаевна узнала объ арестѣ мужа 28-го февраля. Отецъ передалъ ей эту вѣсть съ значительнымъ запозданіемъ, потому что она лежала въ тяжкой болѣзни послѣ родовъ. Какъ только она оправилась, она собралась въ Петербургъ. Первенца своего Николеньку она оставила по пути, въ Бѣлой Церкви, на попеченіе своей тетки графини Браницкой. Въ Петербургѣ, въ началѣ апрѣля она имѣла съ мужемъ то свиданіе въ крѣпости, о которомъ упоминается въ ея «Запискахъ». Добилась она этого свиданія не легко. Она написала Бенкендорфу, который отвѣтилъ ей, въ весьма теплыхъ выраженіяхъ, соболѣзнуя судьбѣ своего бывшаго школьнаго и боевого товарища, но относительно свиданія не говорилъ ничего опредѣленнаго. Тогда она обратилась съ письмомъ къ Государю. Въ нашихъ бумагахъ была черновая этого письма: но была и другая черновая: братъ Александръ Николаевичъ пишетъ Бен-

кендорфу, отъ имени матери и своего, просьбу о томъ, чтобы свиданіе не было разрѣшено, — мать и братъ боятся за здоровье Маріи Николаевны, но, прибавляютъ они, если будетъ разрѣшено, то пусть предварительно графъ Орловъ повидаетъ Волконскаго и возьметъ съ него слово, что онъ не только не будетъ удерживать жену, но потребуетъ, чтобы она немедленно возвращалась къ своему ребенку. Повидимому, такъ все и произошло. Письмо Бенкендорфа отъ 12-го апрѣля, а 23-го княгиня пишетъ мужу: «Я уѣзжаю завтра, разъ ты этого желаешь». Достойно замѣчанія, что черновыя обоихъ писемъ къ Бенкендорфу, т. е. просьба о свиданіи и просьба о томъ, чтобы свиданіе не было разрѣшено, писаны одной рукой, — рукой Александра Николаевича Раевскаго . . .

Марія Николаевна вернулась къ своему Николенькѣ въ Александрію, усадьбу графини Браницкой при Бѣлой Церкви. Здѣсь она ожидала исхода суда надъ государственными преступниками. Здѣсь же былъ въ это время братъ ея Александръ Николаевичъ, окружавшій бдительнымъ вниманіемъ ея переписку въ напрасной надеждѣ разбить ея намѣреніе слѣдовать за мужемъ.

Семьи осужденныхъ до самаго послѣдняго дня оставались въ невѣдѣніи относительно участи несчастныхъ своихъ родственниковъ. Волконскіе до послѣдней минуты не теряли надежды. Есть письмо княгини Софьи Григорьевны къ матери, въ которомъ она строитъ планы о томъ, въ какую комнату они помѣстятъ Сергѣя, когда онъ будетъ выпущенъ изъ крѣпости. Но основаній къ той или другой надеждѣ не было никакихъ: никто не смѣлъ замолвить слова; старуха княгиня боялась дыхнуть и только исполняла совѣтъ Императрицы — берегла себя. Наконецъ, числа 15-го іюля Екатерина Николаевна Орлова пишетъ сестрамъ: «Императрица сказала княгинѣ

Волконской, что Сергѣй останется живъ». Это оказалось наибольшее, на что можно было надѣяться.

Приговоромъ Верховнаго Суда Волконскій, причисленный къ первой категоріи, былъ осужденъ на смертную казнь отсѣченіемъ головы; высочайшей резолюціей, смягчавшей всѣ степени наказаній всѣмъ ста двадцати одному преступнику, смертная казнь замѣнена двадцатилѣтней каторгой и пожизненнымъ поселеніемъ. Пяти человѣкамъ, верховнымъ судомъ поставленнымъ внѣ категорій и присужденнымъ къ четвертованію, четвертованіе замѣнено повѣшеніемъ.

Въ чудное іюльское утро одна фрейлина, гуляя по Царскосельскому парку, остановилась на берегу пруда: на той сторонѣ Императоръ Николай I игралъ со своимъ пуделемъ, бросалъ въ воду свой платокъ, пудель кидался въ воду, выносилъ и возвращалъ... Въ это время подходитъ къ государю адъютантъ и что-то докладываетъ. Николай I бросаетъ и пуделя и платокъ и быстрыми шагами возвращается во дворецъ: ему было доложено, что въ ту ночь приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ пятью изъ декабристовъ... Извѣстенъ случай съ Рылѣевымъ, — у него оборвалась веревка: его вздернули вторично. Между двухъ повѣшеній къ нему вернулся даръ рѣчи. И вотъ тутъ разногласіе, — что онъ сказалъ? По однимъ источникамъ онъ сказалъ: «Подлецы, даже повѣсить не умѣютъ». По другимъ онъ сказалъ: «И веревки порядочной въ Россіи нѣтъ». По свидѣтельству Маріи Николаевны онъ сказалъ: «Я счастливъ, что дважды умираю за отечество». Кому вѣрить? Скажу, что это, пожалуй, не важно, — что онъ сказалъ. Онъ, можетъ быть, ни одной изъ трехъ фразъ не сказалъ; но важно, что̀ и кому можно приписать. И

вотъ почему послѣднее изреченіе наиболѣе цѣнно. цѣнно, какъ опредѣленіе человѣка.

Другая картина изъ той же страшной ночи: вокругъ пяти висѣлицъ гарцующій на конѣ генералъ Чернышевъ: сабли, которыя ломаютъ надъ головами колѣнопреклоненныхъ, раздѣтыхъ офицеровъ; ордена, летящіе въ костеръ . . .

Всякая власть всегда карала и, конечно, будетъ карать тѣхъ, кто противъ нее возстаетъ. Здѣсь разница только въ степени строгости и въ масштабѣ ея примѣненія. Это разница, такъ сказать, количественная. Но есть и качественная разница, проявляющаяся въ томъ, какъ законъ примѣняется. Здѣсь имѣетъ значеніе большее или меньшее соблюденіе общечеловѣческихъ требованій. Въ концѣ концовъ смертная казнь всегда останется смертною казнью, и сухость ея ничѣмъ не смягчить, но жестокость ея увеличить всегда можно. И вотъ, въ этомъ сказывается уровень человѣчности той власти, которая ее примѣняетъ: все то глумленіе и издѣвательство, сопровождающее осужденную жертву до того страшнаго порога, за которымъ наступаетъ настоящее равенство людей. Долго намъ казалось, что жестокость кары декабристовъ не можетъ быть превзойдена . . .

Княгиня Марія Николаевна томилась въ невозможности выѣхать такъ скоро, какъ бы хотѣлось; и матеріальные вопросы, и всякія формальности, и приставанія родныхъ . . . Уже осень наступала, а она все еще была въ Бѣлой Церкви. 2-го сентября Николай Николаевичъ пишетъ ей, что одинъ пріѣзжій изъ Иркутска встрѣтилъ «несчастныхъ» подъ Екатеринбургомъ, что онъ видѣлъ Волконскаго «ни въ чемъ не нуждающагося». Тутъ же поздравляетъ «Сонюшку» фрейлиной: коронація принесла ему это утѣшеніе . . . Наконецъ, 9-го октября она

выѣхала. Мать и сестра пріѣхали, чтобы проводить ее до Яготина, полтавскаго имѣнія Репниныхъ. Здѣсь прожили послѣднія двѣ недѣли вмѣстѣ, и, наконецъ, пробилъ послѣдній часъ: мать и сестра должны были ѣхать домой. Племянница Маріи Николаевны, княжна Варвара Николаевна Репнина, присутствовавшая при отъѣздѣ изъ Яготина Раевскихъ дамъ, въ прелестныхъ своихъ неизданныхъ запискахъ говоритъ „Leurs adieux furent déchirants". («Ихъ прощаніе было душу раздирающее».)

Полна тревоги ѣхала княгиня въ Петербургъ. Получитъ ли она разрѣшеніе на отъѣздъ въ Сибирь? Какъ отнесутся къ ней власти? Какъ отнесутся тѣ изъ родственниковъ мужа, которыхъ она еще не знала? Наконецъ, самый мучительный вопросъ, разрѣшатъ ли ей взять съ собой ребенка? Если не разрѣшатъ, къ кому она его пристроитъ? Полна тревоги ѣхала княгиня, а между тѣмъ полны прелести и радости ея письма съ пути, озаренныя улыбкой Николеньки. Путешествіе, хотя и тягостное по цѣли, протекало съ пріятностью: Николенька перенесъ его прекрасно и былъ веселъ всю дорогу. Одно только печалитъ княгиню: она все хочетъ его заставить сказать «папа», а у него все выходитъ «мама». Зато, когда онъ смѣется, ея радость не знаетъ границъ, ея дорожная карета озаряется свѣтомъ . . . Все это читаетъ въ своемъ сибирскомъ заточеніи Сергѣй Григорьевичъ, на всѣхъ этихъ письмахъ помѣчено его рукой: «Получено такого-то числа. Благодатскій рудникъ» . . .

Числа 10-го ноября Марія Николаевна пріѣхала въ Петербургъ и остановилась въ домѣ свекрови на Мойкѣ у Пѣвческаго моста, въ той самой квартирѣ, гдѣ одиннадцать лѣтъ позднѣе умиралъ Пушкинъ.

VI.

Мы подошли къ самому трепетному моменту въ трепетной жизни Маріи Николаевны. Все, что было высокаго и нѣжнаго въ ея природѣ, все, что было лирическаго въ ея характерѣ и драматическаго въ ея положеніи, все сгустилось, сосредоточилось въ предѣлахъ этихъ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ ею въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ въ Сибирь.

Центральная фигура этого момента — маленькій Николенька. Жгучей болью проходитъ черезъ всѣ письма того времени вопросъ объ этомъ ребенкѣ. Николай I не позволилъ женамъ декабристовъ, отъѣзжавшимъ за мужьями, взять съ собой своихъ дѣтей: дѣти, родившіяся въ Россіи, должны были оставаться въ Россіи. Можетъ быть, это былъ со стороны Государя тактическій пріемъ, средство воспрепятствовать отъѣзду женъ. Такъ же смотрѣли на дѣло и родственники, — они надѣялись, что мать возьметъ верхъ надъ супругой. Княгинѣ Волконской никто изъ сестеръ и братьевъ не сказалъ, что прекрасно ѣхать за мужемъ, но всѣ говорили, что жестоко покидать сына. Между тѣмъ, въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ отцу она говоритъ: «Мой сынъ счастливъ, мой мужъ несчастенъ, — мое мѣсто около мужа». Много мужества, стойкости и терпѣнія пришлось Маріи Николаевнѣ выказывать впослѣдствіи, въ теченіе всей жизни, но никогда обстоятельства не предъявляли ей такихъ требованій, какъ въ эту страшную минуту отъѣзда.

Какъ всѣ жены декабристовъ, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ и она должна была за разрѣшеніемъ на отъѣздъ обратиться съ личной просьбой къ Государю. Полна трагизма сцена, когда мать читаетъ отвѣтное письмо императора Николая, въ которомъ Государь предупреждаетъ ее объ ожидающихъ ее за Иркутскомъ

ограниченіяхъ, а маленькій сынъ на ея колѣняхъ играетъ и забавляется большой красной печатью на конвертѣ царскаго письма. Это послѣднее упоминаніе княгини о Николенькѣ передъ отъѣздомъ; она простилась съ нимъ съ соннымъ, чтобы больше его уже не увидѣть . . . Предостереженія Государя не только не остановили ее, они какъ будто дали ей послѣдній толчекъ къ отъѣзду. Письмо отъ 21-го декабря получено было ею вечеромъ, — она выѣхала въ четыре часа утра. Это письмо я нашелъ въ сундукѣ, на чердакѣ нашего бывшаго петербургскаго дома. Я снялъ съ него фотографическій отпечатокъ для будущаго предполагавшагося изданія . . . *).

Остался прелестный портретъ работы Соколова, писанный какъ разъ въ это время, передъ отъѣздомъ Маріи Николаевны. Съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ, въ синемъ платьѣ, съ шитыми золотомъ рукавами, держитъ она, грустная, своего первенца на колѣняхъ. Одинъ изъ популярнѣйшихъ портретовъ того времени, много разъ воспроизведенный, и это не помѣшало одному иллюстрированному журналу во время войны отпечатать его съ надписью: «Типъ галиційской крестьянки». Оригиналъ принадлежалъ моей родной теткѣ Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой и находился до революціи въ ея имѣніи Вейсбаховка, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи . . . **).

Ребенокъ остался на попеченіи бабушки и тетки. Бабушка сильно къ нему привязалась; Софья Николаевна Раевская пишетъ сестрѣ въ Сибирь: «Старая

---

*) Текстъ этого письма воспроизведенъ въ «Запискахъ Кн. М. Н. Волконской», изданныхъ ея сыномъ кн. Михаиломъ Сергѣевичемъ. Письмо не собственноручное, только подпись Государя, но написано женскимъ почеркомъ и съ орѳографическими ошибками.

**) Этотъ портретъ спасенъ, находится во владѣніи дочери Е. С. Рахмановой, М. А. Джульяни, выѣхавшей изъ совѣтской Россіи заграницу.

княгиня, повидимому, очень любитъ твоего сына, если вообще можно сказать, что она кого-нибудь любитъ, кромѣ своей внучки Алины». Кратковременная земная жизнь маленькаго Николеньки была окружена лаской. Кромѣ родныхъ, бабушки и тетушекъ, окружали его нянюшки и мамушки, — цѣлый штатъ барской челяди. Среди нихъ — вывезенная Маріей Николаевной изъ Болтышки Аграфена. Эту Аграфену княгиня впослѣдствіи слезно молила пріѣхать къ ней въ Сибирь, но такъ и не дождалась... Маленькимъ Николенькой всѣ интересовались. Мы знаемъ изъ записокъ княжны Варвары Николаевны Репниной, что, когда она съ матерью представлялась вдовствующей Императрицѣ, Марія Өеодоровна справлялась о здоровьи Николеньки, — „cet enfant de malheur".

Мы знаемъ изъ писемъ, что лѣчилъ Николеньку докторъ Ланъ*) и что ласкала и няньчила его также нѣкая M-e Imbert, бывшая компаньонка жены Жерома Бонапарта, которая какъ-то въ Женевѣ присоединилась къ кому-то изъ семьи и осталась съ ними жить. Странное сближеніе, — но княгиня Марія Николаевна изъ Читинскаго острога горячо благодаритъ M-e Imbert за заботы, которыми она окружала Николеньку до послѣдняго дня его жизни. Ласки и заботы оказались безсильны противъ силы судьбы: 17-го января 1828 года Николенька скончался. Память ребенка увѣковѣчена знаменитой эпитафіей Пушкина:

Въ сіяньи, радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

Эти стихи княгиня получила въ Сибири въ письмѣ, написанныя рукою ея отца, который прибавлялъ: «По-

*) У меня хранилась его визитная карточка.

сылаю тебѣ, другъ Машенька, стихи Пушкина на твоего сына. Онъ до сихъ поръ никогда лучшаго не писалъ». Николай Николаевичъ добавлялъ, что стихи будутъ высѣчены на могилѣ ребенка. Мы знаемъ, что онъ похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ, но могилы его намъ не удалось розыскать... *)

Мы забѣжали впередъ, но трудно, говоря объ отъѣздѣ княгини Маріи Николаевны, трудно не остановиться на образѣ этого младенца, вокругъ котораго сосредоточилось столько любви и страданія и надъ головою котораго почіетъ благословеніе великаго поэта.

VII.

Пушкинъ былъ свой человѣкъ въ семьѣ Раевскихъ. Старикъ Николай Николаевичъ приблизилъ его къ себѣ, ввелъ въ домъ, окружилъ его теплотою семейственности въ суровые годы изгнанія, когда поэтъ долженъ былъ скитаніями по Бессарабіи искупать шаловливость юной музы. И Пушкинъ высоко цѣнилъ его: «Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ двѣнадцатаго года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества».

Не однимъ старикомъ былъ очарованъ Пушкинъ. Онъ, можно сказать, былъ влюбленъ во всю семью. Въ его стихахъ разсыпаны свидѣтельства о его привязан-

---

*) Былъ у меня въ рукахъ и рукописный экземпляръ «Некрополя Александроневской Лавры», предоставленный покойному критику и историку искусства, моему другу барону Н. Н. Врангелю, въ то время какъ онъ писалъ свои «Забытыя могилы». Но и тамъ я не нашелъ могилы младенца Волконскаго.

ности: «Демонъ» посвященъ Александру Раевскому, «Кавказскій плѣнникъ» — Николаю, «Нереида» — старшей изъ сестеръ, Екатеринѣ Николаевнѣ. Но больше всѣхъ прошла черезъ его душу и оставила слѣдъ въ его творчествѣ младшая изъ сестеръ, Марія Николаевна. Существуетъ мнѣніе, высказанное въ нашей критической литературѣ, по которому Марія Николаевна была слишкомъ молода, чтобы могъ въ нее влюбиться нашъ поэтъ. По неопровержимымъ даннымъ нашего архива, она родилась въ 1805 году; ей было, слѣдовательно, шестнадцать лѣтъ, когда Пушкинъ зналъ ее дѣвушкой. Что она сама въ «Запискахъ» говоритъ о себѣ, какъ о дѣвочкѣ, весьма естественно при скромности, съ какою она всегда о себѣ говорила. Но она могла, конечно, умалять въ памяти своей значеніе произведеннаго на Пушкина впечатлѣнія, она не смогла умалить той силы, съ которой запечатлѣвался ея образъ.

Стройная, тонкая, смуглая, съ удивительными, какъ выразился декабристъ баронъ Розенъ, «говорящими» глазами, съ чуднымъ голосомъ, она плѣнила поэта, и онъ, вспоминая эти глаза, въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» писалъ:

... ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе ночи.

Эти строки въ «Запискахъ» Марія Николаевна признаетъ обращенными къ ней, къ ея глазамъ. Не знаемъ, какія были у нея данныя для такого утвержденія, но опять скажу: скромность ея лучшее ручательство, что это такъ и было и что образъ ея жилъ въ поэтическомъ воображеніи Пушкина.

Прелестныя строки о ножкахъ въ первой главѣ «Евгенія Онѣгина» вызваны слѣдующимъ случаемъ. Николай Николаевичъ пригласилъ Пушкина сопутство-

вать имъ въ путешествіи по Крыму и Кавказу. «Не далеко отъ Таганрога, пишетъ Марія Николаевна въ своихъ «Запискахъ», я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала для забавы бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету». Но дѣтская шалость, которую она скрыла отъ гувернантки, была выдана поэтомъ:

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

А въ другомъ мѣстѣ:

Ахъ ножки, ножки, гдѣ вы нынѣ,
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?

Да, гдѣ? Въ Сибири, почти тридцать лѣтъ въ Сибири онѣ мяли вешніе цвѣты...

Ей же, Маріи Николаевнѣ, хотя и негласно, посвящена «Полтава». Найденъ Пушкинскій черновикъ, въ которомъ вмѣсто «Твоя печальная пустыня» стоитъ «Твоя сибирская пустыня»:

Тебѣ, — но голосъ музы томной
Коснется-ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ,
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя сибирская пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ посвященіе «Полтавы» сопровождается примѣчаніемъ: «Къ кому относится это посвященіе — неизвѣстно». Благодаря изслѣдованіямъ П. О. Морозова, отыскавшаго упомянутый варіантъ, нынѣ извѣстно, что оно относится къ княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской. Надо думать, что она сама объ этомъ не знала, иначе въ своихъ запискахъ она бы объ этомъ упомянула. Не лишено интереса и нѣкоторое внутреннее сходство: героиню «Полтавы» зовутъ Маріей, она выходитъ за человѣка много старше ея, онъ политическій преступникъ, она жертва, гибнущая изъ за него.

Еще одинъ разъ образъ Маріи Николаевны проходитъ подъ перомъ Пушкина. Есть недоконченное стихотвореніе «Графу О.». Это былъ нѣкій графъ Олизаръ, полякъ, который былъ влюбленъ въ Марію Николаевну и дѣлалъ ей предложеніе; но, говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи, дышащемъ русско-польской враждой:

Но наша дѣва молодая,
Привлекши сердце...
Отвергла...
Любовь... нашего... врага...

Это было въ 1824 г. Черезъ тридцать три года, когда, послѣ возвращенія изъ Сибири, Марія Николаевна поѣхала заграницу, она встрѣтилась съ Олизаромъ. У насъ осталось два письма, полученныхъ княгинею отъ

ея прежняго вздыхателя: обезвреженная старостью, въ нихъ дышетъ искренность восторженнаго преклоненія.

Была въ нашей семьѣ и вещественная память о Пушкинѣ. Однажды у Раевскихъ разыгрывалась лотерея, — Пушкинъ положилъ свое кольцо, моя бабушка его выиграла. Это кольцо я подарилъ «Пушкинскому Дому» при Академіи Наукъ. Кстати здѣсь о Пушкинскихъ кольцахъ. Ихъ было три. Одинъ знаменитый «талисманъ», который, по Тропининскому портрету, онъ носилъ на большомъ пальцѣ. Это кольцо вдова Пушкина у смертнаго одра его надѣла на палецъ Жуковскому, принявшему послѣдній вздохъ поэта. Жуковскій завѣщалъ его Тургеневу. Тургеневъ — Льву Толстому. Но Тургеневъ, какъ извѣстно, умеръ подъ Парижемъ на дачѣ знаменитой пѣвицы г-жи Віардо. Гдѣ оно, неизвѣстно, но только отъ г-жи Віардо до Ясной Поляны кольцо никогда не дошло. Второе кольцо я видѣлъ на рукѣ Великаго Князя Константина Константиновича, поэта К. Р. и президента Академіи Наукъ. Оно ему досталось по завѣщанію отъ одной дамы, но отъ кого, — не помню. Великій Князь завѣщалъ его Академіи Наукъ. Третье кольцо — мое. Осенью 1917 года я читалъ въ газетѣ, что «во время іюльскихъ безпорядковъ въ Петроградѣ разгромленъ музей Академіи Наукъ. Между прочимъ пропало кольцо Пушкина». Которое изъ двухъ? . . .

Черезъ Раевскихъ Пушкинъ былъ близокъ къ декабристамъ; мы видѣли, что онъ писалъ «Кавказскаго плѣнника» въ Каменкѣ; онъ въ Каменкѣ живалъ подолгу. Но близость эта не довела его до вступленія въ ряды Тайнаго Общества.

Здѣсь умѣстно упомянуть подробность, которая, кажется, въ литературу не проникла; она сохранилась въ нашемъ семействѣ, какъ драгоцѣнное преданіе. Дѣду

моему Сергѣю Григорьевичу было поручено завербовать Пушкина въ члены Тайнаго Общества; но онъ, предвидя славное его будущее и не желая подвергать его случайностямъ политической кары, воздержался отъ исполненія возложеннаго на него порученія *). Между тѣмъ, декабрьская буря прошла близко мимо Пушкина, и даже непонятно, какъ могла она совсѣмъ его не задѣть, когда и за «шалостями» его такъ зорко слѣдило правительство. Онъ и самъ ощущалъ сообщность съ потерпѣвшими друзьями и, судя по прелестному стихотворенію «Аріонъ», самъ недоумѣвалъ, какъ это случилось, что онъ спасся:

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно напирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ.
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою;
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Извѣстно, что въ бумагахъ Пушкина найденъ рисунокъ съ пятью висѣлицами пяти декабристовъ и рукою поэта приписано: «И я могъ бы также...»

Среди декабристовъ былъ такой человѣкъ, какъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, лицейскій товарищъ Пушкина. Что можетъ быть трогательнѣе тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, которыя Пушкинъ послалъ ему въ Сибирь:

---

*) «По глазамъ видно, что долженъ былъ спасти Пушкина», сказалъ, глядя на портретъ С. Г. Волконскаго, писатель Данилевскій.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то-же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Эти строки повезла въ Сибирь Александра Григорьевна Муравьева и передала Пущину въ день его пріѣзда въ Читу сквозь щель острожнаго частокола. Въ прелестныхъ своихъ запискахъ Пущинъ говоритъ объ этомъ съ той удивительной теплотой, которой согрѣто его перо каждый разъ, какъ пишетъ о Пушкинѣ. Иванъ Ивановичъ Пущинъ былъ близкимъ другомъ Волконскихъ и крестнымъ отцомъ моего отца, родившагося въ Сибири.

Свое знаменитое «Посланіе Декабристамъ» Пушкинъ имѣлъ намѣреніе вручить Маріи Николаевнѣ передъ ея отъѣздомъ для передачи имъ въ Сибири. Но онъ пришелъ днемъ, а княгиня выѣхала въ четыре часа утра. Свое посланіе онъ передалъ той же Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой. Хотя Муравьева выѣхала послѣ Волконской, однако, онѣ съѣхались, такъ какъ Марія Николаевна задержалась въ Москвѣ и нагнала Александру Григорьевну въ Иркутскѣ; онѣ вмѣстѣ передали посланіе Пушкина. Привожу это хорошо извѣстное стихотвореніе и менѣе извѣстный отвѣтъ декабриста князя Одоевскаго.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

*

Несчастью вѣрная сестра, —
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора.

*

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

*

Оковы тяжкіе падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Отвѣтъ декабриста князя Одоевскаго:

Струнъ вещихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

*

Но будь спокоенъ, Бардъ, — цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

*

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры разгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Въ отношеніяхъ, сближавшихъ Пушкина съ декабристами, есть нѣкоторая недоговоренность, своего рода драматическое молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Пущинъ остановился на краю признанія. Съ другой стороны. Якушкинъ разсказываетъ, какъ однажды въ Каменкѣ. въ присутствіи Пушкина, говорили откровенно. настолько.

что сочли нужнымъ тутъ же замазать и превратить въ шутку, а Пушкинъ воскликнулъ: «Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собой, а это была только злая шутка». Слова его остались безъ отклика. Можетъ быть, боялись пылкости, неуравновѣшенности поэта. Драматическое молчаніе этой недоговоренности, длившейся столько лѣтъ, освѣщается горькими словами поэта при прощаніи съ Александрой Григорьевной Муравьевой: «Я очень понимаю, почему они не хотѣли принять меня въ свое общество, я не стоилъ этой чести». Какъ согласовать эту недоговоренность и опасливое отношеніе декабристовъ къ Пушкину съ преданіемъ о возложенномъ на моего дѣда порученіи, не берусь судить, но счелъ долгомъ упомянуть о немъ.

Пушкину суждено было еще разъ увидѣть Марію Николаевну; онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ княгиня была вынуждена остаться нѣсколько долѣе, чѣмъ разсчитывала. Она остановилась у своей невѣстки, жены Никиты Григорьевича, обворожительной Зинаиды Волконской. О ней не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ: слишкомъ ярокъ ея образъ, слишкомъ видное мѣсто занимаетъ она въ тогдашней жизни, и слишкомъ свѣтелъ теплый лучъ, которымъ она озарила образъ княгини Маріи Николаевны, передъ тѣмъ какъ онъ скрылся въ сибирскую ночь. Красавица, женщина очаровательнаго ума, блестящихъ художественныхъ дарованій, другъ Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Веневитинова, она оставила слѣдъ въ исторіи нашего художественно-литературнаго развитія. О ней много писано и, однако, не довольно. Еще не перешла въ потомство вся прелесть этого характера, столь же живого, разносторонняго, сколько пламеннаго.

Утонченная представительница юнаго романтизма въ его сочетаніи съ пробуждающимся и мало осознаннымъ еще націонализмомъ, она была типичный плодъ западной цивилизаціи, приносящій себя на служеніе родному искусству, родной литературы. Подъ вліяніемъ Карамзинскаго отношенія къ отечественной исторіи, того дидактизма, которымъ проникнуто его изложеніе; подъ вліяніемъ «Венеціановскаго» пониманія русскаго народа, во слѣдъ романтическому увлеченію рыцарствомъ, которое позднѣе нашло себѣ выраженіе въ Николаевской готикѣ, — пошла въ культурныхъ кругахъ нашихъ полоса какого-то страннаго славяно-готическаго патріотизма. Люди, очень мало имѣвшіе корней въ своей странѣ, получившіе умственное пробужденіе съ запада, душою все же тяготѣли къ родинѣ и желали видѣть ее культурно равною другимъ странамъ. Этимъ желаніемъ соревнованія, гораздо болѣе, нежели патріотическими побужденіями внутренняго свойства, объясняются тѣ сюжеты изъ древне-славянской исторіи, въ которыхъ вращалось тогдашнее творчество патріотическихъ празднествъ, игръ, кантатъ, тріумфовъ и живыхъ картинъ. Княгиня Зинаида заплатила дань этому влеченію не отстать отъ Европы въ своихъ писаніяхъ и своихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Въ ней все это было согрѣто пламенемъ искренней любви къ искусству, къ родинѣ и, что цѣннѣе всего, — къ людямъ. Она умѣла принять, обласкать человѣка, поставить его въ обстановку нравственную, физическую и общественную, нужную для его работы, для его вдохновенія. Такъ, она приняла и обласкала поэта Веневитинова, такъ она согрѣла тяжелые дни Гоголя въ Римѣ, такъ она спасла отъ болѣзни, привезя съ собою въ Римъ, Шевырева.

Княгиня Зинаида Александровна играла видную роль въ свѣтѣ. Ея гостиная въ Москвѣ (она жила въ домѣ

отца своего, князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, на Тверской, гдѣ впослѣдствіи былъ магазинъ Елисѣева) была мѣстомъ встрѣчи всего, что было выдающагося въ области литературы и науки. Ей, между прочимъ, принадлежитъ мысль созданія въ Москвѣ музея европейской скульптуры, — мысль, осуществленная только въ 1912 г. основаніемъ Музея Императора Александра III; но потомство не забыло ея, и въ брошюрѣ профессора И. В. Цвѣтаева объ исторіи музея имя княгини Зинаиды Волконской поставлено, можно сказать, во главу угла новаго зданія.

Значительную часть своей жизни Зинаида Александровна провела въ Римѣ, гдѣ пріобрѣла свою извѣстную впослѣдствіи «Виллу Волконскую», расположенную на землѣ, по преданію принадлежавшей Императрицѣ Еленѣ, матери Равноапостольнаго Константина. Мѣсто, ею пріобрѣтенное, въ то время находилось на самомъ краю Вѣчнаго Города, и только великолѣпный фасадъ базилики св. Іоанна Латеранскаго осѣнялъ виллу съ этой стороны, въ то время какъ по далеко разстилавшейся Кампаніи изъ голубого лона Албанскихъ и Сабинскихъ горъ тянулись къ ней и входили въ самый садъ старые своды римскихъ акведуковъ... «Вилла Волконская» долго была мѣстомъ встрѣчи стекавшихся въ Римъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и литераторовъ.

Послѣдніе годы жизни Зинаиды Александровны были отданы вопросамъ религіознымъ и дѣламъ благотворительности. Она приняла католичество много лѣтъ передъ тѣмъ. Римская бѣднота ее боготворила.

Современники высоко чтили ее. Пушкинъ, посылая ей «Цыганъ», писалъ:

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,

При бальномъ лепетѣ молвы,
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани;
Внемли съ улыбкой голосъ мой.
Такъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

Въ нашей семьѣ сохранялся портретъ Зинаиды Александровны работы Бруни въ костюмѣ рыцаря Танкреда, роль котораго она исполняла въ одноименной оперѣ Россини на торжествахъ Веронскаго Конгресса.

У нея остановилась Марія Николаевна, чтобы въ послѣдній разъ отдохнуть передъ отъѣздомъ въ Сибирь. Зинаида устроила для нея званый вечеръ, на которомъ собрались лучшіе, въ то время бывшіе въ Москвѣ, пѣвцы. На этомъ вечерѣ былъ и Пушкинъ. Въ бумагахъ поэта Веневитинова нашли на мелкіе клочки разорванную рукопись; когда ее сложили, то оказалось, что это было описаніе музыкальнаго вечера у Зинаиды Волконской. Трогателенъ образъ Маріи Николаевны, сидящей въ дверяхъ сосѣдней комнаты изъ боязни выдать людямъ глубину своего волненія; но трогательно и отношеніе автора къ ней, бережное, какъ къ чему-то драгоцѣнному и хрупкому.

Этотъ вечеръ былъ послѣднимъ видѣніемъ счастливаго, свѣтлаго прошлаго; послѣ него начиналось длинное, мрачное завтра. Она слушала музыку и все говорила: «Еще, еще! Подумайте, я никогда больше ничего не услышу».

Въ печатномъ томѣ французскихъ сочиненій княгини Зинаиды Волконской, изданномъ въ Парижѣ въ 1865 г., есть слѣдующій отрывокъ:

«Княгинѣ Маріи Волконской, рожденной Раевской.

О ты, вошедшая отдохнуть въ моемъ дому! Ты, которую я знала всего три дня и которую назвала моимъ другомъ. Отраженіе твоего образа осталось въ моей душѣ. Мой взоръ еще видитъ тебя: твой высокій станъ встаетъ предо мной, какъ высокая мысль, и твои красивыя движенія какъ будто сливаются въ ту мелодію, которую древніе приписывали звѣздамъ небеснымъ. У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица, какъ у дѣвы Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою. Ты молода... а между тѣмъ въ твоей жизни прошлое уже оторвалось отъ настоящаго; твой ясный день прошелъ, и не принесъ тебѣ тихій вечеръ темной ночи. Она пришла, какъ зима нашего сѣвера, и земля, еще горячая, покрылась снѣгомъ... «Прежде, говорила ты мнѣ, мой голосъ былъ звученъ, но пропалъ отъ страданій...». А между тѣмъ я слышала твое пѣніе, и оно еще звучитъ, оно никогда не смолкнетъ; вѣдь твои рѣчи, твоя молодость, твой взоръ, все это звучитъ звуками, звучащими въ будущемъ. О, какъ ты насъ слушала, когда мы, сливаясь въ хоры, пѣли вокругъ тебя... «Еще, еще, все повторяла ты, — еще... вѣдь я никогда не услышу болѣе музыки...» Но теперь ты просишь, чтобы я отдала тебѣ твою лиру: прижми же ее къ твоему разбитому сердцу, ударь по ея струнамъ, и да будетъ для тебя каждый звукъ, каждый аккордъ ея такъ же дорогъ, какъ голосъ друга. Окружи себя гармоніей, дыши ею, пой, пой всегда. Развѣ жизнь твоя не гимнъ?...»

Такъ говорила одна о другой. Для того, кто умѣетъ читать, этотъ отрывокъ полонъ прелести помимо своего содержанія, помимо двухъ прелестныхъ женскихъ образовъ — той, о комъ пишутъ, и той, кто пишетъ. Отрывокъ этотъ есть въ маломъ видѣ вся тогдашняя культура, корнями сидящая въ классицизмѣ и цвѣтущая цвѣтами романтизма. Развѣ не классицизмъ первыя строки этого обращенія: «О ты, вошедшая отдохнуть въ моемъ дому». Развѣ это не Гомеръ, не дышетъ Навзикаей? А конецъ — развѣ не до послѣдней степени напряженная струна романтическаго лиризма? Какой длинный путь человѣчества въ этихъ немногихъ строкахъ...

Въ самые праздники уѣхала Марья Николаевна, держа путь на Нерчинскъ. Передъ отъѣздомъ еще записочка отъ отца, изъ деревни: «Снѣгъ идетъ, путь тебѣ добрый, благополучный, — молю Бога за тебя, жертву невинную, да утѣшитъ твою душу, да укрѣпитъ твое сердце...» Она проѣзжала Казань подъ самый Новый годъ; мимо ярко освѣщенныхъ оконъ Дворянскаго Собранія, куда входили ряженые въ маскахъ, проѣзжала она въ то время, когда сестра Екатерина Николаевна писала ей и помѣчала письмо, первое адресованное въ Иркутскъ: «31-го декабря печальнаго 1826 года».

Кибитка уносила княгиню Марію Николаевну въ неразгаданную тьму. Чуя приближеніе полночи, она заставила свои карманные часы прозвонить въ темнотѣ и послѣ двѣнадцатаго удара поздравила ямщика съ Новымъ годомъ...

VIII.

Мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, что была Сибирь того времени. Не только Сибирь недавняго прошлаго, съ желѣзной дорогой, съ флотомъ на дальне-

восточныхъ водахъ, съ университетомъ и т. д., но даже Сибирь пятидесятыхъ годовъ, Сибирь Муравьева-Амурскаго, — съ присоединеннымъ Амуромъ и съ выходомъ на Тихій океанъ, — представляется какимъ-то инымъ миромъ по сравненію съ Сибирью двадцатыхъ годовъ. Какъ выразился впослѣдствіи канцлеръ графъ Нессельроде — «дно мѣшка»: это былъ конецъ свѣта; выходъ оттуда былъ одинъ, — по той же дорогѣ назадъ.

Куда, собственно, ѣхала княгиня, на что себя обрекала, этого не зналъ никто, меньше всѣхъ она сама. И тѣмъ не менѣе она ѣхала съ какимъ-то восторгомъ. Алина Волконская писала матери изъ Москвы: «Я видѣла Каташу (это княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, жена декабриста), — она уѣзжала, какъ на праздникъ». И это было дѣйствительное настроеніе ихъ. Окружающіе мало понимали это настроеніе; для нихъ ссыльные были отрѣзаннымъ ломтемъ, а жизнь была тутъ, въ Петербургѣ и Москвѣ; для этихъ женщинъ — наоборотъ, онѣ были отрѣзаннымъ ломтемъ, а жизнь была т а м ъ , въ Сибири. И онѣ ѣхали, какъ на праздникъ. Не «Волконскія бабы» создавали подобное настроеніе: оно исходило не изнаружи, а изнутри. Да только потому было оно такъ сильно, только потому могло оно восторжествовать надъ всѣми препятствіями, и надъ противодѣйствіемъ семьи, и надъ затрудненіями со стороны властей и, наконецъ, надъ страшными условіями жизни.

Чтобы дать понятіе объ этихъ условіяхъ, вотъ нѣсколько подробностей экономическаго характера. Не было въ той мѣстности, гдѣ жила Марія Николаевна, нитокъ; шить приходилось рыбьими кишками или китайскимъ шелкомъ, когда онъ попадался. Не было нигдѣ, даже въ Иркутскѣ, часовщика; выписанные изъ Петербурга часы пришли разбитые вдребезги. Не было зубного

врача. Марія Николаевна была вынуждена сама прижечь себѣ зубъ раскаленнымъ гвоздемъ. Аптекъ не было; піявки выписывались изъ Красноярска за 2000 верстъ; лѣкарства изъ Петербурга или выписывались въ предвидѣніи будущаго, или приходили по минованіи надобности. Всего этого Марія Николаевна еще не знала, да и не думала объ этомъ, занятая мыслью о нравственной помощи, которую она несетъ съ собой. Нѣтъ, не думала и не знала, куда она ѣдетъ. Это она узнала только, когда пріѣхала. Когда, послѣ восьминедѣльнаго путешествія, по пріѣздѣ въ деревушку, расположенную вокругъ Благодатскаго рудника, она вышла изъ кибитки, когда съ неумолкнувшимъ еще въ ушахъ шумомъ полозьевъ, она вошла въ избу и оглядѣлась въ нанятой ею коморкѣ, такой маленькой, что могла головой упереться въ одну стѣну, а ногами въ другую, тогда, за восемь тысячъ верстъ отъ родного дома, она увидала, куда она пріѣхала и на что себя обрекала. И окружавшая пустыня понемногу овладѣвала ея душой. Для мужа она пріѣхала, но что могла для него?... Отъ нея была отобрана подписка, что она будетъ съ нимъ видаться два раза въ недѣлю, въ острогѣ, въ присутствіи офицера, не говорить съ нимъ на иномъ языкѣ, кромѣ русскаго, «паче же не говорить ничего не принадлежащаго». А въ теченіе прочаго времени, что она могла? Она могла въ пять часовъ утра по звону кандаловъ знать, что они идутъ на работу, въ одиннадцать утра знать, что они возвращаются и, гуляя по обезлѣсеннымъ холмамъ, могла думать, что мужъ изъ острога, можетъ быть, ее видитъ, знаетъ, что она здорова. Вотъ все, къ чему привела ее принесенная жертва.

Изъ Нерчинска, въ послѣднемъ письмѣ къ мужу, передъ свиданіемъ она писала: «Наконецъ, я въ обѣтован-

ной землѣ» („Me voilà enfin dans la terre promise"). Передъ въѣздомъ въ эту обѣтованную землю жены декабристовъ натыкались на казенный шлагбаумъ: и шлагбаумъ неохотно поднимался, онъ поднимался, наконецъ, только передъ непреклонностью ихъ героической воли . . . Николай I, въ Петербургѣ разрѣшавшій ихъ отъѣздъ, въ Иркутскѣ, предписаніями губернатору, ставилъ препятствія ихъ въѣзду. Ему не нравился этотъ восторженный порывъ; онъ предвидѣлъ, что присутствіе женъ облегчитъ участь государственныхъ преступниковъ; онъ предвидѣлъ и то, что жены будутъ поддерживать сношенія со своими родственниками въ Россіи, что такимъ образомъ о декабристахъ будутъ знать и помнить, а онъ хотѣлъ, чтобы о нихъ забыли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ запретить женамъ ѣхать къ мужьямъ онъ не рѣшался. Это противорѣчило бы тому, что почитатели Николая I (а у него было много искреннихъ почитателей) называли рыцарствомъ его. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело бы въ Европѣ, что Николай I воспротивился романтическому порыву этихъ молодыхъ женщинъ. И вотъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшалъ выѣздъ, но обставлялъ въѣздъ такими условіями, которыя были разсчитаны на то, что онѣ откажутся отъ дальнѣйшаго слѣдованія. Въ своемъ письмѣ къ Маріи Николаевнѣ Государь приглашалъ ее подумать о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя ее ожидаютъ за Иркутскомъ. Эти ограниченія можно свести къ двумъ словамъ: отказъ отъ всякаго покровительства закона и властей. И этотъ отказъ подписали всѣ наши добровольныя изгнанницы, — всѣ восемь.

Если, говоря о выѣздѣ княгини Волконской, нельзя не вспомнить Пушкина, то, говоря объ ея пріѣздѣ въ мѣста ссылки, нельзя не помянуть Некрасова. Слишкомъ хорошо извѣстна его поэма «Русскія женщины», но, можетъ быть,

не всѣмъ извѣстна исторія ея возникновенія. Выписываю ее изъ предисловія моего отца къ «Запискамъ» его матери.

«Съ Некрасовымъ я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, однако-же, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобы они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму «Княгиня Е. И. Трубецкая», и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ, и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору: поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору со своими замѣтками, касавшимися преимущественно характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, — на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому она въ дѣйствительности стремилась душой изъ далекой ссылки до конца своихъ дней . . . *)

*) Со словъ отца моего свидѣтельствую, что Некрасовъ ему сказалъ на его доводы: «Эти строки мнѣ дадутъ лишнюю тысячу подписчиковъ». Слова эти рисуютъ и добросовѣстность автора и настроеніе тогдашняго читателя...

«Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери и просилъ меня дать ему ея «Записки», о существованіи которыхъ ему было извѣстно: отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ «Записокъ» никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. «Ну такъ прочтите мнѣ ихъ», сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ прочелъ записки моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайнѣ непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера, основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

«Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашемъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ со словами: «Довольно, не могу», бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ.

«Когда поэма была кончена, онъ принялъ мои за-

мѣчанія и просилъ лишь ему оставить сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ «Запискахъ», а въ шахтѣ. «Не все ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли, или съ дядей Давыдовымъ, они оба работали подъ землей, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ». Я уступилъ, но, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ для просмотра еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму, уже выпущенную («Отечественныя записки» генварь 1873 г.). Этимъ объясняется, что въ поэму проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины».

Такова исторія возникновенія одного изъ популярнѣйшихъ произведеній нашей литературы. Долженъ сказать, что, при всѣхъ достоинствахъ, поэма Некрасова представляется мнѣ, послѣ того какъ я познакомился съ собственноручными письмами княгини Маріи Николаевны, очень грубой; въ ней есть что-то кустарное. Скажемъ прямо — въ ней сквозитъ самъ Некрасовъ, въ ней больше Некрасова, нежели той, кого онъ воспѣваетъ. Всякій авторъ проявляетъ себя, не можетъ не проявить: о чемъ бы онъ ни писалъ, въ томъ, какъ онъ пишетъ, подъ какимъ угломъ видитъ, какую оцѣнку даетъ, наконецъ, — и, можетъ быть, это самое главное, — какія рѣчи вкладываетъ въ уста другого, во всемъ этомъ всегда сквозитъ авторъ. И здѣсь неизбѣжно дѣйствуетъ сліяніе двухъ, иногда далеко неравноцѣнныхъ, величинъ: описываемаго героя и описывающаго писателя. Не всякій выдерживаетъ сопоставленіе. И въ то время какъ, можетъ быть, самое дорогое для насъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» есть непрестанно ощутимое присутствіе Пушкина, — въ «Русскихъ женщинахъ» насъ разстраиваетъ соприкосновеніе

съ Некрасовымъ. Это, конечно, не потому, что Пушкинъ писалъ объ обыденныхъ людяхъ, а Некрасовъ пишетъ объ исключительной женщинѣ въ исключительныхъ обстоятельствахъ: о комъ бы Пушкинъ ни писалъ, онъ всегда будетъ выше своего предмета. Не о всякомъ поэтѣ это можно сказать.

Нельзя, однако, не признать за произведеніемъ Некрасова, кромѣ литературныхъ его достоинствъ, еще и культурно - воспитательное значеніе. То, что было достояніемъ узкаго кружка двухъ поколѣній, потомковъ декабристовъ, что послѣ изданія «Записокъ» княгини Волконской стало бы достояніемъ небольшого круга любителей исторической литературы, то, благодаря Некрасову, стало достояніемъ всякаго читающаго.

Постараемся же теперь, — не по Некрасову, а изъ собственныхъ ея писемъ, увы, на память, возстановить ея духовный образъ.

IX.

Въ этой унылой обстановкѣ, которую мы мелькомъ очертили, только почта могла бы доставить минуты просвѣтленія. Но какъ мало она приносила и какъ рѣдко... Только въ пятидесятыхъ годахъ при Муравьевѣ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ непрерывной нитью отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, а въ тѣ времена... Почта изъ Петербурга уходила разъ въ недѣлю, а изъ Иркутска въ Забайкалье иногда только разъ въ мѣсяцъ. И какимъ только случайностямъ не подвергалась она! Разливы рѣкъ, метели, неточности адресовъ, путаницы въ раздачѣ... Письма изъ Кіевской губерніи шли почти три мѣсяца; по полгода нужно было ждать отвѣта на свое письмо. Какая могла быть при этомъ поддержка

отношеній, какая была возможна дѣловая переписка?... Марія Николаевна была обречена на постоянную жизнь въ прошломъ. Девять писемъ писано къ уже умершей свекрови; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ получаетъ княгиня отъ сестеръ поцѣлуи уже умершему своему ребенку, родившемуся въ Читѣ младенцу Софьѣ... Докторъ прописалъ Сергѣю Григорьевичу, сильно ослабѣвшему въ каторжныхъ работахъ, вина, по рюмкѣ въ день. Начальство разрѣшило. Марія Николаевна пишетъ свекрови, старуха высылаетъ, — бутылки приходятъ разбитыя. Цѣлый годъ проходитъ въ ожиданіи второй высылки. Въ январѣ 1831 г. она проситъ свекровь выслать судковъ для пересылки пищи мужу *), а то по пути изъ ея жилища въ острогъ пища стынетъ, а разогрѣвать въ острогѣ, — посуда лопается. Не знаю, когда прибыли судки, но въ январѣ 1832 года княгиня ихъ еще не получила.

Вся переписка проходила въ Петербургѣ цензуру III Отдѣленія, въ Сибири — цензуру губернатора, затѣмъ коменданта; въ канцеляріяхъ письма пропадали, — это легко прослѣдить при тогдашней привычкѣ нумеровать письма. Процентовъ пятнадцать писемъ пропадало. Посылки развязывались, содержаніе вываливалось, попадало подъ другой адресъ или совсѣмъ въ другое мѣсто назначенія.

Отвѣтная корреспонденція изъ Сибири подвергалась тѣмъ же случайностямъ и еще большимъ стѣсненіямъ. Самое стѣснительное было требованіе, въ силу котораго отвѣтныя письма должны были представляться въ канцелярію коменданта вечеромъ того же дня, когда почта была получена. Стѣснительность этого требованія станетъ понятна, когда вспомнимъ, что самимъ государственнымъ преступникамъ было запрещено писать, и потому Маріи Николаевнѣ приходилось писать и за себя.

*) Что въ совѣтской Россіи называется «передача».

и за мужа, и за другихъ. Декабристъ баронъ Розенъ въ своихъ — «Запискахъ» говоритъ, что княгини Трубецкая и Волконская иногда писали по двадцати писемъ въ одинъ почтовый день. Прибавить къ этому, что въ нашемъ архивѣ сохранились альбомы исходящихъ писемъ, въ которыхъ рукою Маріи Николаевны изложено содержаніе каждаго написаннаго ею письма, — и понятнымъ станетъ, что почтовые дни были для нея мученіемъ: зато декабристы звали ее «Наше окно въ свѣтъ».

Великъ былъ трудъ ея, но мало вознаграждался. Изъ семьи мужа почти никто не писалъ. Только старуха княгиня Александра Николаевна каждую пятницу писала свои мало содержательныя, но съ точностью часового механизма отсылаемыя письма. Переписка съ свекровью становится русломъ, по которому мы можемъ прослѣдить теченіе матеріальной, практической жизни. Всѣ заботы о мужѣ, о его здоровьи восходятъ къ Александрѣ Николаевнѣ, и удивляться приходится готовности и заботливости, съ какою старуха исполняетъ всѣ порученія; сама ѣздитъ, сама выбираетъ, сама укладываетъ. Много лѣтъ позднѣе, въ одномъ письмѣ къ сестрѣ Софьѣ, Марія Николаевна вспоминаетъ ея всегдашнюю отзывчивость и готовность помочь. Съ такою же аккуратностью писала и Жозефина. Но за исключеніемъ этого, извѣстій со стороны Волконскихъ почти не было. Въ особенности огорчало Сергѣя Григорьевича молчаніе сестры. Послѣ его ухода въ ссылку, она совсѣмъ исчезла съ его горизонта, чтобы снова всплыть уже въ 1854 году, когда она навѣстила брата въ Иркутскѣ и цѣлый годъ прогостила у него. Объ этомъ — въ своемъ мѣстѣ. Среди рѣдкихъ писемъ другихъ членовъ семьи Волконскихъ грѣли лаской и привѣтомъ письма очаровательной Зинаиды. Никогда она не забывала той, которая пришла отдохнуть въ ея дому и, хорошо зная, кого она любитъ,

что̀ она любитъ и что̀ ей нужно, присылаетъ ей то непромокаемые чулки для Сергѣя, то ноты итальянской музыки, то огородныхъ семянъ.

Переписка съ семьею Раевскихъ была оживленнѣе, но мало содержательна, а главное мало утѣшительна; мало было въ ней ласки, очень мало пониманія. Какова была мать Маріи Николаевны, мы видѣли, и что могли быть ея письма при такомъ характерѣ, мы можемъ себѣ представить. Два эпизода запомнилось мнѣ. Марія Николаевна, узнавъ, что ея племянница Репнина выходитъ замужъ за графа Кушелева-Безбородко, проситъ мать подарить ей оставленный ею дома браслетъ. Мать отвѣчаетъ, что желаніе ея будетъ исполнено, тѣмъ болѣе, что изъ своей семьи никто, конечно, не захочетъ носить вещь, подаренную ея мужемъ. Послѣ смерти своего первенца Николеньки Марія Николаевна въ одномъ письмѣ къ сестрамъ сѣтовала на то, что ея мать, какъ будто, мало раздѣляетъ ея горе. Софья Алексѣевна ей пишетъ: «А развѣ вы не замѣтили, что я никогда не говорю вамъ о дѣтяхъ вашей сестры, — это для того, чтобы васъ не огорчать». Мы говорили уже о сестрѣ Софьѣ Николаевнѣ, о ея постоянномъ дидактизмѣ. Съ годами онъ возросталъ. Она писала сестрѣ фразы вродѣ слѣдующихъ: «Я рада видѣть, что здоровье ваше поправляется настолько, что вы свободно переносите суровость сибирской зимы». Она вообще любила медицину, считала себя свѣдущей въ этой области и за восемь тысячъ верстъ посылала сестрѣ совѣты, прописывала то или иное лѣченье . . . Марія Николаевна проситъ подробностей о житьѣ бытьѣ, что дѣлаютъ, кого видаютъ и т. д.; — Софья Николаевна не остается въ долгу и посылаетъ ей расписаніе дня по часамъ. И здѣсь сколько забывчивости, нерадѣнія. Три года она проситъ прислать ей ея любимую тетрадку нотъ сочиненія Мейера . . . Я забылъ

сказать, что у Маріи Николаевны было фортепіано. Когда она пріѣхала въ Иркутскъ, она къ изумленію своему увидѣла, что сзади кибитки подвязано фортепіано, — это былъ подарокъ Зинаиды. Конечно, то были маленькіе клавикорды на четырехъ ножкахъ, на которыхъ можно было скорѣе тренькать, нежели играть, но какая радость, сколько горькой услады принесло оно ей въ одинокіе часы сибирскихъ сумерекъ . . .

Совсѣмъ отдѣльно отъ всего стоятъ письма отца, старика Николая Николаевича Раевскаго. Онъ писалъ мало. Княгиня пріѣхала въ Благодатскій рудникъ въ началѣ марта, а первое письмо отъ отца получила въ половинѣ іюня. Онъ писалъ мало, но его письма, столь удивительныя по почерку и по складу рѣчи, — какъ литыя бронзовыя доски. И какъ она ихъ ждала! Что былъ отецъ для нея, видно изъ такихъ подробностей: она проситъ сестеръ, чтобы на ихъ письмахъ хотя адресъ былъ написанъ рукою отца: она проситъ прислать ей для Сергѣя табаку, того, что куритъ отецъ, и проситъ съ этимъ вмѣстѣ мундштукъ, такой, какой она видала во рту отца . . . Да, онъ мало писалъ, но видно, что всегда передъ нимъ носился образъ той, которая, какъ тучка, ночевала на груди утеса великана, умчалась рано, и остался влажный слѣдъ.

И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

На смертномъ одрѣ онъ указалъ на ея портретъ и сказалъ: «Вотъ самая замѣчательная женщина, которую я зналъ». Со взоромъ, устремленнымъ на Сибирь, угасалъ суровый воинъ. На его могилѣ, въ деревнѣ Болтышка, Кіевской губерніи, вырѣзанъ стихъ Жуковскаго:

Онъ былъ въ Смоленскѣ щитъ, въ Парижѣ мечъ Россіи.

Надъ могилой виситъ изображеніе Сикстинской Мадонны Рафаэля, которое княгиня Марія Николаевна вышивала бисеромъ въ Читѣ.

Таковы были письма, которыя княгиня получала изъ Россіи. И вотъ, когда сопоставить все это, скупость того, что она получала, скудость того, что ее окружало, изумляться приходится богатству внутренняго содержанія, на которомъ она строила свою скромную, убогую жизнь: преклоняться приходится передъ той стойкостью, тѣмъ мужествомъ и постоянствомъ, съ какими она противупоставляла свою личность окружающимъ условіямъ. Въ этой странѣ, гдѣ по нѣскольку мѣсяцевъ подрядъ морозы въ 40°, она занимается садоводствомъ; въ этой обстановкѣ, гдѣ, казалось бы, всякіе духовные интересы должны отступить передъ непрестанной борьбой за матеріальное существованіе, она занимается музыкой, и ноты, которыя ей присылаетъ Зинаида изъ Италіи, она переписываетъ и пересылаетъ своей сестрѣ Софьѣ въ Малороссію. Она собираетъ гербарій сибирской флоры для какого-то доктора Даулера въ Петербургѣ, составляетъ минералогическій кабинетъ для Николеньки, когда онъ выростетъ. Въ этой обстановкѣ, гдѣ, казалось бы, всякое сознаніе своей личности должно поникнуть передъ постояннымъ гнетомъ безправія, она всегда выше обстоятельствъ, всегда пріодѣта, аккуратна, всегда въ перчаткахъ и вуалеткѣ. Тамъ, въ этой нескончаемо одинаковой, длительно безнадежной смѣнѣ дней, она съ какимъ-то религіознымъ этикетомъ соблюдаетъ семейныя годовщины рожденій, именинъ. Она вспоминаетъ въ іюлѣ 1827 г., что въ первый разъ послѣ замужества проводитъ 5-е число, день именинъ Сергѣя, въ его обществѣ: въ 1825 году онъ былъ въ отъѣздѣ по службѣ, въ 1826 году онъ сидѣлъ въ крѣпости, а въ этотъ годъ 5-е число какъ

разъ случилось въ день свиданія съ заключенными. И какъ трогательно, напримѣръ, читать ея благодарность мужу по поводу того, что онъ просилъ ее въ день его именинъ не снимать траура по ея отцу. Это можетъ показаться мелочами въ наши дни; я же думаю, что великая сила воспитанія и великая сила воли сказывается въ этихъ подробностяхъ жизни. Это больше, нежели приспособляемость къ обстоятельствамъ, — это нежеланіе подчиниться имъ; это есть отказъ въ капитуляціи, это свѣтъ, котораго тьма не можетъ объять. Эту сторону ея характера, эти условія ея положенія домашніе ея не понимали; они не понимали, сколько величія въ этихъ мелочахъ, сколько потрясеній за этой стойкостью. Они не сознавали и того, какое значеніе для нея могли имѣть мелочи ихъ домашняго, деревенскаго бытья. Какъ она, за восемь тысячъ верстъ, мучительно переживала жизнь далекаго дома, видно изъ того, что однажды княгиня Трубецкая нашла нужнымъ написать сестрамъ Маріи Николаевны, чтобы онѣ ей писали о болѣзняхъ ея домашнихъ уже по выздоровленіи ихъ, — до такой степени извѣстія вліяютъ на ея здоровье. Изумляться приходится, какъ, при скудости своей жизни, она находила чѣмъ наполнять шесть, восемь страницъ большой почтовой бумаги. «Если я могу писать, неужели вамъ нечего разсказать», писала она сестрамъ. Она даже находила возможнымъ шутить; хотя за этимъ смѣхомъ всегда блестятъ слезы, все равно, какъ когда она садилась пѣть за клавикорды, слезы пресѣкали ея голосъ. А изъ дому она получала жалобы. «Но если вы несчастны, отвѣчаетъ она матери, то что же я?...» Рѣдко попадаются такія слова подъ ея перомъ. Опять изумляться приходится крѣпости, съ какой она не позволяетъ себѣ отвѣчать на незаслуженныя нападки матери: она знаетъ, мать сама ей пишетъ, что таковъ уже ея характеръ —

горе у нея всегда переходитъ въ гнѣвъ, но при всемъ томъ высока духовная выдержка, которая на это отвѣчаетъ просьбою благословить и ее, и Сергѣя.

Образъ княгини Маріи Николаевны еще выростаетъ, когда разсматриваешь ея отношеніе къ другимъ. Ея потребность помогать не знала предѣловъ, а готовность помочь поражаетъ, когда знаешь скудость средствъ, которыми она жила. Въ книгѣ Дмитріева - Мамонова «Декабристы въ Западной Сибири» только три раза упоминается имя княгини Маріи Николаевны, но каждый разъ въ связи съ денежной помощью, которую кто-нибудь изъ сосланныхъ получалъ отъ нея изъ Восточной Сибири. Но не только матеріальная помощь; трогательны примѣры ея проникновенія въ чужую духовную жизнь. Для какого-то каторжнаго татарина, невинно осужденнаго за убійство, она выписываетъ коранъ по татарски, для каторжнаго еврея изъ Бѣлой Церкви выписываетъ еврейскую библію. А какъ трогательно, напримѣръ, отношеніе ея къ любимой ея дѣвушкѣ Машѣ, пріѣхавшей изъ деревни Болтышки раздѣлить съ ней тяготы изгнанія. Эта Маша безутѣшно тосковала, не получая писемъ изъ дому отъ своего брата Василія. Сколько Марія Николаевна ни писала сестрамъ, — Василій не откликался. Что же придумываетъ княгиня? Она сама пишетъ письма, будто отъ Василія, и въ почтовые дни читаетъ ихъ Машѣ, будто бы сейчасъ полученныя.

Дополнимъ образъ Маріи Николаевны тѣмъ еще, какъ другіе къ ней относились. Когда декабристъ Кюхельбекеръ, по отбытіи срока наказанія, уѣзжалъ изъ Красноярска, онъ написалъ Маріи Николаевнѣ свое прощальное письмо, прося передать иркутскимъ своимъ товарищамъ привѣтъ и извиненіе, что не можетъ писать каждому въ отдѣльности. Онъ говоритъ, между прочимъ, что со дня знакомства съ ней для его жены началась

новая жизнь. Далѣе онъ выражаетъ увѣренность, что никто изъ товарищей по ссылкѣ не посѣтуетъ за то, что онъ ее выбираетъ выразительницею своихъ чувствъ, ибо, прибавляетъ онъ, «все, что есть достойнаго уваженія и прекраснаго въ характерѣ каждаго изъ нихъ, все это въ наибольшей и чистѣйшей степени, представлено Вами, ихъ ангеломъ хранителемъ и утѣшителемъ». Эти немногіе слова вмѣщаютъ въ себѣ все, что разсыпано по многочисленнымъ «Запискамъ», «Воспоминаніямъ» того времени и тѣхъ людей. Что такъ мыслили и чувствовали люди ея круга, это не удивительно; но чрезвычайно знаменательно отношеніе къ ней и къ другимъ женамъ декабристовъ мѣстнаго населенія, крестьянъ и уголовныхъ каторжанъ. Никогда эти дамы не встрѣтили ничего, кромѣ вниманія и уваженія. О томъ, какую память онѣ оставили, я имѣлъ трогательное свидѣтельство въ письмахъ старожиловъ, о которыхъ упоминалъ. Знаменательно и то, что населеніе называло декабристовъ общимъ именемъ «наши князья»; правда, что среди нихъ были такія имена, какъ Трубецкіе, Волконскіе, Одоевскіе, Барятинскіе, Оболенскіе, Шаховскіе . . . Опять скажу, что не удивительно уважительное отношеніе со стороны людей, испытавшихъ вліяніе ихъ добраго отношенія къ себѣ, культурнаго воздѣйствія на ихъ дѣтей; но вотъ примѣръ того, какъ къ этимъ — съ позволенія сказать — «буржуйкамъ» относились каторжане.

Въ отобранной отъ княгини Волконской въ Иркутскѣ подпискѣ значилось, между прочимъ, что мѣстныя власти отказываются оказывать женамъ государственныхъ преступниковъ какую-либо защиту «отъ ежечасныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ нимъ участь, себѣ

Съ акварели Соколова 1826 г.

Княгиня Марія Николаевна
Волконская
съ сыномъ Николаемъ

подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя». Въ такую-то среду пріѣхала княгиня Волконская, среди нихъ жила. И что же нашла? Заимствую изъ «Записокъ» слѣдующій разсказъ.

«Кромѣ нашей тюрьмы была еще другая, въ которой содержались бѣгавшіе нѣсколько разъ и совершившіе грабежи. Ихъ кандалы были гораздо тяжелѣе и работы труднѣе. Между ними находился извѣстный разбойникъ Орловъ, своего рода герой. Онъ никогда не нападалъ на людей бѣдныхъ, а только на купцовъ и, въ особенности, на чиновниковъ; онъ даже доставилъ себѣ удовольствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣчь. У этого Орлова былъ чудный голосъ, онъ составилъ хоръ изъ своихъ товарищей по тюрьмѣ и, при заходѣ солнца, я слушала, какъ они пѣли съ удивительной стройностью и выраженіемъ; одну пѣснь, полную глубокой грусти, они особенно часто повторяли: «Воля, воля дорогая». Пѣніе было ихъ единственнымъ развлеченіемъ; скученные въ тѣсной темной тюрьмѣ, они выходили изъ нея только на работы. Я имъ помогала, насколько позволяли мои средства, и поощряла ихъ пѣніе, садясь у ихъ грустнаго жилища. Однажды я вдругъ узнаю, что Орловъ бѣжалъ. Всѣ поиски за нимъ остались тщетны. Гуляя какъ-то въ направленіи нашей тюрьмы, я увидѣла слѣдовавшаго за мной каторжника; это былъ когда-то бравый гусаръ, онъ мнѣ сказалъ вполголоса: «Княгиня, Орловъ меня посылаетъ къ вамъ, онъ скрывается на этихъ горахъ, на скалахъ надъ вашимъ домомъ, онъ уже давно тамъ и проситъ васъ прислать ему денегъ на шубу, ночи стали уже холодныя». Я очень испугалась этого сообщенія, а между тѣмъ, какъ оставить несчастнаго безъ помощи? Я вернулась домой и взяла 10 рублей; я заранѣе сказала бывшему гусару, чтобы онъ за мной не слѣдовалъ, но замѣтилъ бы то мѣсто, гдѣ я во время прогулки нагнусь,

чтобы положить деньги подъ камень. Онъ все исполнилъ, какъ я ему сказала, и тотчасъ же нашелъ ихъ. Прошло еще двѣ недѣли, я была одна въ своей комнатѣ. Каташа еще не возвращалась со свиданія съ мужемъ. я пѣла за фортепіано. было довольно темно: вдругъ кто-то вошелъ, очень высокаго роста и сталъ на колѣни у порога. Я подошла — это былъ Орловъ, «въ шубѣ», съ двумя ножами за поясомъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Я опять къ вамъ. дайте мнѣ что-нибудь. мнѣ нечѣмъ больше жить. Богъ вернетъ вамъ, ваше сіятельство». Я дала ему пять рублей, прося его скорѣе уйти. Каташа по возвращеніи изъ тюрьмы очень встревожилась отъ этого появленія, да и было отъ чего, какъ вы увидите. Я легла поздно, все думая объ этомъ разбойникѣ, котораго могли схватить, и тогда Бурнашевъ не преминулъ бы повторить свои обычныя слова — «вы хотите поднять каторжниковъ». Среди ночи я услыхала выстрѣлы. Бужу Каташу, и мы посылаемъ въ тюрьму за извѣстіями. Тамъ все спокойно, но вся деревня поднялась на ноги. и мнѣ говорятъ, что бѣглыхъ схватили на горѣ и всѣхъ арестовали, кромѣ Орлова, который бѣжалъ, вылѣзши сквозь трубу, или вѣрнѣе, сквозь дымовое отверстіе. Несчастный, вмѣсто того, чтобы купить себѣ хлѣба, устроилъ попойку съ товарищами, празднуя ихъ побѣгъ. На другой день — наказаніе плетьми съ цѣлью узнать, отъ кого получены деньги на покупку водки; никто меня не назвалъ. Гусаръ предпочелъ обвинить себя въ кражѣ, чѣмъ выдать меня, какъ онъ мнѣ сказалъ впослѣдствіи».

Мы прослѣдили внутренній образъ княгини Маріи Николаевны по письмамъ первыхъ одиннадцати лѣтъ пребыванія въ Сибири. Въ это время ссыльнымъ не позволялось писать, и вся скорбная лѣтопись этихъ одиннадцати лѣтъ начертана тонкимъ, изящнымъ почер-

комъ княгини. Эти одиннадцать лѣтъ начались въ Благодатскомъ рудникѣ, гдѣ она нанимала въ крестьянской избѣ каморку за десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (три съ полтиной) съ дровами и водой; комнату эту она дѣлила съ княгиней Трубецкой. Продолжались эти одиннадцать лѣтъ въ Читѣ. Здѣсь она жила въ домѣ діакона, въ верхнемъ этажѣ; къ нимъ присоединилась ихъ подруга, жена декабриста Ентальцева; комната просторная; домъ стоялъ высоко надъ рѣкой, изъ окна видъ на Алтайскія горы, внизу ловили рыбу. Здѣсь, въ Читѣ, родился у Маріи Николаевны и умеръ въ тотъ же день младенецъ Софья. Марія Николаевна упоминаетъ въ письмѣ, какъ изъ кровати своей видѣла прошедшаго передъ окномъ Сергѣя Григорьевича, уносившаго гробикъ... Изъ Читы черезъ два года ссыльные переведены въ Петровскій заводъ. Тамъ княгиня сперва раздѣляла съ мужемъ его камеру въ казематѣ, а потомъ поселилась въ собственномъ домикѣ. О матеріальномъ бытѣ нашихъ изгнанниковъ за это время поговоримъ ниже: имъ было нелегко, и на перепискѣ всего этого періода лежитъ печать нужды, борьбы и терпѣнія.

У меня было нѣсколько портретовъ Маріи Николаевны въ ту эпоху, — преимущественно акварели работы декабриста Николая Бестужева. Въ особенности одинъ поражаетъ своей мечтательной прелестью. Облокотившись на столъ съ красной скатертью, сидитъ она у раскрытаго окна, въ черномъ платьѣ, подперевъ щеку рукой; широкіе у плечъ рукава, большой на плечахъ бѣлый батистовый съ прошивками воротникъ, волосы, какъ во времена Евгенія Онѣгина, — собраны на маковкѣ, а надъ ушами спадаютъ локонами. Въ окно виденъ высокій мачтовый тынъ, около тына полосатая будка, и рядомъ съ ней — съ ружьемъ, въ киверѣ часовой; за тыномъ крыша острога, Читинскаго острога.

За спиной княгини, на стѣнѣ виситъ портретъ отца ея въ генеральскомъ сюртукѣ, — тоже работы Бестужева, копія съ Соколова; и этотъ портретъ отца ея тоже былъ у меня... Я не могу передать впечатлѣнія великой печали, которая дышетъ въ этой маленькой картинкѣ. Во всякій разъ, какъ я смотрѣлъ на нее, мнѣ слышались слова одного ея письма изъ Читы: «Во всей окружающей природѣ одно только мнѣ родное, — трава на могилѣ моего ребенка».

X.

Матеріальное положеніе нашихъ изгнанниковъ было не легко. Передъ своей гражданской смертью, въ Петропавловской крѣпости Сергѣй Григорьевичъ написалъ свое завѣщаніе, которымъ отказывалъ свое состояніе сыну своему Николаю. Между прочимъ, это послѣдняя его полная подпись: «генералъ-майоръ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій». Княгиня, какъ вдова, сохраняла право на свое приданое и на седьмую часть съ имѣнія мужа. Изъ своего достоянія ей разрѣшалось въ ссылкѣ пользоваться десятью тысячами въ годъ; тогда считали ассигнаціями, это составляло немного больше трехъ тысячъ. Этой суммы въ тогдашней Сибири, пожалуй, и было бы достаточно; но вдругъ по приказанію свыше она была сведена къ двумъ тысячамъ ассигнаціями. Между тѣмъ у Волконскихъ родилось двое дѣтей, расходы возрастали. Марія Николаевна въ 1838 году обратилась съ просьбой въ III Отдѣленіе о томъ, чтобы ей было разрѣшено получать изъ собственныхъ же денегъ нѣсколько большую сумму ввиду расходовъ по воспитанію дѣтей. Ей было отвѣчено, что по докладѣ ея прошенія Государю Императору, «Его Величеству

благоугодно было отозваться, что въ Сибири учителей нѣтъ, а потому воспитаніе дѣтей требуетъ не расходовъ, а лишь одного попеченія родителей». Черезъ годъ просьба была повторена и вторично отклонена. При такихъ обстоятельствахъ особенную цѣнность пріобрѣтаетъ та репутація благотворительности и отзывчивости, которую стяжала княгиня Марія Николаевна въ обѣихъ Сибиряхъ — Восточной и Западной.

Повторяю, матеріальное положеніе было тяжкое. Изъ собственныхъ ихъ писемъ, но еще больше изъ воспоминаній другихъ декабристовъ, мы видимъ, какъ имъ приходилось трудно. Баронъ Розенъ говоритъ о княгиняхъ Волконской и Трубецкой: «Страннымъ показалось бы, если бы я вздумалъ подробно описать, какъ сами стирали бѣлье, мыли полы, питались хлѣбомъ и квасомъ, когда страданія ихъ были гораздо важнѣе и другого рода, когда онѣ видѣли мужей своихъ за работою въ подземельи подъ властью грубаго и дерзкаго начальства».

Трудность положенія увеличивалась еще и тѣмъ, что небольшія средства, которыми располагала княгиня Марія Николаевна поступали чрезвычайно неаккуратно, задержки происходили и въ Петербургѣ при высылкѣ, и на мѣстѣ, въ канцеляріяхъ губернатора и коменданта. На руки отпускалось очень мало; къ сожалѣнію, не могу наизусть сказать, во сколько опредѣлялась сумма тою расчетной книгой, которая была выдана княгинѣ съ предписаніемъ «предъявлять оную по первому требованію».

Существенную перемѣну въ матеріальномъ бытѣ Маріи Николаевны внесло поселеніе ея въ острогѣ. Уже давно страдала она отъ мысли, что не раздѣляетъ съ мужемъ тяготы заключенія.

Если она воздерживалась отъ шаговъ въ этомъ направленіи, то потому, что опасалась послѣ острога уже утратить возможность вернуться въ Россію и, такимъ образомъ, должна будетъ отказаться отъ свиданія съ сыномъ. Но со смертью Николеньки это соображеніе отпадало. Отпадалъ и послѣдній аргументъ въ рукахъ ея семьи: родители и сестры теперь знали, что она уже не вернется. Всѣ помыслы ея теперь сосредоточивались на томъ, чтобы получить разрѣшеніе поселиться съ мужемъ. Она обратилась за помощью къ отцу. Есть отвѣтное письмо, изъ котораго видно, что онъ хлопочетъ, но столь же ясно сквозитъ и то, что ему вовсе не такъ хочется, чтобы просьба дочери была уважена. Но Марія Николаевна работала и съ другого конца, — она просила свекровь поддержать ея просьбу. Долго пришлось ей ждать. Тѣмъ временемъ въ 1828 году сняли съ государственныхъ преступниковъ кандалы... Но вотъ, наконецъ, письмо отъ старой княгини изъ Царскаго Села: она читала ея письмо Государю, и Государь отвѣтилъ, что просьба ея будетъ исполнена, какъ только камера Сергѣя это дозволитъ. Кто знаетъ придворную жизнь, тотъ знаетъ, какъ подобные шаги трудны, какъ они были въ особенности трудны въ тѣ времена. Кто знаетъ отношеніе Николая I къ декабристамъ, тотъ знаетъ, какъ должно было быть страшно подойти къ нему съ заступничествомъ за тѣхъ, кого онъ хотѣлъ забыть и о комъ помнилъ до послѣдняго дня своего. Дѣло казалось безнадежнымъ. Царствующія особы очень любятъ оказывать милость на свѣтломъ безоблачномъ пути своего шествія по красному сукну предначертанныхъ событій, но онѣ очень не любятъ, когда на этомъ пути встаетъ и останавливаетъ ихъ вниманіе и нарушаетъ установленность настроеній и отношеній что-нибудь такое, что онѣ желали предать забвенію и что заявляетъ о своемъ

существованіи наперекоръ ихъ желаніямъ. И, однако, княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ удалось исхлопотать то, о чемъ такъ слезно молила Марія Николаевна. Осенью 1830 г. ссыльные были переведены въ Петровскій заводъ, въ выстроенный для нихъ огромный казематъ. Сюда въѣхала и княгиня Марія Николаевна, чтобы раздѣлить съ мужемъ камеру № 54.

У меня была маленькая акварель, изображавшая эту камеру. Бревенчатыя перегородки въ одномъ углу обиты темносиней матеріей, занавѣской, привезенной изъ Петербурга; у одной стѣны диванъ, передъ нимъ круглый столъ; у другой стѣны клавикорды, конечно, тѣ самые, которые Зинаида приказала подвязать къ кибиткѣ; за клавикордами княгиня Марія Николаевна съ той же типичной прической; около клавикордовъ, прислонясь къ стѣнѣ, Сергѣй Григорьевичъ въ арестантскомъ халатѣ. Надъ диваномъ портретъ Николая Николаевича Раевскаго, надъ клавикордами на стѣнѣ маленькіе портреты, медальоны, миніатюры; многіе изъ этихъ портретовъ, несмотря на мелкій размѣръ, легко можно узнать; они впослѣдствіи вернулись изъ Сибири и висѣли у меня въ «Музеѣ декабристовъ» и въ моей комнатѣ, когда у меня былъ «музей», когда у меня была комната . . . Это изображеніе камеры № 54 интересно тѣмъ, что сдѣлано до пробитія окна, что послѣдовало лишь черезъ годъ послѣ вселенія заключенныхъ по совмѣстному прошенію женъ начальнику III Отдѣленія графу Бенкендорфу. Я долго не зналъ, чьей работы эта акварель. Но въ февралѣ 1917 года, будучи въ Крыму, я посѣтилъ въ Симферополѣ дочь декабриста Юшневскаго. Я предупредилъ о своемъ приходѣ; она ждала меня, окруженная портретами, альбомами, вещицами и портфелями со множествомъ рисунковъ ея отца. Я сейчасъ же узналъ, кто авторъ рисунка, изображающаго камеру № 54. Незабвенный вечеръ!

Изъ этой ветоши — сколько живого благоуханія. И гдѣ теперь вся эта цѣнность, что ей принадлежала? И гдѣ она сама?

Тамъ же, въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя, засталъ я доживающую въ своемъ Потемкинскомъ имѣніи Елизавету Сергѣевну Давыдову, дочь декабриста Трубецкого, вышедшую за сына декабриста Давыдова. Она была очень стара, съ совершенно ослабѣвшей памятью, но тоже окружена портретами, рисунками. Навстрѣчу этимъ изображеніямъ поднимались изъ ея меркнувшаго сознанія имена людей, мѣстностей... Такъ, наканунѣ мартовской революціи, среди пробуждающейся картины крымской весны, передъ картинами сибирской ночи догорали послѣдніе проблески далекаго прошлаго...

Изъ эпохи Петровскаго завода у меня было очень много рисунковъ и акварелей. Были виды каземата, внутреннихъ его дворовъ, сцены изъ жизни государственныхъ преступниковъ, ихъ работы, ихъ отдыхъ, внутренніе виды камеръ. Все это нарисовано чисто, аккуратно: николаевскіе солдатики изображены съ иголочки, бѣлыя лосины, ремешки, ружья, кивера, лядунки, все это написано въ совершенствѣ. Повидимому, рисунки принадлежатъ кисти декабриста Рѣпина, — того, который такъ ужасно погибъ при пожарѣ своего дома вмѣстѣ съ Андреевымъ, заѣхавшимъ къ нему переночевать. Видъ каземата съ птичьяго полета, помѣщенный въ запискахъ «княгини Маріи Николаевны Волконской» подписанъ «писарь Керенскій».

Когда заключеннымъ стали разрѣшать отлучаться изъ тюрьмы, княгиня Волконская обзавелась собственнымъ домикомъ. Обзавелись домами и другія жены. Эти дома всѣ стояли врядъ по одной улицѣ. Улица называлась у нихъ „La rue des Dames“ (Дамская улица). По лѣвой сторонѣ, если итти къ церкви, предпослѣдній

домъ — Волконскихъ. Здѣсь родились у княгини Маріи Николаевны — сынъ Михаилъ въ 1832 году и въ 1834 г. дочь Елена.

О тогдашнемъ начальствѣ въ письмахъ, конечно, нѣтъ упоминаній. Но изъ «Записокъ» и воспоминаній обрисовывается мрачная галлерея портретовъ; среди нихъ самые мрачные — смотритель Нерчинскихъ заводовъ Бурнашевъ, человѣкъ грубый, говорившій съ заключенными на «ты», и генералъ-губернаторъ Рупертъ. Имя послѣдняго связано со скорбнымъ событіемъ въ жизни декабристовъ. Въ 1841 году правительство пожелало по случаю бракосочетанія Наслѣдника, будущаго Александра II, оказать какую-нибудь милость сосланнымъ. Было рѣшено принять дѣтей декабристовъ на казенный счетъ, сыновей въ корпуса, дочерей въ институты, но при этомъ было поставлено условіемъ — дѣти должны лишиться фамилій своихъ отцовъ и именоваться по отчеству, Сергѣевыми, Васильевыми и т. д. Сосланнымъ было дано сорокъ восемь часовъ на размышленіе. Они отказались отъ царской милости, указавъ на то, что подобное отреченіе отъ имени отцовъ, разрывая послѣднюю связь съ прошлымъ, кромѣ того, поставило бы ихъ дѣтей въ положеніе незаконнорожденныхъ и наложило бы пятно на чело ихъ матерей. Генералъ Рупертъ, препровождая письменные отвѣты декабристовъ, снабдилъ ихъ отзывомъ, въ которомъ высказывался, что по его мнѣнію упорствомъ своимъ ссыльные лишили себя «всякаго права на какое бы то ни было снисхожденіе Правительства».

Въ длинной вереницѣ мрачныхъ именъ сіяетъ незакатнымъ блескомъ благодарности имя коменданта Лепарскаго. Нѣтъ среди многочисленныхъ книгъ, оставленныхъ намъ декабристами, ни одной, въ которой

бы не было посвящено нѣсколько самыхъ теплыхъ, прочувствованныхъ страницъ этому человѣку. Изъ нашего архива припоминаю два эпизода. Когда Марія Николаевна ждала своего второго ребенка, генералъ Лепарскій прислалъ ей акушерку двумя недѣлями раньше того срока, который назначила она сама. Послѣ родовъ онъ пишетъ Сергѣю Григорьевичу, чтобы онъ не позволялъ своей женѣ самой писать, а предлагалъ свои услуги, чтобы извѣстить генерала Раевскаго. «Княгинѣ же Александрѣ Николаевнѣ можетъ написать княгиня Трубецкая».

Прелестный рядъ женскихъ портретовъ встаетъ со страницъ сибирскихъ писемъ. Ближайшія подруги Маріи Николаевны были: княгиня Трубецкая, жена Фонъ-Визина и Ентальцева. Но самая любимая была Александра Григорьевна Муравьева. Очаровательный ея внѣшній образъ начертанъ въ «Запискахъ» барона Розена. На страницахъ писемъ Маріи Николаевны проходитъ скорбная повѣсть ея угасанія. Она скончалась въ Петровскомъ заводѣ отъ чахотки: она умирала ночью и, не желая будить свою маленькую дочь, просила принести ей ея куклу и простилась съ куклой. Она похоронена въ церковной оградѣ при церкви Петровскаго завода. Надъ ея могилой часовня, хорошо видная на всѣхъ картинахъ и снимкахъ, изображающихъ эту церковь.

Нонушка, любимица декабристовъ, осталась на попеченіи отца, Никиты Михайловича Муравьева. Когда въ 1843 году онъ умеръ, его мать, старуха Екатерина Федоровна Муравьева, рожденная Колокольцова, испросила разрѣшеніе привезти ее въ Москву съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ институтъ. Разрѣшеніе было дано; была послана за ней классная дама, не помню имени, нѣмец-

кая фамилія. Дѣвочкѣ очень не хотѣлось уѣзжать; когда ее усаживали въ карету, она плакала и металась, рвалась вонъ изъ кареты. Марія Николаевна долго не могла забыть эту отъѣзжающую карету... Нонушку помѣстили въ институтъ подъ фамиліей «Никитина». Она на это имя не откликалась, несмотря на всѣ наказанія. Наконецъ, ее стали звать просто по имени. Она была ребенокъ съ сильной волей, своенравный. Когда Императрица Александра Ѳедоровна, посѣщая институтъ, сказала ей однажды: «Почему, Нонушка, ты мнѣ говоришь „Madame", а не называешь „Maman", какъ всѣ другія дѣвочки?» Нонушка отвѣтила: «У меня одна только мать, и та похоронена въ Сибири». У меня былъ дѣтскій рисунокъ, — какія-то дамы разговариваютъ съ какими-то кавалерами; подписано дѣтскимъ почеркомъ: «Нонушка Катѣ». Кто была Катя, неизвѣстно, и гдѣ теперь рисунокъ, тоже неизвѣстно.

Удивительная дружба царила между нашими дамами. Одинаковость интересовъ, судьба мужей, рожденія, болѣзни дѣтей, — спаяли ихъ въ тѣсную семью. Ни разу во всей тогдашней перепискѣ не проскальзываетъ даже намека на какую-нибудь ссору, малѣйшее недоразумѣніе. И при скученности, въ какой онѣ жили, это являлось свидѣтельствомъ высокой ихъ воспитанности: рѣдко когда съ большей наглядностью выступала благотворная сила житейскихъ формъ, и надо сказать, что, несмотря на всѣ единичные случаи тяжелыхъ испытаній, общій тонъ жизни былъ бодрый; онѣ не позволяли себѣ распускаться, поддерживали и подбадривали другъ друга: пусть, молъ, недоумѣваетъ угрюмое начальство. Скоро дѣти стали главнымъ центромъ жизни: все вращалось вокругъ нихъ; ихъ очень любили наряжать; Марія Николаевна не одобряла, но обычай укоренился. Праздники, именины, рожденія подавали поводъ матерямъ

изощряться въ пріисканіи развлеченій; посылки изъ Россіи вызывали радостный визгъ, становились предлогомъ дружескаго обмѣна. Новая, нѣжная струя вливается въ суровую жизнь. Это была улыбка каторги . . .

Легко понять, что внесли жены въ жизнь изгнанниковъ и какъ бѣдные узники ихъ цѣнили. Вотъ стихотвореніе декабриста князя Одоевскаго, въ которомъ чувства ихъ нашли рѣдкой прелести выраженіе. Чтобы его понять, надо помнить, что узники жили въ тюрьмѣ, окруженной высокимъ мачтовымъ тыномъ; къ этому тыну, въ часы прогулки заключенныхъ по двору, подходили наши дамы и сквозь щели ограды разговаривали, разсказывали новости, передавали письма. Сперва часовые противились, одинъ даже ударилъ княгиню Трубецкую прикладомъ, но потомъ начальство приказало не противиться: ходить «къ оградѣ» вошло въ обычай: это стало гостиной, клубомъ; княгиня Трубецкая, которая при полнотѣ своей легко уставала, приносила даже съ собой складной табуретъ. Вотъ какъ прелестно запечатлѣлъ эту картину Одоевскій:

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей.

*

Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

*

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены,

*

И, вѣстники благіе Провидѣнья,
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

*

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта.

*

Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного, —
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Мы прослѣдили внѣшнія условія жизни. Они были тяжелы. Однако великая цѣлительница, привычка, оказывала и здѣсь долгое, но вѣрное свое дѣйствіе. Первые пять лѣтъ надѣялись, вторые пять лѣтъ надѣялись меньше, а потомъ и ждать перестали. Когда заходила рѣчь о родинѣ, княгиня Марія Николаевна съ покорностью и разумной ясностью говорила: «Моя родина тамъ, гдѣ мои дѣти».

Мы подходимъ къ тому періоду нашего разсказа, про который могли бы намъ разсказать люди предшествующаго поколѣнія. И вотъ, память моя летитъ къ тѣмъ бумагамъ, которыя были у меня отобраны. Въ ихъ числѣ были замѣчанія моей родной тетки Елены Сергѣевны Рахмановой на «Записки» Н. А. Бѣлоголоваго. Бѣлоголовый, извѣстный докторъ, родомъ сибирякъ, воспитывался въ домѣ декабриста Поджіо, когда они жили на поселеніи. Его книга, очень интересная, заключала въ себѣ кое-какія неточности; моя тетка написала къ нимъ «поправки», кое-что расширила собственными воспоминаніями. Эту тетрадку она мнѣ подарила: сколько

«благоуханнаго» пролилось бы здѣсь на мой разсказъ, если бы она была у меня подъ рукой . . . Чѣмъ дальше подвигаюсь въ моемъ повѣствованіи, тѣмъ больше мнѣ приходится черпать въ памяти, тѣмъ меньше въ письменномъ документѣ. Но вѣдь не можетъ человѣкъ въ памяти все сохранить; кромѣ того, готовя свои бумаги къ изданію, я естественно удѣлялъ больше вниманія тѣмъ изъ нихъ, которыя должны были составить первые томы; эти я перечиталъ по три, по четыре раза, а дальнѣйшее по разу и то многія письма только, что называется, пробѣжалъ: тогда не было причины торопиться. И вотъ, переступая порогъ новой главы нашего разсказа, вспоминаю замѣтки моей тетки. Портреты всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ здѣсь упоминалось, проходятъ подъ ея перомъ, но уже не въ молодости, а въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости. Очаровательно описаніе княгини Трубецкой: шаль и чепецъ, привѣтливое общительное лицо, ласковыя пухлыя руки, тонкій умъ, блестящій разговоръ . . . Она умерла въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отъ рака, въ страшныхъ мученіяхъ, и похоронена въ оградѣ Иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря. У меня было прелестное письмо отъ дочери ея, Зинаиды Сергѣевны Свербѣевой, съ описаніемъ ихъ жизни въ Сибири и выѣзда въ Россію. И это письмо пропало . . . Помню лишь, что старику Трубецкому не хотѣлось уѣзжать изъ Иркутска и дѣтямъ стоило большихъ трудовъ оторвать его отъ могилы жены; только ради воспитанія своего сына Ивана онъ сдался на увѣщанія. Князя Ивана Сергѣевича Трубецкого я помню въ дѣтствѣ: онъ умеръ отъ разрыва сердца, выѣзжая изъ дома Кочубеевъ у Краснаго Моста на Мойкѣ, того дома, гдѣ впослѣдствіи жилъ Куропаткинъ. Зинаида Сергѣевна Свербѣева жива и посейчасъ, ей за 80 лѣтъ; выселенная изъ своего имѣнія, она живетъ въ Орлѣ. Ея сынъ Сергѣй

Николаевичъ былъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ во время объявленія войны... Возвращаемся къ «замѣткамъ» Елены Сергѣевны.

Скорбный портретъ Іосифа Поджіо, этого страдальца, проведшаго восемь лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, въ то время какъ несчастной матери и сестрѣ на всѣ вопросы о мѣстѣ нахожденія его отвѣчали неизмѣннымъ «мѣсто ссылки неизвѣстно». Онъ пріѣхалъ, наконецъ, въ Усть-Куду, мѣсто своего поселенія, когда наши переѣзжали въ Урикъ, за мѣсяцъ до рожденія Елены Сергѣевны. Къ тому времени мать его умерла, жена, урожденная Бороздина, вышла замужъ за князя Гагарина. Чѣмъ-то разбитымъ, какимъ-то осеннимъ сумракомъ вѣетъ отъ строкъ Елены Сергѣевны, когда она описываетъ клочки этой страдальческой жизни. Тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ она провожала его гробъ, — это была первая смерть, которую она видѣла въ лицо... И все это возникаетъ подъ перомъ Елены Сергѣевны изъ случайной прогулки на кладбищѣ въ Крыму: солнце, море, глициніи, кресты, и на одной мраморной плитѣ: «Княгиня Гагарина, рожденная Бороздина». Вспоминаются какіе-то черкесы, которые убили ея второго мужа, вспоминается сынъ Александръ, который оставался въ Россіи, о которомъ отецъ неутѣшно тосковалъ... Не могу, при всемъ желаніи, передать прелести этихъ замѣтокъ Елены Сергѣевны. Я берегъ эту тетрадку, какъ цѣннѣйшій матеріалъ, которымъ думалъ воспользоваться для предисловія къ третьей части предполагавшагося изданія, для той части, которая должна была быть озаглавлена — «поселеніе». Да, безконечно жаль этихъ прелестныхъ записокъ. Еще разъ повторяю, чѣмъ дальше подвигаюсь въ моемъ разсказѣ, тѣмъ труднѣе мнѣ: долженъ припоминать по такимъ даннымъ, которыя одинъ только разъ перелисталъ. Читатель долженъ

вѣрить правдивости и искренности разсказчика, а справиться уже не по чему, спросить не у кого:

Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ.
Другія имъ во слѣдъ идутъ...

XI.

Волконскіе были переведены на поселеніе раньше истеченія срока каторги. Вотъ какъ это случилось. Въ 1835 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, умерла старуха княгиня Александра Николаевна. Послѣ ея смерти осталось письмо на имя Государя, въ которомъ она просила его вернуть сына изъ ссылки. Такую просьбу, конечно, Николай I не могъ исполнить, но, какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, «изъ уваженія къ памяти покойной княгини», онъ разрѣшилъ Волконскаго перевести на поселеніе. Такимъ образомъ двадцатилѣтній срокъ каторжныхъ работъ, который уже ранѣе былъ разными указами уменьшенъ до пятнадцати, для Волконскаго былъ фактически сведенъ къ девяти съ половиною годамъ (любопытно, что одинъ изъ указовъ, смягчавшихъ участь осужденныхъ, былъ помѣченъ 14 декабря). Но перемѣна наступила не такъ скоро. Безъ конца длились переговоры съ Петербургомъ по поводу мѣста поселенія. Николай I выразилъ желаніе, чтобы Волконскій былъ поселенъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ другихъ декабристовъ. Это извѣстіе повергло ихъ въ отчаяніе: во-первыхъ, тягостно было оторваться отъ своихъ; во-вторыхъ, и для себя, и для дѣтей необходи-

мымъ условіемъ жизни была близость медицинской помощи. Они поэтому просили поселить ихъ туда, гдѣ будетъ поселенъ и докторъ Вольфъ, ихъ другъ и сосѣдъ по камерѣ. Два съ половиной года длилось разрѣшеніе этого вопроса; товарищи по ссылкѣ, которымъ выходилъ срокъ позднѣе Волконскихъ, выѣзжали раньше ихъ. Петровскій заводъ пустѣлъ, а они все ждали... Наконецъ, послѣдовало приказаніе водворить ихъ въ селеніе Урикъ подъ Иркутскомъ.

Въ живописномъ мѣстѣ, на берегу красивой Ангары, среди скалистыхъ пригорковъ, окутанныхъ лѣсомъ, построили они себѣ лѣтнюю дачу. «Камчатникъ» звалась она. У меня было два акварельныхъ вида, изображавшихъ «Камчатникъ»: одинъ видъ — черезъ домъ на рѣку, другой — съ рѣки на домъ. Это было уютно, привѣтливо. Кругомъ были очаровательныя прогулки; до сихъ поръ можно видѣть тамъ, надъ высокимъ берегомъ — огромный камень, въ которомъ высѣчено сидѣніе, «скамейка княгини Волконской». Тогда началась та жизнь, о которой вспоминаютъ старожилы Восточной Сибири, та жизнь, которою декабристы стяжали себѣ благодарность населенія до третьяго поколѣнія включительно. Поселенія стали культурными гнѣздами, очагами духовнаго свѣта. Въ каждой семьѣ жило и воспитывалось по нѣскольку дѣтей мѣстныхъ жителей. Съ юныхъ лѣтъ они поступали подъ воспитательный надзоръ женъ, потомъ переходили въ обученіе къ мужьямъ. Въ благотворной атмосферѣ культурной семейной жизни соприкасались они съ наукой и искусствами, крѣпли и зрѣли умственно и душевно. Все это дѣлалось подъ постояннымъ страхомъ передъ косыми взглядами генералъ-губернатора Руперта.

Не на этихъ бѣглыхъ страницахъ, испещренныхъ разрозненными клочками воспоминаній, подводить итоги

просвѣтительной дѣятельности декабристовъ въ Сибири. — вопросъ ждетъ своего историка, и если онъ придетъ, то онъ придетъ изъ Сибири, не изъ Россіи: но, когда я сталъ получать тѣ письма отъ старожиловъ сибирскихъ, о которыхъ упомянулъ въ началѣ моего разсказа, вотъ тогда я понялъ, какъ глубоко они вспахали землю вокругъ себя и какою благодарной жатвой взошли посѣянныя ими сѣмена. Они часто съѣзжались, вели бесѣды, читали лекціи: очень любили спорить; выписывали книги, журналы, устраивали общими силами читальни. Все это жило бойкой жизнью, въ особенности лѣтомъ: впослѣдствіи семьямъ было разрѣшено жить въ Иркутскѣ, а мужьямъ наѣзжать разъ-два въ недѣлю; затѣмъ и мужья переѣхали въ городъ, но къ лѣту всѣ возвращались на свои дачи и закипала общая жизнь, въ которой и мѣстные принимали участіе. Переѣздъ обычно совершался въ Духовъ день. Волконскіе и Трубецкіе выѣзжали вмѣстѣ, однимъ обозомъ; населеніе выходило ихъ встрѣчать: «наши князья» привозили съ собой угощеніе, мѣстные жители встрѣчали ихъ съ березками, молокомъ, курами, яйцами и проч. Цѣлое народное движеніе жило этими словами — «князья выѣхали», «князья пріѣхали». Праздникъ весны вошелъ въ обычай и держался двадцать лѣтъ до самого того времени, когда князья уѣхали.

Я упомянулъ выше о книгахъ, — хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ. Въ началѣ насчетъ книгъ было очень трудно: всѣ получаемыя книги проходили черезъ цензуру коменданта, который ставилъ свою помѣтку. Въ моей библіотекѣ было не мало книгъ, на заглавномъ листѣ которыхъ была надпись: «Видалъ Лепарскій», — между прочимъ прелестный Шекспиръ въ десяти томахъ. Самое интересное — это книжное наслѣдіе декабриста

Лунина. Лунинъ, хотя самъ былъ католикъ, завѣщалъ свои книги митрополиту Иннокентію. Однажды, проѣзжая черезъ Москву, отецъ мой случайно узналъ, что продается гдѣ-то на толкучкѣ библіотека митрополита Иннокентія: онъ поспѣшилъ выбрать и скупить книги, принадлежавшія Лунину. Тутъ были книги, цѣнныя не только потому, что онѣ принадлежали этому удивительному человѣку, о которомъ скажемъ ниже, но цѣнныя сами по себѣ. Тамъ были, напримѣръ, сочиненія блаженнаго Августина, огромныя «инфоліо» въ пергаментовыхъ переплетахъ съ застежками, изданіе знаменитой старой фирмы Фробэна въ Базелѣ, изданіе подъ редакціей Эразма Роттердамскаго . . . Все это указываетъ на степень и характеръ умственныхъ интересовъ нашихъ изгнанниковъ. Въ свое время я составилъ списокъ всѣхъ книгъ, о которыхъ упоминаетъ Марія Николаевна въ своихъ письмахъ; на память, конечно, не могу вамъ его разсказать, но могу засвидѣтельствовать, что умственная жизнь не дремала. Былъ еще у меня интересный альбомъ, — сибирскія птицы, отъ руки рисованныя декабристомъ Петромъ Борисовымъ: удивительно тонкая работа: крылышки, перышки, лапки, коготки, все это дорисовано до послѣдняго предѣла точности. И, несмотря на эту точность, не сухо; большая поэзія въ этой послѣдовательности полевыхъ, болотныхъ, хищныхъ. Какъ сейчасъ, помню большую сову, которая держитъ въ когтяхъ маленькаго красногрудаго снигиря. Декабристъ Петръ Борисовъ умеръ въ 1853 году отъ разрыва сердца, и его немножко придурковатый братъ повѣсился при видѣ умершаго брата. Въ одномъ письмѣ Сергѣя Григорьевича къ сыну есть подробное описаніе этой трагедіи. Свой альбомъ, судя по собственноручной надписи, онъ поднесъ Маріи Николаевнѣ въ день Рождества (не помню какого года), который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ

и днемъ ея рожденія. Другой такой альбомъ съ рисунками Борисова, только не птицъ, а бабочекъ, былъ въ частной библіотекѣ Николая II...

Прежде чѣмъ разстаться съ книгами, упомяну еще о нѣсколькихъ французскихъ томикахъ въ красныхъ и зеленыхъ кожаныхъ переплетахъ, на которыхъ золотыми буквами по французски было вытиснено имя Екатерины Константиновой. То была незамужняя сестра Софьи Алексѣевны Раевской, родная тетка княгини Маріи Николаевны. Ни книги не были ничѣмъ особенно замѣчательны — какіе-то миѳологическіе разсказы, романы Руссо, ни обладательница ихъ не была ничѣмъ особенно замѣчательна, она была добрая и горбатая старушка; но она была — внучка Ломоносова, и за нее трижды сватался баснописецъ Крыловъ. Вотъ почему я любилъ эти книжечки, какъ одно изъ цѣннѣйшихъ украшеній моей библіотеки...*)

Картина лѣтней жизни нашихъ изгнанниковъ была бы не полна, если бы мы не упомянули объ охотѣ. Разрѣшеніе охотиться было для нихъ большою радостью. При полномъ ихъ гражданскомъ безправіи, ружье, собака, лѣсъ, дичь — были для нихъ болѣе нежели символами свободы, — они давали имъ минуты полнаго забвенія. Много рисунковъ было у меня, изображавшихъ прогулки, пикники, верхомъ или въ лодкахъ: мужчины одѣты въ сюртуки съ ружьями, патронташами. Также было нѣсколько рисунковъ, изображавшихъ сцены изъ пребыванія на туркинскихъ минеральныхъ водахъ, куда Сергѣю Григорьевичу было разрѣшено съѣздить полѣчиться отъ ревматизма. Помню — рыбная ловля въ горномъ потокѣ, бурятскія дѣти вокругъ костра.

*) Эти книжки были мнѣ подарены троюродной сестрой моей, княжной М. В. Яшвиль, внучкой Е. Н. Орловой.

Достаточно сопоставить эти картинки съ картинками предыдущаго періода, чтобы увидать, что это другая жизнь: лѣсъ не казематъ, сюртукъ не арестантскій халатъ, ружье не лопата и не ломъ и верховая лошадь не тачка.

При воспоминаніи объ охотѣ невольно напрашивается въ память образъ удивительнаго Лунина. Поселенный въ Урикѣ, онъ былъ очень близокъ съ Волконскими, глубокимъ почитателемъ княгини, другомъ Сергѣя Григорьевича и учителемъ ихъ сына, моего отца. Когда въ 1843 году онъ былъ вторично арестованъ и увезенъ въ дальній Акатуевскій рудникъ, онъ оставилъ моему отцу свое ружье и своихъ двухъ охотничьихъ собакъ.

У меня сохранилось много писемъ Лунина, на французскомъ языкѣ. Начиная съ почерка, крѣпкаго, четкаго, сильнаго, эти письма врѣзываются въ память, какъ что-то совершенно необыкновенное: сила духа, ясность мышленія и точность выраженія ставятъ его въ совсѣмъ исключительное положеніе, не только выдвигая его въ рядахъ современниковъ, но вынося его за предѣлы своего времени. У меня была цѣлая тетрадочка, исписанная его рукой; это была копія съ его знаменитыхъ писемъ сестрѣ, тѣхъ самыхъ писемъ, изъ-за которыхъ послѣдовало ему предписаніе на цѣлый годъ прекратить всякую переписку «за неумѣстныя разсужденія и самохвальство». Въ этихъ письмахъ, каждое изъ которыхъ представляетъ въ сжатой формѣ разсужденіе философскаго характера, онъ касается самыхъ существенныхъ вопросовъ народной и государственной жизни: образъ правленія, судопроизводство, свобода вѣрованія, народное образованіе и т. д. Трудно передать впечатлѣніе, но скажу, что изъ «глубины сибирскихъ рудъ» на разстояніи полустолѣтія онъ подаетъ руку Владиміру Соловьеву. Среди этихъ философскихъ разсужденій,

одно письмо, какъ небольшой разсказъ. Прогулка по лѣсу, вдвоемъ, «съ нею»; съ первыхъ словъ видно, что это Марія Николаевна. Вдругъ согбенная старушка что-то ищетъ на землѣ; оказывается, — траву, чтобы сдѣлать настойку для больного грудью сына. «Она» предлагаетъ старушкѣ слѣдовать за собой, она дастъ ей хорошаго цѣлебнаго питья. И здѣсь — сравненіе: какъ Агарь въ пустынѣ нашла ангела, который указалъ ей на источникъ воды для умиравшаго отъ жажды сына, такъ эта старушка нашла въ ней ангела для утишенія страданій своего сына. Вотъ и все. Но съ какимъ мастерствомъ это разсказано, и какое впечатлѣніе отъ этой картинки, вложенной между философскихъ разсужденій. Припоминаю слова Листа по поводу средней части сонаты Quasi una fantasia: „Une fleur entre deux abîmes“ (цвѣтокъ между двухъ безднъ).

Какъ всѣ люди высокаго духа, онъ обладалъ юморомъ, который никогда не покидалъ его. Когда ему прочитали приговоръ о ссылкѣ «на вѣчность», онъ фыркнулъ: «хороша вѣчность, — мнѣ уже за пятьдесятъ лѣтъ». Когда генералъ-губернаторъ въ Финляндіи, осматривая крѣпость, въ которой онъ сидѣлъ подъ сырыми, потными сводами, спросилъ, не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь, онъ отвѣтилъ, что ни въ чемъ не нуждается, кромѣ зонтика. Рѣдкій изъ товарищей пользовался такимъ уваженіемъ въ средѣ сосланныхъ. Въ 1826 году онъ состоялъ адьютантомъ при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ въ Варшавѣ. Великій Князь, который искренно его любилъ, узнавъ о причастности его къ заговору, вручилъ ему заграничный паспортъ, чтобы дать ему возможность спастись. Лунинъ возвратилъ паспортъ, сказавъ: «Я раздѣляю ихъ убѣжденія, раздѣлю и наказаніе».

Изъ мрака Акатуйскаго острога онъ писалъ въ Урикъ

нѣсколько разъ. Въ одномъ письмѣ къ Маріи Николаевнѣ онъ говоритъ: «Разъ вы такъ добры, спрашиваете, не нужно ли мнѣ чего изъ оставшихся у васъ моихъ вещей, то прошу васъ прислать мнѣ мои часы: очень мнѣ тяжело въ безсонныя ночи острожнаго заключенія не знать, который часъ». Два письма къ моему отцу по англійски, — онъ давалъ ему уроки англійскаго языка, — распоряженія насчетъ своихъ охотничьихъ вещей и запросъ о здоровьѣ его охотничьихъ собакъ: одна звалась Діаной, а какъ другая, не помню...

«Могила его, говоритъ Сергѣй Григорьевичъ въ «Запискахъ», должна быть близка сердцу каждаго русскаго». Эта могила съ очень красивой рѣшеткой, составленной изъ лучей, расходящихся отъ креста, была подновлена въ восьмидесятыхъ годахъ стараніями и на средства моего отца. У меня было два портрета Михаила Сергѣевича Лунина собственной работы; на задней сторонѣ одного изъ нихъ — внутренность острожнаго двора.

Понемногу центръ тяжести житейскихъ интересовъ нашей Урикской колоніи сталъ перемѣщаться въ сторону города. Понемногу и съ большимъ трудомъ жены получили право жить въ Иркутскѣ, мужьямъ разрѣшено ихъ навѣщать два раза въ недѣлю, а потомъ и вовсе переѣхать въ городъ. Княгиня Волконская получила такое разрѣшеніе только въ 1845 г.

На первыхъ порахъ было трудно. Разрѣшеніе на въѣздъ въ городъ, полученное изъ Петербурга, не нравилось мѣстному начальству; оно съ трудомъ приспособлялось къ этому вкрапливанію государственныхъ преступниковъ въ среду иркутскихъ обывателей. Случались ложныя положенія. Однажды Марія Николаевна, желая доставить развлеченіе своей дочкѣ, повела ее въ театръ

(если можно назвать театромъ тотъ сарай, въ которомъ давались въ то время представленія). Черезъ нѣсколько дней появилось распоряженіе о запрещеніи женамъ государственныхъ преступниковъ посѣщать общественныя мѣста увеселенія. Другое распоряженіе было вызвано появленіемъ Маріи Николаевны на музыкальномъ вечерѣ въ Институтѣ. Повтореніе подобныхъ распоряженій со стороны губернатора Пятницкаго стало принимать настолько обидныя и оскорбительныя формы, что Марія Николаевна однажды написала о томъ своей сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Орловой: та показала письмо брату своего мужа, въ то время управляющему III Отдѣленіемъ. Генералъ - губернаторъ Рупертъ получилъ строгое предписаніе дѣлать разницу между государственными преступниками и ихъ женами, которыя, добровольно послѣдовавъ за мужьями, не подлежатъ строгостямъ закона. За время изгнанія это было первое письмо въ такомъ духѣ. Но долго еще давала себя знать старая закваска. Еще въ 1854 году, значитъ, за два года до амнистіи, княгиня пишетъ сыну, въ то время находившемуся въ служебной командировкѣ на Амурѣ, что приходилъ въ домъ сборщикъ городскихъ повинностей (въ то время это называлось «за трубу»), и въ книгѣ значилось: «За трубу въ домѣ преступницы Волконской». Разсказывая объ этомъ въ письмѣ къ сыну, Марія Николаевна прибавляетъ: «Я никогда не видѣла твоего отца въ такомъ гнѣвѣ». Кажется, ни въ одной странѣ не существуетъ такой разницы между душевнымъ складомъ обывателя и душевнымъ складомъ представителя исполнительной власти; въ особенности низы у насъ съ трудомъ осваивались со всякимъ «новымъ курсомъ».

А новый курсъ начался; онъ начался съ пріѣздомъ въ Иркутскъ въ 1847 году генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева. Этотъ рѣдкихъ качествъ чело-

вѣкъ, столь много сдѣлавшій для сибирскаго края, съ первыхъ же дней своего вступленія въ должность проявилъ себя заступникомъ, покровителемъ, другомъ декабристовъ: онъ сразу выдвинулъ ихъ, и если не въ гражданскомъ, то въ общественномъ смыслѣ поставилъ ихъ въ то положеніе, которое имъ принадлежало въ силу высокихъ качествъ образованія и воспитанія. Онъ не только принималъ декабристовъ у себя, — онъ ѣздилъ къ нимъ. Съ домомъ Волконскихъ у него и его жены (она была родомъ француженка) установились отношенія самой тѣсной дружбы. Онъ былъ воспріемникъ старшаго внука Сергѣя Григорьевича, Сергѣя Дмитріевича Молчанова: когда въ перепискѣ членовъ семьи декабриста попадается наименованіе «крестный», это значитъ генералъ-губернаторъ Муравьевъ. Онъ не измѣнялъ своего отношенія и въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ, и когда зашла рѣчь о принятіи на государственную службу сына Сергѣя Григорьевича, моего отца, онъ не побоялся, испрашивая на то Высочайшаго разрѣшенія, заявить, что просьба заслуживаетъ вниманія, такъ какъ молодой Волконскій, окончившій Иркутскую гимназію съ золотой медалью, почерпнулъ нравственныя свои качества въ родительскомъ домѣ.

Послѣ этого понятно, что жизнь въ тотъ періодъ, къ которому подходимъ, уже не можетъ представлять ни чертъ драматизма, ни живописности, которыми отличается предыдущій періодъ. Декабристъ становился однимъ изъ обывателей, и если въ глазахъ прочихъ обывателей что-нибудь его отличаетъ, то уже не ореолъ мученика, а лишь извѣстныя гражданскія и общественныя ограниченія. Таковъ ужъ обыватель: онъ готовъ ставить на пьедесталъ человѣка, стоящаго внѣ общества, но онъ свыкается съ нимъ, какъ только они встрѣчаются на одномъ уровнѣ. Если не ошибаюсь, Флоберъ гдѣ-то

сказалъ: «Не прикасайтесь къ кумирамъ, — позолота остается на рукахъ». Чувствуется извѣстное опрощенiе, перемѣна репертуара, если можно такъ выразиться: изъ героической трагедiи мы переходимъ къ картинамъ обывательской драмы. Жизнь большого губернскаго города съ его постояннымъ напряженiемъ чиновно-общественныхъ мелочей способна засосать всякаго. Прибавить къ этому, что декабристы, въ теченiе пятнадцати лѣтъ оторванные отъ всякой общественной и гражданской жизни, вдругъ очутились въ этомъ губернскомъ водоворотѣ, — понятно станетъ, что они кинулись въ него съ извѣстнымъ упоенiемъ. Привыкшiе говорить, отъ природы спорщики, они не могли проходить мимо жизни. Но здѣсь же попадали въ ту томительную двойственность, которую создавало имъ ихъ положенiе: они говорили, спорили, одобряли, осуждали, но они не могли ни участвовать, ни влiять, — они были бездѣйственны. Это вызывало иногда раздраженiе, иногда упадокъ силъ. Въ письмахъ Марiи Николаевны встрѣчаются признаки утомленiя отъ этого постояннаго кипѣнiя, наполнявшаго жизнь безпричинными и безцѣльнымъ безпокойствомъ.

Переписка того времени представляетъ очень цѣнный бытовой матерiалъ. Въ ней мало выдающихся моментовъ, но накопленiе въ теченiе почти двадцати лѣтъ изо дня въ день повторяющихся мелочей создаетъ картину тогдашней жизни очень занимательную, благодаря своей полнотѣ и непрерывности. Можно прослѣдить всѣ интересы, волненiя, заботы, развлеченiя того, что Сергѣй Григорьевичъ въ письмахъ сыну называлъ «иркутская публика». Не всегда это легко: письма пестрятъ именами, и не только именами, но и уменьшительными и даже прозвищами. Разгадать, о комъ идетъ рѣчь, иногда было совсѣмъ невозможно. Тогда я сталъ по мѣрѣ чтенiя выписывать всѣ имена и прозвища и посылалъ ихъ моей

двоюродной сестрѣ, которая жила въ деревнѣ, въ Малороссіи, при старой своей больной матери, той самой Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой, о которой упоминалъ выше по поводу замѣчаній на «записки» Бѣлоголоваго. Пятнадцать лѣтъ въ параличѣ, но со свѣжей головой, съ изумительной памятью, тетка моя по поводу каждаго имени разсказывала какую-нибудь исторію; тутъ были біографическія данныя, анекдоты, собственныя воспоминанія, отзывы другихъ, — однимъ словомъ, накопился такой цѣнный матеріалъ, который былъ чуть не цѣннѣе самихъ писемъ. Все это я разработалъ, проредактировалъ и расположилъ по алфавиту. Къ сожалѣнію, толстая тетрадь съ огромнымъ количествомъ собственныхъ именъ показалась тѣмъ, кто отобралъ у меня всѣ мои бумаги, особенно цѣнной. «Вѣдь вотъ сколько именъ, а еще ни у кого изъ нихъ не было обыска», сказали они. Цѣнность эта была нѣсколько иного рода, нежели та, какую тетрадь имѣла въ моихъ глазахъ, и она, конечно, поблекла, когда новые обладатели ея увидѣли, что дѣло идетъ о прошломъ столѣтіи и что алфавитный списокъ даетъ перечень не современныхъ людей, а покойниковъ... Какъ бы то ни было, ключъ къ разгадкѣ того, чѣмъ кишѣла жизнь «иркутской публики» отъ 1839 до 1856 года, утерянъ навсегда...

XII.

Дѣти Волконскихъ воспитывались дома. Подъ руководствомъ родителей и при содѣйствіи товарищей отца они получили съ юныхъ лѣтъ рѣдкую подготовку къ дальнѣйшему развитію. Они учились англійскому языку у Лунина, математикѣ — у Муханова, Александръ

Поджіо давалъ уроки исторіи, отецъ преподавалъ литературу; французскій языкъ былъ домашнимъ языкомъ, на которомъ дѣти говорили и переписывались съ матерью.

Въ 1846 году родители рѣшили ходатайствовать о помѣщеніи сына въ Иркутскую гимназію. Ходатайство, поддержанное на этотъ разъ генералъ-губернаторомъ Рупертомъ, было уважено. Сынъ Волконскихъ окончилъ курсъ, какъ мы уже упоминали, съ золотой медалью: у меня сохранялись книги, которыя онъ получалъ при переходѣ изъ класса въ классъ. Окончивъ гимназію, Михаилъ Сергѣевичъ поступилъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ Муравьевѣ. Въ качествѣ таковаго онъ былъ неоднократно посылаемъ въ разныхъ цѣляхъ то на Амуръ, то на Китайскую границу, то въ Камчатку, къ Охотскому морю. Первыя русскія поселенія на Амурѣ были водворены имъ.

Отъ этихъ экспедицій у меня оставалось, кромѣ вещей, вывезенныхъ моимъ отцомъ изъ Китая, много рисунковъ, и картинъ. Самые интересные — четыре вида, рисованные пастелью, работы нѣкоего Майера, изображаютъ: два поселка, одну высадку на берегъ и путешествіе на собакахъ, по снѣгу мчащійся обозъ. Еще былъ занятный рисунокъ: лодка, въ ней молодой человѣкъ, мой отецъ, въ сюртукѣ и фуражкѣ съ околышкомъ, на кормѣ и на носу два бурята въ китайскихъ шляпахъ гребутъ; въ ногахъ у моего отца сидитъ лягавая собака *). Кстати анекдотъ о собакѣ. Однажды отецъ на почтовой станціи мѣнялъ лошадей. Содержатель станціи хлопоталъ вокругъ телѣжки, раскладывалъ полость, утаптывалъ сѣно. Когда все было готово и отецъ усѣлся, смотритель нагибается надъ собакой и спрашиваетъ,

*) Со всего этого были мною сняты фотографическіе снимки для предполагавшагося изданія, но и фотографіи были у меня отобраны...

обращаясь къ отцу: «Ваше благородіе, а ихъ благородіе прикажете подсадить?»

Помню еще разсказъ. Во время одной изъ экспедицій попалъ отецъ какъ разъ подъ Свѣтлый праздникъ въ глухое селеніе, — нѣсколько лачужекъ. Размѣстились по избамъ, а вечеромъ собрались въ ту, которая была попросторнѣе, встрѣчать Пасху. Только разговѣться нечѣмъ: кромѣ копченой рыбы, ничего.

— Неужели молока нѣтъ?

— Ну, развѣ коровы, водятся!

— А птицы?

— Ну, какія птицы. На весь поселокъ одна курица и та никогда не несется.

Собрались. Отца попросили Евангеліе прочесть. Прочиталъ: Въ началѣ бѣ слово. Пропѣли «Христосъ Воскресе». Вдругъ подъ окномъ дѣвочка кричитъ. «Снесла! Снесла!»

Стукъ въ окно, и черезъ форточку просовывается яйцо. Тутъ же его сварили, разрѣзали на девять частей, — разговѣлись.

Припоминается мнѣ еще любопытный случай, показывающій, насколько русскій человѣкъ способенъ къ колонизаціи. Во время своей поѣздки по Амуру Муравьевъ высадился посмотрѣть на одну бурятскую деревушку и пришелъ въ негодованіе, увидавъ что населеніе, черезъ годъ послѣ присоединенія къ Россіи, по русски не говоритъ. Онъ вспылилъ: «Поставить сотню казаковъ!» Черезъ годъ отецъ, проѣзжая мимо, заѣхалъ, чтобы провѣрить успѣхи населенія. Результатъ былъ неожиданный, — всѣ казаки говорили по бурятски.

Отецъ хорошо зналъ Сибирь, природу и людей, разнообразныя племена, ее заселяющія, и странныя житейскія и трудныя политическія отношенія, которыя порожда-

ются встрѣчею обычаевъ и интересовъ. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, онъ издалъ біографію графа Муравьева-Амурскаго, составленную подъ его наблюденіемъ Барсуковымъ. Въ этомъ трудѣ онъ воздалъ дань личной и еще больше отечественной благодарности этому государственному мужу, утолившему ту жажду моря, которою континентальная Россія томилась въ теченіе долгихъ столѣтій, и открытіемъ доступа къ Тихому океану, завершившему на востокѣ то, что Петръ Великій началъ на западѣ.

Въ близкомъ соприкосновеніи съ жизненными запросами края, въ который судьба закинула его отца, проходила дѣятельность молодого Волконскаго вплоть до того дня, когда новыя непредвидѣнныя событія отозвали его...

Дочь Волконскихъ звалась Еленой; Марія Николаевна звала ее англійскимъ уменьшительнымъ Нелли; въ широкихъ кругахъ знакомства, не знавшаго по англійски, имя было перепначено въ русское «Неля», и съ этимъ именемъ перешла Елена Сергѣевна въ память, или вѣрнѣе, въ сердца всѣхъ, знавшихъ ее на протяженіи пяти поколѣній. Рѣдкой красоты, живая, блестящая, обворожительная въ обхожденіи, она была всеобщая любимица; мужчины, женщины, старушки, дѣти, — всѣ ее боготворили, и до глубокой старости, въ параличѣ, безъ ногъ, въ колясочкѣ, безъ руки, безъ глазу, она до восемьдесятъ четвертаго своего года оставалась кумиромъ всѣхъ окружавшихъ ее. Я еще не встрѣчалъ человѣка, знавшаго ее, который не произносилъ бы ея имени иначе, какъ съ глазами къ небу и съ поднятыми плечами, — такъ, какъ говорятъ о чемъ-то, подобнаго чему не было и не будетъ. Можно себѣ представить, что это было въ юности.

Она вышла замужъ, когда ей едва минуло шестнадцать лѣтъ. Чиновникъ по особымъ порученіямъ при Муравьевѣ, Дмитрій Васильевичъ Молчановъ, былъ ея счастливымъ избранникомъ. Послѣ свадьбы они отправились въ Петербургъ (19-го сентября 1850 года). Если когда-нибудь разставаніе съ дочерью могло смягчаться радостью, то, конечно, въ этомъ случаѣ: человѣкъ умный, образованный, безупречной честности, довольно сказать — любимый изъ приближенныхъ Муравьева. Письма Елены Сергѣевны дышатъ счастьемъ, письма Молчанова дышатъ рыцарствомъ, письма Маріи Николаевны полны того покоя, который даетъ увѣренность въ неизмѣнности того, что хорошо. Сергѣй Григорьевичъ былъ счастливъ, видя, что хотя передъ однимъ членомъ его семьи раскрывались двери родины, тѣ двери, которыя для него были закрыты навсегда. Собственное его положеніе не такъ его тяготило, сколько мучило сознаніе, что дѣти должны нести кару по винѣ отца . . .

Въ томъ же году пріѣзжала навѣстить сестру Софья Николаевна Раевская и провела съ Волконскими нѣсколько недѣль. Это было первое родственное лицо за двадцать четыре года. О ея пребываніи въ нашемъ архивѣ свѣдній почти нѣтъ, но въ семействѣ Орловыхъ, внуковъ Екатерины Николаевны, сохранилось много писемъ Софіи Николаевны изъ Сибири. Къ сожалѣнію я еще не имѣлъ возможности съ ними познакомиться. Пребываніе ея было не столь долго, какъ бы она того желала: сестеръ безпокоило здоровье ихъ сестры Елены; она была въ Италіи, и къ ней поѣхала Софья Николаевна изъ Иркутска. Но она уже не застала сестру въ живыхъ. Елена Николаевна умерла въ 1852 году въ Фраскати подъ Римомъ: тамъ, въ католической церкви она похоронена; надъ мѣстомъ погребенія ея вдѣланъ въ стѣну образъ, вывезенный изъ Россіи . . .

По дорогѣ въ Петербургъ Молчановы остановились въ Томскѣ, гдѣ по просьбѣ Сергѣя Григорьевича навѣстили декабриста Гавріила Степановича Батенкова. Совсѣмъ особенная судьба этого замѣчательнаго человѣка. Заключенный въ Петропавловскую крѣпость, онъ былъ забытъ и только потому, что начальникъ III отдѣленія, графъ Орловъ, знавшій его лично, освѣдомился о немъ въ 1846 году, о немъ вспомнили. Думаютъ, что въ крѣпости его держали въ связи съ распространившимся слухомъ о его умопомѣшательствѣ. Между тѣмъ умопомѣшательство, если и было, то кратковременное, а вслѣдствіе тягостнаго одиночнаго заключенія онъ потерялъ способность рѣчи: это и подало поводъ къ недоразумѣнію. Какъ бы то ни было, 20 лѣтъ онъ просидѣлъ въ крѣпости: для того, чтобы не сойти съ ума, онъ заставлялъ себя переводить библію каждый день на другой языкъ. Во рву крѣпости, гдѣ ему разрѣшено было работать, онъ посадилъ яблоню, — съ этой яблони онъ ѣлъ яблоки . . . Наконецъ, послѣдовало распоряженіе о переводѣ его въ Томскъ. Съ перваго же свиданія съ Еленой Сергѣевной Батенковъ проникся къ ней чувствомъ нѣжной отеческой привязанности. Трогательны письма старика; не знаешь, что трогательнѣе, — нѣжность или уваженіе. Онъ былъ возвращенъ изъ ссылки, какъ и прочіе оставшіеся въ живыхъ декабристы, и дожилъ свой вѣкъ въ Калугѣ. Здѣсь Елена Сергѣевна его посѣтила незадолго до смерти. До конца дней своихъ хранилъ онъ память о ней. Можетъ быть, въ какомъ-нибудь иллюстрированномъ изданіи вамъ попался портретъ Батенкова: онъ сидитъ у стола и на столѣ повернутый къ нему женскій портретъ — Елена Сергѣевна.

Въ Петербургѣ молодую чету встрѣтили съ распростертыми объятіями:

Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду радостная встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.

Елена Сергѣевна была первая, пріѣхавшая изъ Сибири, — она была тотъ голубь, который былъ выпущенъ изъ ковчега... Среди всѣхъ родственниковъ она особенно сблизилась со своей теткой, сестрою ея отца, княгиней Софьей Григорьевной Волконской. Ихъ сблизила общая пылкость воображенія, извѣстная восторженность и нѣкоторое пренебреженіе къ внѣшнимъ формамъ жизни, къ свѣтскимъ обычаямъ. Въ Софьѣ Григорьевнѣ это пренебреженіе требованіями свѣтскаго общежитія съ годами достигло совсѣмъ невѣроятныхъ проявленій въ связи съ возраставшей скупостью и развившейся къ старости клептоманіей. О ней поговоримъ ниже, а сейчасъ хочу разсказать два случая изъ петербургскаго пребыванія Елены Сергѣевны, рисующихъ отношеніе Николая I къ декабристамъ.

Мужъ Софьи Григорьевны, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, бывшій при Александрѣ I начальникомъ штаба, съ воцареніемъ Николая I получилъ назначеніе на постъ министра двора, на каковомъ оставался по день своей смерти въ 1852 году. Онъ очень полюбилъ красивую и обворожительную племянницу своей жены. баловалъ ее и, между прочимъ, часто приглашалъ ее съ собой въ итальянскую оперу, въ свою большую министерскую ложу, напротивъ царской.

Однажды Николай I въ антрактѣ спросилъ Петра Михайловича:

— Кто это у тебя въ ложѣ сидитъ, красавица?

— Это моя племянница.

— Какая племянница? У тебя нѣтъ племянницы.

— Волконская.

— Какая Волконская?

— Дочь Сергѣя.

— Ахъ, это того, который умеръ.

— Онъ, Ваше Величество, не умеръ . . .

— Когда я говорю, что онъ умеръ, значитъ умеръ.

Впослѣдствіи, когда Петръ Михайловичъ лежалъ на смертномъ одрѣ, Елена Сергѣевна ходила за нимъ. Государь почти ежедневно навѣщалъ больного, и Елена Сергѣевна, не желая попадаться на глаза, уходила въ другую комнату, когда докладывали о его приходѣ; больной, повидимому, не замѣчалъ этого. Но однажды она отмахивала мухъ, когда доложили о приходѣ Государя; она сложила опахало, собираясь уйти, — старикъ сказалъ ей: «Останьтесь». Государь просидѣлъ у постели больного двадцать минутъ, былъ къ нему отмѣнно ласковъ и внимателенъ, но ее какъ будто не замѣтилъ и не сказалъ ей ни слова. Она продолжала отмахивать мухъ . . .

Разсказы племянницы пробудили въ сердцѣ Софьи Григорьевны болѣе двадцати лѣтъ дремавшія въ немъ родственныя чувства къ брату-изгнаннику. Она рѣшила навѣстить его. Годъ цѣлый собиралась она: то не могла выѣхать, то не знала, какимъ путемъ поѣдетъ. Есть письмо, въ которомъ она объявляетъ, что поѣдетъ черезъ Оренбургъ. «Подумайте, прибавляетъ она, какія для меня воспоминанія!» Наконецъ, она собралась весною 1854 года и поѣхала обычнымъ сибирскимъ «трактомъ», — черезъ Москву и Нижній. Для того, чтобы предпринять эту поѣздку ей, понятно, пришлось просить разрѣшенія: и ея положеніе, и положеніе того, къ кому она ѣхала, было слишкомъ исключительно. Николаю I это, конечно, не нравилось, но онъ разрѣшилъ. Отъ нея была отобрана подписка, что она не будетъ ни съ кѣмъ входить въ неподобающую переписку, при возвращеніи

не приметъ ни отъ кого писемъ, вообще будетъ вести себя съ соотвѣтствующей осторожностью. Можно себѣ представить впечатлѣніе, какое произвело въ Сибири это путешествіе фельдмаршальши, вдовы министра двора, ѣдущей навѣстить ссыльнаго брата. Сергѣй Григорьевичъ выѣхалъ на встрѣчу сестрѣ, за семь верстъ отъ Иркутска въ Инокентьевскій монастырь. Былъ іюнь мѣсяцъ, не помню какое число, но любопытно, что было то самое число того же самаго мѣсяца, въ какое они двадцать восемь лѣтъ тому назадъ разстались на станціи подъ Петербургомъ, когда онъ по этапу уходилъ въ Сибирь. Многое съ тѣхъ поръ перемѣнилось, но больше всего перемѣнилась сама Софья Григорьевна.

Былъ у моей тетки Елены Сергѣевны портретъ Софьи Григорьевны въ юности, миніатюра работы знаменитаго Изабэ. Этотъ портретъ она даже завѣщала мнѣ, но и онъ не дошелъ до меня, а если бы дошелъ, то вѣроятно бы и ушелъ отъ меня. Миніатюра эта писана въ 1815 году въ Вѣнѣ, во время Вѣнскаго конгресса. Красивая, энергичная голова, бѣлое атласное высоко подпоясанное платье, черные жгучіе глаза смотрятъ въ бокъ, въ черныхъ волосахъ надъ правымъ вискомъ пучекъ изъ маковъ и колосьевъ; и все это подъ облакомъ кисейнаго покрывала, вздутаго вѣтромъ, который, откуда ни возьмись, всегда дуетъ въ портретахъ Изабэ. Она была похожа на своего отца: по крайней мѣрѣ Григорій Семеновичъ въ одномъ письмѣ писалъ ей: «Всѣ сознаютъ, что ваше прекрасное лицо подобно моему изношенному». Извѣстенъ другой ея портретъ въ молодости, работы Боровиковскаго. Въ открытомъ бѣломъ платьи она сидитъ и держитъ на колѣняхъ медальонъ съ изображеніемъ своего дѣда Репнина; прекрасно выписана оголенная рука. Рукой своей Софья Григорьевна любила хвалиться. Въ старости она говаривала: «Я никогда не

была особенно красива, но я недурно играла на арфѣ, рука отъ плеча до конца пальцевъ была у меня какъ точеная, а въ глазахъ было то неуловимое, что нравится мужчинамъ». („Je n'étais pas précisément jolie, mais je pinçais fort joliment de la harpe, j'avais un bras moulé au tour et dans les yeux ce je ne sais quoi qui plait aux hommes.")

Отъ всего этого уже ничего не оставалось; можетъ быть, арфа еще гдѣ-нибудь была, но исторія объ этомъ умалчиваетъ. Софьѣ Григорьевнѣ въ это время было шестьдесятъ восемь лѣтъ. Она была высокая, крѣпкая старуха; она была, кромѣ того, страшная старуха. Я видѣлъ ее въ Женевѣ, въ Hôtel du Rône, за годъ до ея смерти, въ 1867 году, значитъ какихъ-нибудь тринадцать лѣтъ послѣ сибирскаго ея путешествія, она была страшная, — съ большими черными усами; когда она снимала чепецъ, обнажалась лысая голова, покрытая шишками.

Весь этотъ внѣшній обликъ поражалъ еще больше, когда начинали проявляться ея привычки и черты характера. Днемъ она ходила въ длинныхъ черныхъ балахонахъ, очень широкихъ, свободныхъ, но спала въ корсетѣ: и для шнуровки этого корсета состоялъ при ней казакъ Дементій. Ходила она грузнымъ шагомъ, и такъ какъ она всегда носила съ собою мѣшокъ, въ которомъ были какіе-то ключи, какіе-то инструменты, то ея приближеніе издали возвѣщалось металлическимъ лязгомъ. Скупость ея къ концу жизни достигла чудовищныхъ размѣровъ и дошла до болѣзненныхъ проявленій клептоманіи: куски сахару, спички, апельсины, карандаши поглощались ея мѣшкомъ, когда она бывала въ гостяхъ, съ ловкостью, достойной фокусника.

Но странно при этомъ, что столь скупая въ мелочахъ, она бывала способна на неожиданныя щедроты: она бранила горничную за то, что та извела спичку, чтобы зажечь свѣчу, когда могла зажечь ее о другую свѣчу,

а вмѣстѣ съ тѣмъ, не задумываясь, дѣлала бѣдной родственницѣ подарокъ въ двадцать тысячъ. Привычки ея съ каждымъ годомъ «упрощались». Страстная путешественница, она изъѣздила Европу на имперіалѣ омнибуса. Однажды ее тамъ на омнибусѣ арестовали, потому что замѣтили, что въ чулкахъ у нея просвѣчивали брилліанты; она подняла гвалтъ, грозилась, что будетъ писать папѣ римскому, королевѣ Нидерландской и еще не знаю кому, — ее отпустили. Она дѣйствительно состояла въ перепискѣ со всей коронованной и литературной Европой... Между прочимъ у насъ былъ чайный сервизъ, который ей подарилъ англійскій король Георгъ; указывая на этотъ сервизъ, она всегда говорила: «И это не былъ подарокъ короля, это былъ подарокъ мужчины женщинѣ» („Et ce n'étais pas un cadeau dé roi, c'était un cadeau d'homme à femme").

Впослѣдствіи, когда появились желѣзныя дороги, она ѣздила въ третьемъ классѣ и увѣряла, что это «ради изученія нравовъ». Изъ гостиницъ, въ которыхъ она останавливалась, она увозила огарки. Прелестный случай передавала мнѣ внучка старшаго брата Софьи Григорьевны, Ольга Павловна Орлова. Однажды, уѣзжая изъ Италіи въ Россію, Софья Григорьевна поручила своему брату Николаю сундукъ съ нѣкоторыми ея вещами, которыя она съ собою не брала и просила его сохранить до ея возвращенія. Сундукъ этотъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ переѣзжавшій съ мѣста на мѣсто (тогда путешествовали на лошадяхъ), пришелъ въ такую ветхость, что, наконецъ, надо было его вскрыть: въ немъ оказались дрова. Ея практическая изворотливость не имѣла границъ; въ своемъ домѣ на Мойкѣ она сдавала квартиру своему сыну; сынъ уѣхалъ въ отлучку, — она воспользовалась этимъ и сама вселилась въ его комнаты. Такимъ образомъ, она ухитрилась въ собственномъ домѣ

прожить цѣлую зиму въ квартирѣ, за которую не только не платила, но за которую получала. Не меньшую изворотливость принимали проявленія въ области сердечныхъ чувствъ. У нее былъ лакей Аѳанасій. Когда она пріѣхала погостить въ семьѣ своего покойнаго старшаго брата, она перекрестила его въ Николая. Почему? «Потому, отвѣчала она, что это имя моего любимаго брата».

При ней состояла долгіе годы компаньонкою нѣкая Аделаида Пэть, родомъ итальянка. Маленькая, горбатая, некрасивая, съ двумя зубами, торчавшими наружу, но удивительно живая, остроумная, веселая. Человѣкъ съ горячей искренней душой, она оставалась въ памяти трехъ поколѣній семьи, какъ воплощеніе честности и преданности, а также, какъ рѣдко краснорѣчивый примѣръ красоты духа, торжествующей надъ несовершенствомъ матеріи. Я зналъ ее. Она дожила до глубокой старости. Въ 1881 году я навѣстилъ ее въ Италіи. Въ Тосканѣ, между Пизой и Ливурномъ, на горѣ, стоялъ ея домикъ. Два кипариса обрамляли нескончаемую сѣть въ голубую даль уходящихъ виноградниковъ . . . Маленькое горбатое существо еще сгорбилось и стало еще меньше, но не потухъ горящій уголь черныхъ глазъ. И вечеръ былъ тихъ, и летали свѣтляки, и вкусны были фиги и легкое тосканское вино . . . У нея оставалось нѣсколько вещицъ отъ Софьи Григорьевны; она ихъ подарила моему отцу; между прочимъ — прелестную деревянную статуэтку Пушкина работы Теребенева . . .

Таковы были эти двѣ женщины, столь мало другъ на друга похожія и столь тѣсно другъ съ другомъ сжившіяся, которыя пріѣхали въ гости къ нашимъ иркутскимъ изгнанникамъ. Нечего говорить, сколько оживленія и новизны онѣ внесли не только въ домашнюю, но и въ городскую жизнь. Болѣе того, — Софья Григорьевна не удовольствовалась Иркутскомъ. «Милая, проворная,

летучая моя путешественница», какъ звалъ ее отецъ Григорій Семеновичъ, ѣздила на Китайскую границу, въ Кяхту: китайцы, засматриваясь на ея усы и бороду, огорчали ее знаками непочтительнаго веселья. Она посѣщала буддійскіе монастыри, задавшись цѣлью во что бы то ни стало увидать великаго ламу. Какъ разъ въ это время лама былъ боленъ, но Софья Григорьевна ни передъ чѣмъ не останавливалась: «Живого или мертваго, а я его увижу». И дѣйствительно, увидала его и поднесла ему собственнаго издѣлія бисерный кошелекъ. Елена Сергѣевна сопровождала тетку. Въ одномъ изъ буддійскихъ монастырей ихъ повели полюбоваться цѣлебнымъ источникомъ: онъ вытекалъ изъ мѣсива вязкой красной глины. Зачерпывая воду, Елена Сергѣевна испачкала руку и, пока она стояла, въ недоумѣніи оглядываясь, обо что бы обтереть, красивый молодой жрецъ подскочилъ и, подобравъ полу своего шелковаго халата, вышитаго золотыми драконами, голубою подкладкой обтеръ вязкую красную глину. Герцогъ Лестеръ, когда бросилъ въ лужу свой плащъ подъ ноги королевѣ Елизаветѣ, чтобы, входя въ карету, она не запачкала башмаковъ, выказалъ не болѣе рыцарства; чѣмъ этотъ безвѣстный житель монгольской пустыни.

Путешествія Софьи Григорьевны въ китайскіе предѣлы имѣли побужденіемъ не одну любознательность; въ ней дѣйствовало также намѣреніе, весьма типично рисующее ея характеръ, — «провести» государя. Дѣло въ томъ, что въ теченіе долгаго времени она не могла ѣздить заграницу. Николай I вообще относился къ ней не очень благосклонно; ея письма пестрятъ сѣтованіями на того, кого она называетъ „le maître“ (хозяинъ). Не нравились ея эксцентричности, пренебреженіе обычаями, частыя отлучки заграницу. Но когда узнали, что по улицамъ Лондона она гуляла подруку съ Герценомъ,

было дано распоряженіе о невыдачѣ ей иностраннаго паспорта. Она объявила, что все-таки поѣдетъ заграницу и, какъ мы видѣли, дѣйствительно, побывала «за границей», — за китайской.

Пріѣзды, вѣрнѣе, наѣзды фельдмаршальши, свѣтлѣйшей княгини Волконской не всегда бывали удобны для мѣстныхъ жителей. Она останавливалась, конечно, не въ гостиницахъ, да такихъ тамъ и не было а у кого-нибудь изъ мѣстныхъ чиновниковъ или у купцовъ. Чтобы принять такую гостью, закалывали лучшаго тельца; не всякому это было по карману, въ особенности, если гостья заживалась. Постоянныя были пререканія съ ямщиками изъ-за часвъ и съ содержателями станцій изъ-за прогоновъ. Въ первый же день пріѣзда ея Марья Николаевна изъ своей комнаты услышала въ гостиной рѣзкую перебранку; отворивъ дверь, она увидѣла, что ея золовка сводила счеты съ содержателемъ иркутской станціи Анкудиновымъ; на всѣ его требованія и доводы она отвѣчала все одно: «Нѣтъ, нѣтъ, я была съ вами достаточно женерезна»! (отъ французскаго слова généreux).

Отецъ мой, въ то время какъ пріѣхала Софья Григорьевна, не былъ въ Иркутскѣ; онъ возвращался домой съ одной изъ своихъ экспедицій и везъ съ собой, конечно, много подарковъ, гостинцевъ съ китайской границы. По дорогѣ онъ услышалъ, что къ нимъ пріѣхала тетка. «Ну, думаетъ, не много останется изъ привезенныхъ вещей». Содержимое пятнадцати ящиковъ было установлено въ одной комнатѣ вдоль стѣнъ. Въ теченіе недѣли Софья Григорьевна каждый день обходила, выбирала, уносила: въ концѣ недѣли столы опустѣли. Оставалась соболья шкурка, которую отецъ привезъ себѣ на шапку; но вдругъ и она исчезла. Отецъ пошелъ искать ее и, войдя къ теткѣ въ комнату, глянулъ на кровать: изъ-подъ подушки торчала мордочка . . .

Несмотря на всѣ ея странности, осложнявшія естественное теченіе жизни, ее любили за блескъ ея разговора, за яркость эпитетовъ, неожиданность сравненій. Она была мастерица на прозвища; у меня былъ цѣлый списокъ ихъ... Но съ годами странности приняли такіе размѣры и такія формы, что понемногу всѣ, даже Елена Сергѣева, были вынуждены разойтись съ ней.*)

Въ это приблизительно время, немного позднѣе, обрушилось на Волконскихъ большое горе. Мужъ Елены Сергѣевны, Молчановъ, сталъ подавать признаки страшной болѣзни, — разжиженія спинного мозга. Елена Сергѣевна собралась везти его въ Москву, а убитой горемъ Маріи Николаевнѣ оставила въ утѣшеніе своего маленькаго Сережу. Здѣсь случилось одно обстоятельство, усугубившее и страданія больного и тревогу окружавшихъ. Всѣ письма того времени на протяженіи двухъ лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, полны тѣмъ, что стало извѣстно подъ именемъ «дѣла Занадворова».

Богатый лѣсопромышленникъ и поставщикъ Занадворовъ однажды объявилъ, что Молчановъ получилъ съ него взятку. Внѣ себя Молчановъ побѣжалъ къ Муравьеву. Говорятъ, никогда не видали Муравьева въ такомъ состояніи гнѣва. У меня была записка на четырехъ страницахъ безъ подписи, не знаю, кѣмъ составленная; въ этой запискѣ удивительно картинно описывался блистательный оффиціальный пріемъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, — весь чиновный людъ,

*) Еще случай, рисующій Софью Григорьевну. Гдѣ-то во время какого-то пикника очутились въ затруднительномъ положеніи на берегу бурливаго потока. Одинъ изъ присутствующихъ поднялъ Софью Григорьевну и понесъ ее на рукахъ. Положеніе было опасное; она съ ужасомъ глядѣла на шумящую воду и повторяла: «Oh, sauvez-moi, sauvez-moi! Je vous ferai gentilhomme de la chambre!» (Спасите меня, спасите! Я васъ сдѣлаю камеръ-юнкеромъ!).

военныя власти, духовенство, купечество. Въ рядахъ послѣдняго былъ и Занадворовъ. Отворилась дверь, и изъ нея не вышелъ, а вылетѣлъ Муравьевъ прямо на Занадворова. Въ присутствіи всѣхъ онъ такъ отчиталъ его, что тотъ съ опущенной головой долженъ былъ выйти, какъ избитая собака, а генералъ-губернаторъ громкимъ голосомъ, чтобы онъ слышалъ, приказалъ полицеймейстеру каждый вечеръ докладывать ему о поведеніи Занадворова и съ кѣмъ онъ видается. Не могу здѣсь въ краткихъ словахъ и на память передать тотъ трепетъ, которымъ проникнутъ разсказъ неизвѣстнаго свидѣтеля этой сцены, но чувствуется, что вся Восточная Сибирь была взволнована этимъ дѣломъ. Волненіе перекинулось и въ Западную Сибирь. Муравьевъ настоялъ на томъ, чтобы, для большаго безпристрастія, дѣло разбиралось въ одномъ изъ западно-сибирскихъ судовъ. Однако, это не помогло: противъ силы золота не было средствъ предосторожности, — судъ былъ подкупленъ Занадворовымъ. Волненія пуще разгорались; больной въ Москвѣ терялъ послѣдніе проблески разсудка, домашніе въ Иркутскѣ томились въ ожиданіи второй инстанціи. Занадворовъ поѣхалъ въ Петербургъ и Москву хлопотать. Есть указанія въ письмахъ, что имъ были сдѣланы попытки воздѣйствовать на Сенатъ, но онѣ разбились объ этотъ оплотъ правосудія: Молчановъ былъ оправданъ. Какая судьба постигла Занадворова, не помню, но Молчановъ своего оправданія уже не могъ узнать, онъ умеръ до окончанія дѣла, да и разсудокъ его давно угасъ. На похоронахъ Молчанова въ ту минуту, когда выносили изъ дому гробъ, подкатила коляска, въ ней сидѣлъ Занадворовъ. Александръ Николаевичъ Раевскій кинулся къ нему съ угрозами и помѣшалъ ему выйти изъ коляски, — онъ уѣхалъ прежде, чѣмъ Елена Сергѣевна его замѣтила.

Время, о которомъ мы говоримъ въ этой главѣ, было временемъ Крымской войны. Когда война началась, княгиня Марія Николаевна прошла черезъ трудное испытаніе. Сергѣй Григорьевичъ рѣшилъ проситься рядовымъ на театръ военныхъ дѣйствій: проснулся боевой пылъ въ душѣ стараго воина на шестьдесятъ четвертомъ году отъ роду. Всѣ просьбы княгини оставались тщетны, онъ уже готовилъ прошеніе на Высочайшее имя, и только когда Марія Николаевна указала на всѣ принесенныя ею жертвы и во имя ихъ просили и его принести жертву ей и дѣтямъ, согласился онъ уступить и отказался отъ своего намѣренія. Но декабристы жили войною: съ нетерпѣливымъ трепетомъ слѣдили они за извѣстіями, увы, столь запоздалыми. Они не сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ, они вѣрили въ торжество того оружія, которое сорокъ лѣтъ тому назадъ низвергло Наполеона. Пока изъ далекаго Крыма долетали отголоски боевъ подъ твердынями Севастополя, съ Востока приходили вѣсти о встрѣчахъ нашихъ китоловныхъ судовъ съ англичанами въ устьяхъ Амура и въ Охотскомъ морѣ... Но пылъ старыхъ воиновъ смирялся, надежды блекли...

Въ 1855 году умеръ Николай I. Съ трудомъ читатель повѣритъ, но между тѣмъ это такъ: при извѣстіи о его кончинѣ Сергѣй Григорьевичъ плакалъ, какъ ребенокъ. Мой отецъ объ этомъ разсказывалъ, и я нашелъ подтверждение тому въ архивѣ нашемъ. Княгиня Марія Николаевна пишетъ сыну, бывшему въ отлучкѣ: «Твой отецъ плачетъ, я третій день не знаю, что съ нимъ дѣлать». Было ли здѣсь воспоминаніе о прежней близости къ царской семьѣ? Было ли личное чувство къ Николаю I, въ связи съ нарушеніемъ присяги? Многое было въ этихъ слезахъ, но, несомнѣнно, больше всего была любовь къ родинѣ и тревога за ея судьбу. Россія

ходомъ Крымской войны очутилась на краю капитуляціи. Императоръ умеръ, новый императоръ былъ, какъ и всегда всякій новый императоръ, а въ особенности для нашихъ изгнанниковъ, — неизвѣстная величина. Сергѣй Григорьевичъ, какъ и всё вокругъ него, привыкъ смотрѣть на Николая I, какъ на оплотъ русской державы; для него перемѣна была почти равносильна развалу. Кто могъ удержать Россію отъ паденія? Какая сила, кромѣ Николая? Увы! Они, какъ и многіе, смѣшивали два понятія; они испытали гнетъ его, но гнетъ не есть сила. И въ этомъ ошибка многихъ и не только тогда, но и въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Нигдѣ, можетъ быть, какъ въ Россіи, не смѣшивались эти два понятія. И все внѣшнее, что является результатомъ гнета, принималось за внутреннюю силу. И когда только вылечится русское сознаніе отъ этого пагубнаго смѣшенія? Сколько лжи, національной, общественной, религіозной, отъ этого смѣшенія. Ложь — коренная болѣзнь русской государственности, ложь и ея неминуемый спутникъ — лицемѣріе, лицемѣріе и его изнанка — цинизмъ.* Безъ нихъ Россія не существовала. Но вѣдь вопросъ жизни не заключается просто въ существованіи, а, какъ сказалъ Владиміръ Соловьевъ, — въ достойномъ существованіи. Больно, но нельзя не признать, что если Россія не можетъ существовать иначе, чѣмъ существовала, то она не имѣетъ права на существованіе. До сихъ поръ Россія не показала, что можетъ существовать иначе . . .

Итакъ Сергѣй Григорьевичъ оплакивалъ Николая I. Не будемъ теряться въ объясненіи этихъ слезъ, но отдадимъ имъ должное; мы можемъ и не знать, что было въ этихъ слезахъ, но мы навѣрное знаемъ, чего въ нихъ не было. Въ нихъ не было ни капли эгоизма. Если бы онъ думалъ о себѣ, онъ долженъ былъ бы прежде

всего обрадоваться; естественно было декабристамъ предвидѣть хоть какую-нибудь перемѣну въ своей судьбѣ въ связи съ перемѣною царствованія. Но онъ не думалъ о себѣ; онъ думалъ о томъ мракѣ, который ложился на родину, онъ и не ощущалъ даже, что лучъ свѣта начиналъ проникать въ ту тьму, которая его окружала. Въ письмахъ долго нѣтъ даже намека на какое-либо пробужденіе надежды. Александръ II вступилъ на престолъ 19-го февраля; только въ апрѣлѣ находимъ вскользь брошенное Маріей Николаевной слово: нельзя ли узнать, можетъ быть есть какое-нибудь движеніе. Это было мало, все же это есть указаніе на то, что они ждали. Конечно, никому и въ голову не приходило, что сынъ Николая I дастъ полную амнистію тѣмъ, кто поднялся противъ его отца. Какъ мало декабристы расчитывали на выѣздъ изъ Сибири, мы сейчасъ увидимъ.

Здоровье княгини Маріи Николаевны было сильно расшатано. Съ первыхъ же недѣль своего пребыванія въ Сибири она жалуется на страшное вліяніе холода; она говоритъ, что у нея иногда въ груди такая боль, какъ будто ее рѣжутъ острыя лезвія ножей. Немудрено, когда по два, по три мѣсяца стояли такіе морозы, что иркутскіе модницы говорили: «Какъ плюнешь, такъ и покатится». Къ болямъ въ груди прибавились сердечные припадки, особенно усилившіеся за время пребыванія въ Урикѣ. Большихъ хлопотъ стоило Маріи Николаевнѣ получить право на переѣздъ въ Иркутскъ, но и это не помогло, — она, наконецъ, рѣшила просить разрѣшенія пріѣхать въ Москву посовѣтоваться съ тамошними врачами. Разрѣшеніе послѣдовало, но замѣчательно, что въ своемъ прошеніи Марія Николаевна заявила что она только въ томъ случаѣ сочтетъ для себя возможнымъ воспользоваться имъ, если ей будетъ дозволено вернуться

въ Сибирь. Вотъ какъ мало предвидѣли они возможность возвращенія сосланныхъ...

Разрѣшеніе на пріѣздъ княгини Волконской въ Москву было выхлопотано Еленой Сергѣевной при заступничествѣ великой княгини Маріи Николаевны. Сама Елена Сергѣевна въ это время продолжала вести жизнь сестры милосердія, проводя дни у изголовья больного. Много тяжелаго перенесла она за это время. Она пріѣхала въ Москву въ годъ холеры; городъ былъ пустъ, изъ родственниковъ никого, всѣ повыѣхали. Мелькомъ помню ея разсказы о жаркомъ, пыльномъ лѣтѣ, о ея скитаніяхъ по канцеляріямъ, объ ужасномъ одиночествѣ съ несчастнымъ мужемъ, котораго она въ колясочкѣ катала по пыльнымъ знойнымъ улицамъ. Къ довершенію несчастія, Молчановъ, несмотря на болѣзненное свое состояніе, былъ присужденъ къ предварительному заключенію. Въ страшномъ горѣ молодая, неопытная женщина кидалась направо и налѣво, чтобы высвободить несчастнаго изъ тюрмы. Наконецъ, случайная встрѣча съ какимъ-то незнакомымъ докторомъ, который сжалился надъ ея положеніемъ, взялъ ея дѣло въ свои руки, все устроилъ и исчезъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Петербургѣ, въ фойэ большого театра, уже невѣста своего второго мужа Кочубея, гуляла она, окруженная родными своими и своего жениха, когда вдругъ кинулась навстрѣчу человѣку, который для всѣхъ былъ незнакомцемъ: то былъ ея московскій покровитель. Мало кто способенъ, будучи на вершинѣ счастья, не только выдѣлить, но даже признать того, съ кѣмъ случайно встрѣтился въ смиренной долѣ.

Помню вотъ еще что изъ тогдашнихъ ея московскихъ томленій. Выходя изъ острога, она подъ воротами разговорилась съ дворникомъ, вдругъ дворникъ схватываетъ

ее за плечи, поворачиваетъ и сильнымъ толчкомъ въ спину впихиваетъ въ свою комнату. Дверь за нею запирается. Она оборачивается — за ней никого, дворникъ остался на дворѣ. Ничего не понимая, она глянула въ окошко и увидѣла людей, проходившихъ мимо ея и, повидимому, тащившихъ что-то тяжелое. Когда люди прошли, дворникъ вошелъ, чтобы выпустить ее. Онъ объяснилъ, что то были гробы съ холерными покойниками и ему не хотѣлось, чтобы она, и такъ уже измученная, видѣла это печальное зрѣлище. Вотъ двѣ свѣтлыхъ точки въ тогдашней ея пустынѣ: дворникъ и неизвѣстный докторъ.

Но холера прошла, въ Москву стали возвращаться, жизнь стала улучшаться, только здоровье мужа ухудшалось. Однажды, возвращаясь домой послѣ утомительныхъ своихъ хлопотъ, Елена Сергѣевна отворила дверь своей гостиной, — на диванѣ сидѣла ея мать, а у ногъ ея игралъ ея маленькій Сережа.

Сергѣй Григорьевичъ въ Иркутскѣ остался одинъ; Михаилъ Сергѣевичъ большей частью былъ въ служебныхъ отлучкахъ, — онъ остался одинъ. Онъ ждалъ. Ночь дрогнула, занималась заря...

XIII.

Сергѣй Григорьевичъ остался въ памяти семейной какъ человѣкъ не отъ міра сего. Странности его отца, Григорія Семеновича, принявшія такой рѣзкій характеръ въ Софьѣ Григорьевнѣ, въ немъ какъ бы утратили свою матеріальность, одухотворились.

Насколько сестра была скупа и падка на блага міра сего, настолько онъ былъ щедръ и безсребренникъ; онъ

дважды отказался отъ наслѣдства двухъ своихъ тетокъ, не желая обдѣлять болѣе близкихъ наслѣдниковъ.

Онъ былъ мягокъ, незлобивъ, страшно разсѣянъ. Онъ любилъ музыку и обожалъ чтеніе. Съ книгою въ рукахъ, почти иначе его не видали. Чтеніе и переписка были любимыми его занятіями. У меня, между прочимъ, была тетрадка, въ которую онъ вносилъ замѣтки по поводу прочитаннаго и дѣлалъ выписки; изъ нея видно, что послѣдняя прочитанная имъ книга была — Токвиль «Революція и старый порядокъ». Письма его писаны на большихъ четвертныхъ листахъ очень трудно разбираемымъ почеркомъ, — это онъ въ равной степени съ сестрой унаслѣдовалъ отъ отца, — и тѣмъ своеобразнымъ языкомъ начала XIX вѣка, который онъ сохранилъ до конца дней своихъ и которымъ писаны и его «Записки». Только въ книгахъ и письмахъ проявлялъ онъ аккуратность; во всемъ прочемъ царили безпорядокъ и разсѣянность. Когда его отрывали отъ чтенія, онъ отодвигалъ очки на лобъ и потомъ бѣгалъ по дому въ поискахъ за ними. Домашніе говорили, смѣясь, что разсѣянность лѣчитъ его отъ послѣдствій сидячей жизни. Впрочемъ, это было не совсѣмъ вѣрно. Онъ любилъ ходить, какъ любятъ ходить всѣ, кто любитъ природу. Еще въ Читѣ онъ пристрастился къ огородничеству. У меня былъ рисунокъ, изображавшій парники Сергѣя Григорьевича во дворѣ Читинскаго острога. Понятно, что въ Урикѣ, въ деревнѣ, страсть еще больше развилась, когда расширилась возможность ее удовлетворять. Его овощи и цвѣты славились по всей округѣ. Въ этой работѣ онъ находилъ упоеніе. Люди высокаго духа всегда любятъ землю, ея жизнедательное лоно; для нихъ земля, осуществляющая матерія, то дѣло, безъ котораго вѣра мертва. И, въ свою очередь, люди земли

больше всѣхъ другихъ рабочихъ способны чувствовать духовность. Какой рабочій чувствуетъ красоту такъ, какъ чувствуетъ ее садовникъ? Приведемъ къ простѣйшему знаменателю: небо любитъ землю, земля любитъ небо. Идея любитъ свою матерію, матерія любитъ свою идею. Люди высокаго духа стоятъ по срединѣ, и ихъ любовь дѣлится въ равной долѣ — восходитъ къ небу и нисходитъ къ землѣ.

Сергѣй Григорьевичъ глубоко это чувствовалъ; онъ любилъ не только землю и то, что она родитъ, онъ любилъ и тѣхъ, кто на ней работаетъ. Онъ охотно бросалъ книгу, чтобы итти на огородъ, но онъ такъ же охотно оставлялъ домъ, чтобы пойти на базаръ поговорить съ мужиками. «Крестьяне», говоритъ о немъ кто-то, кажется, Бѣлоголовый, «это была его слабость». Въ Иркутскѣ это не нравилось; находили, что князю неумѣстно съ мужиками на базарѣ разговаривать. Да и все его увлеченіе земледѣліемъ не нравилось. Надо принять во вниманіе, что сибирская «аристократія» была купеческая, богатство ихъ было промысловое, земля и земляная работа не въ чести обрѣталась, и на нее ложилось нѣчто рабское отъ того сословія, которое на ней работало. Сергѣю Григорьевичу такія соображенія были чужды, да и могли ли не быть чужды человѣку, принесшему все въ жертву идеѣ освобожденія крестьянъ? Что могъ онъ, потерявшій все, что могъ онъ отдать? Что, кромѣ добраго слова, сердечнаго участія? Однажды въ Урикѣ онъ получилъ письмо отъ одной бывшей крѣпостной своей матери, одной изъ многочисленныхъ мамушекъ и дѣвушекъ, состоявшихъ при покойной княгинѣ, — нѣкоей Василисы, которая, очевидно, не зная, что Сергѣй Григорьевичъ уже не имѣлъ «собственности», просила его дать отпускную брату ея Петру Обрядину. Онъ пересылаетъ письмо своимъ братьямъ, поддерживаетъ просьбу и при

этомъ напоминаетъ изреченіе апостола Павла: «Потеряете раба, но пріобрѣтете брата».

Сергѣй Григорьевичъ, какъ и всѣ декабристы, кромѣ Трубецкого, который былъ молчаливъ, — былъ неугомонный спорщикъ и неизсякаемый разсказчикъ. Споры декабристовъ поневолѣ носили книжный характеръ, оторванные отъ жизни, они больше вращались въ мірѣ идей, нежели въ области фактовъ. Разсказы Сергѣя Григорьевича были всегда занимательны. Онъ родился въ 1788 г.; ему было 12 лѣтъ, когда вступилъ на престолъ Александръ I. Онъ былъ не только сознательнымъ зрителемъ, но и участникомъ великихъ событій европейской исторіи. Онъ былъ въ Парижѣ въ тотъ день, когда Наполеонъ вернулся въ свою столицу послѣ побѣга съ острова Эльбы. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ зналъ всю Европу. Боевая жизнь его прошла разнообразно и славно, 58 сраженій, знаки отличія. Главнокомандующіе его любили, Александръ I называлъ его „Monsieur Serge". И послѣ этого — шахты Благодатскаго рудника и казематъ Петровскаго завода. Какъ Григорій говоритъ Пимену:

> Ты воевалъ подъ башнями Казани,
> Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
> Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна...

съ такими глазами должны были смотрѣть въ Сибири на этого князя Волконскаго. Можно себѣ представить, при хорошей памяти, при любви къ разсказу, при добромъ общительномъ настроеніи, какъ онъ могъ быть интересенъ. Помню, передавали мнѣ, какъ послѣ возвращенія изъ ссылки, проводя лѣто 1863 года подъ Ревелемъ, въ имѣніи Фалль, принадлежавшемъ тещѣ его сына, княгинѣ Маріи Александровнѣ Волконской, онъ принялъ привычку за чаемъ разсказывать. Народу было много, столъ былъ большой, онъ увлекался и каждый

вечеръ уходилъ воспоминаніями все дальше назадъ. Однажды онъ началъ обычнымъ своимъ вступленіемъ: «Это было . . .» Всѣ притаились, — когда же? И вдругъ онъ сухо и четко выпаливаетъ: «Въ первомъ году». По русски это звучитъ не такъ четко и сухо, но по французски — „l'année un“ — вызвало всеобщій смѣхъ веселья своею краткостью и неожиданностью, а также опредѣленностью сопутствовавшаго движенія указательнаго пальца.

Я, конечно, не могъ ни видѣть, ни слышать людей, знавшихъ Сергѣя Григорьевича молодымъ, понятно поэтому, что и въ памяти моей онъ запечатлѣлся какъ старикъ. Большинство его портретовъ — поздняго времени. Изъ молодыхъ портретовъ есть извѣстная, во всѣхъ изданіяхъ воспроизведенная, миніатюра Изабэ: въ полуоборотъ, плечомъ впередъ, съ прядью курчавыхъ русыхъ волосъ на лбу, смотритъ онъ голубыми глазами и правой рукой черезъ грудь придерживаетъ мѣховую шинель на лѣвомъ плечѣ, указательный палецъ въ бѣлой перчаткѣ продѣтъ въ золотую петлицу шинели. Этотъ красивый портретъ, сдѣланный во время Вѣнскаго конгресса, остался въ моей квартирѣ въ Римѣ и потому уцѣлѣлъ. Тамъ же осталась у меня миніатюра съ изображеніемъ пасынка Наполеона I., принца Евгенія Богарнэ. Они съ дѣдомъ моимъ часто встрѣчались въ мастерской Изабэ, подружились, и принцъ подарилъ ему свой портретъ.

Другой молодой портретъ Сергѣя Григорьевича — работы извѣстнаго англійскаго портретиста Дау 1822 г. Этотъ портретъ въ генеральской формѣ находился въ Зимнемъ Дворцѣ, въ галлереѣ Отечественной войны; послѣ декабрьскаго возстанія онъ былъ исключенъ изъ нея. Я хорошо помню на стѣнѣ, сплошь занятой портре-

тами, черный квадратъ. Въ 1903 году директоръ Императорскаго Эрмитажа, мой дядя Иванъ Александровичъ Всеволожскій, обходя чердаки Зимняго дворца, наткнулся на этотъ портретъ. При всеподданѣйшемъ докладѣ о своей находкѣ онъ просилъ разрѣшенія на водвореніе его на прежнемъ мѣстѣ. Николай II сказалъ: «Конечно, это было такъ давно». Такимъ образомъ, портретъ, пробывшій въ ссылкѣ 77 лѣтъ, возвращенъ сорока четырьмя годами позднѣе, нежели тотъ, кто на немъ изображенъ... У него тѣ же курчавые волосы, что на портретѣ Изабэ, но темнѣе; у него очень сильно обозначены двѣ характерныя черты его — большіе глаза навыкатъ и отвислая губа.

Нечего говорить, что портретъ этотъ, какъ всѣ портреты Дауовской серіи 12-го года, дышетъ воинственнымъ пыломъ. Мнѣ всегда казалось, что портреты этого удивительнаго мастера составляютъ какъ бы этюды для одной большой картины и что навѣрное гдѣ-нибудь есть, а во всякомъ случаѣ въ головѣ художника осталась одна общая картина, изображающая эпопею Отечественной войны, и что отдѣльные портреты или готовятся войти въ нее, или изъ нея вышли. Галлерея 12-го года въ Зимнемъ дворцѣ, конечно, одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ художественно-исторической лѣтописи.

Изъ ранняго сибирскаго періода есть два портрета: работы Николая Бестужева, въ арестантскомъ халатѣ, и болѣе поздній портретъ шведскаго художника Мазера, приблизительно 1852 года. Этого художника у меня было нѣсколько карандашныхъ портретовъ: Пущина, братьевъ Крюковыхъ, Андреевича и масляными красками портретъ Маріи Николаевны съ удивительно выписанными глазами, — грустными, глубокими. Гдѣ находится портретъ моего дѣда, работы Мазера, не знаю; я его видалъ въ изданіяхъ; онъ непріятенъ, сухъ.

Въ то время, на которомъ остановился нашъ разсказъ, внѣшность Сергѣя Григорьевича производила очень сильное впечатлѣніе: высокій ростъ, широкія плечи, большая окладистая бѣлая борода и длинные до плечъ сѣдые волосы: онъ вызывалъ въ памяти образъ патріарха. На улицѣ люди, не знавшіе его, оборачивались. Онъ внушалъ ту тишину, которая есть всегдашній спутникъ уваженія. Одинъ мой хорошій пріятель въ уѣздномъ городѣ, въ Борисоглѣбскѣ, мѣстный аптекарь Робертъ Карловичъ Вейсъ, ревельскій уроженецъ, закинутый въ Тамбовскую губернію, разсказывалъ мнѣ, что однажды, проходя мимо постоялаго двора, на соборной площади, онъ увидѣлъ сидящаго на лавочкѣ старца съ бѣлой бородой. Въ крылаткѣ и широкополой шляпѣ сидѣлъ онъ, сложивъ руки на крючковатой палкѣ. Мой знакомый, въ то время совсѣмъ молодой человѣкъ, до такой степени былъ пораженъ зрѣлищемъ его, что, проходя мимо, невольно замедлилъ шагъ и низко поклонился. Уже послѣ ему сказали, что это декабристъ Волконскій. Онъ въ это время пріѣзжалъ съ моимъ отцомъ осматривать имѣніе, которое отецъ покупалъ, ту самую Павловку, о которой уже упоминалось.

Палка эта была у меня; это та палка, съ которой онъ изображенъ на извѣстной литографіи Кирхнера. А широкополую шляпу и крылатку зналъ весь Иркутскъ. Карманы крылатки всегда были набиты леденцами и пряниками, и встрѣчавшія его дѣти издали уже кричали: «Дѣдушка идетъ!» Съ хохотомъ и плясомъ бѣжали они за нимъ, предвкушая обычную раздачу. Но дѣдушка имѣлъ свои привычки и соблюдалъ ихъ въ мелочахъ такъ же неотступно, какъ въ важныхъ случаяхъ жизни соблюдалъ принципы. Онъ шелъ на мостъ черезъ рѣчку Ушаковку и только здѣсь, на мосту, начиналась раздача съ разнообразной игрой. И долго раздавались звонкіе

смѣхъ и звонкіе голоса надъ рокотомъ говорливой рѣки и вырисовывался на мосту въ лучахъ закатного солнца высокій образъ въ крылаткѣ и широкополой шляпѣ . . .

Сергѣй Григорьевичъ, хотя остался одинъ, не скучалъ въ Иркутскѣ. «Иркутская публика» любила его: его навѣщали. Время проходило за разговорами и за «разговорцами», — такъ называются въ Сибири кедровые орѣшки. Много именъ проходитъ на страницахъ нашихъ писемъ, всѣхъ не перечислишь . . . Упомяну семьи двухъ губернаторовъ, Зорина и Струве. У Зорина были двѣ дочери, которыя впослѣдствіи вышли замужъ, одна за члена Государственнаго Совѣта Стишинскаго, другая въ Италіи, за графа Антонэлли, племянника знаменитаго кардинала, статсъ-секретаря Пія IX. Другой губернаторъ — Бернардъ Васильевичъ Струве, сынъ знаменитаго астронома и отецъ извѣстнаго писателя - публициста П. Б. Струве, тоже часто попадается въ письмахъ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Н. Н. Муравьева. О годахъ своего пребыванія въ Сибири онъ написалъ весьма цѣнныя, какъ историческій документъ, «Воспоминанія о Сибири», печатавшіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и отдѣльной книгой вышедшія въ свѣтъ въ концѣ 1888 г. По возвращеніи въ Россію наши семьи продолжали быть знакомы, и редактора-издателя «Русской Мысли» я помню маленькимъ мальчикомъ, помню Петю Струве въ красной рубашечкѣ, его ставили на столъ, и онъ съ огнемъ читалъ «Полтавскій бой». Братъ его Николай былъ моимъ товарищемъ по Петербургскому университету и умеръ консуломъ въ Канадѣ . . . Очень близка была съ Волконскими начальница института Марія Александровна Дорохова, впослѣдствіи переведенная въ Нижній-Новгородъ; тамъ, по пути въ Москву, останавливалась, отдыхала, пила вкусный кофе Марія

Николаевна. Классная дама Екатерина Петровна Липранди, сестра севастопольскаго защитника, была очень дружна съ Волконскими... Да всѣхъ не перечислишь. Сколько народу! И все это жило и волновалось, и все, на протяженіи двадцати лѣтъ, проходитъ въ нашихъ письмахъ, все это знакомилось, женилось и выходило замужъ, все это роднилось, ссорилось, расходилось и сходилось. И много любопытнаго бы можно разсказать, но какъ я уже сказалъ... ключъ утерянъ...

Не важное, конечно, а все же жаль, что поглотило море забвенья. Развѣ важно, что Катя Клейменова на институтскомъ балу была въ розовомъ платьѣ, что у смотрителя почтъ было много дочерей, и что сидѣніе у единственнаго окна, выходившаго на улицу, было расписано, и въ дняхъ и въ часахъ соблюдалась очередь? Развѣ важно, что архимандритъ, настоятель монастыря, заподозрѣвъ, что богатая купчиха «душою Богу предана, а грѣшной плотію»... предпочитаетъ архимандриту его служку, въ одно прекрасное воскресенье, послѣ благовѣста, бросилъ обѣдню служить, вернулся въ свои покои и засталъ то самое, что подозрѣвалъ? Конечно, не важно. Развѣ важно далѣе, что онъ накинулся на служку и прокусилъ ему ухо, а когда дѣло разгласилось, пошелъ къ зубному, чтобы тотъ вырвалъ ему два зуба, дабы, если дѣло дойдетъ до суда, подорвать самое правдоподобіе обвиненія? И вся жизнь наша слагается изъ такого ничтожнаго, — это есть дымъ жизни; дрова сгораютъ, дымъ уходитъ. Жизнь оттого не теряетъ, конечно, что онъ ушелъ, но когда этотъ дымъ запечатлѣнъ въ разсказѣ, когда къ нему присоединяется запахъ того, кто о немъ разсказываетъ, когда въ немъ преломляется отношеніе разсказчика, о, какая прелесть въ этомъ дымѣ, какъ онъ перерождается въ благоуханіе!

Вотъ почему всегда буду памятью летѣть къ моимъ утраченнымъ замѣткамъ и къ замѣткамъ Елены Сергѣевны . . .

Сергѣй Григорьевичъ былъ одинъ въ Иркутскѣ. Домашнимъ хозяйствомъ, за отсутствіемъ Маріи Николаевны, завѣдывала та самая Маша, которая пріѣхала изъ Болтышки въ Читу. Теперь она была Марія Матвѣевна Мальнева, почтенный другъ семейства. Она была вдова и имѣла сына Ивана Михайловича. Ваня Мальневъ воспитывался въ домѣ Волконскихъ, а впослѣдствіи, послѣ выѣзда изъ Сибири, окончилъ курсъ въ Горыгорецкомъ земледѣльческомъ институтѣ. Марія Матвѣевна пережила княгиню и похоронена съ нею подъ одной церковью. Вмѣстѣ съ Ваней Мальневымъ воспитывалось въ домѣ Волконскихъ двое сиротъ, два брата близнеца, Аркаша и Антоша (фамиліи не помню). Они были столь похожи другъ на дуга, что даже домашніе не могли ихъ распознать. Ихъ одѣвали одинаково и выводили къ гостямъ на отгадку: который Антоша, который Аркаша. Въ числѣ писемъ старожиловъ было у меня письмо отъ сына Аркаши; онъ писалъ: «Если я вышелъ въ люди, то благодаря тому, что мой отецъ воспитывался въ домѣ Вашего дѣдушки».

Въ спокойствіи проходило Иркутское житье Сергѣя Григорьевича, наполняемое чтеніемъ, знакомыми, прогулками, писаніемъ писемъ къ женѣ въ Москву, къ сыну на Амуръ и чтеніемъ писемъ, отъ нихъ получаемыхъ. Впрочемъ, скажемъ здѣсь, — чужія письма, когда о полученіи ихъ Сергѣй Григорьевичъ извѣщалъ своихъ корреспондентовъ, онъ называлъ листками: «Твои листки, дорогой Миша, получилъ». Его отецъ Григорій Семеновичъ называлъ чужія письма начертаніями, грамотами, реляціями. Спокойно, невозмутимо текли дни, какъ течетъ рѣка спокойно, невозмутимо, при-

ближаясь къ краю водопада. Сергѣй Григорьевичъ не зналъ, но мы то знаемъ, что приближаемся къ послѣднимъ днямъ сибирскаго періода, а потому окинемъ прощальнымъ взглядомъ то, что тамъ оставалось . . .

Волконскіе жили въ собственномъ домѣ. Деревянный домъ, перевезенный изъ Урика, стоялъ на высокомъ мѣстѣ; изъ каждаго окна открывался великолѣпный видъ. Въ этомъ домѣ впослѣдствіи было городское училище. Мой старичекъ - корреспондентъ, секретарь Иркутской архивной комиссіи (если не ошибаюсь, его фамилія была Каменевъ), извѣстилъ меня въ 1916 году, что состоялось постановленіе о признаніи дома историческимъ памятникомъ. Переулокъ, въ которомъ онъ стоитъ, названъ Волконскимъ. Въ училищѣ былъ образъ, имъ принадлежавшій. Еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ нѣкоторыхъ домахъ Иркутска и Петровскаго завода можно было видѣть стулья, картинки, чашки, оставшіяся отъ Волконскихъ. Въ Троицкой церкви въ Иркутскѣ есть полоса для аналоя, вышитая Маріей Николаевной. Внучка священника Громова, состоявшаго при Петровскомъ казематѣ, котораго любили декабристы и высоко чтили, обѣщалась черезъ одного сибиряка прислать мнѣ мѣшечекъ, вышитый моей бабушкой . . . Теперь уже не жаль. Да и стоитъ ли вообще расходоваться на такое чувство, какъ сожалѣніе? Жизнь коротка и драгоцѣнна, а сожалѣніе — отверстіе, черезъ которое утекаетъ живая вода. Русское «наплевать» пробка къ этому отверстію. Но при видѣ того, какъ погибло съ такою любовью собранное, не скажу это русское слово, оно оскорбитъ не тѣхъ, конечно, кто уничтожилъ, а память тѣхъ, кому вещи принадлежали. Нѣтъ, не скажемъ «наплевать», а скажемъ «да будетъ стыдно!» Пусть не покажется страннымъ, что такое значеніе придаю вещамъ. Вѣдь

вещи — продуктъ культуры, слѣдовательно, пониманіе ихъ есть признакъ культурности. Вещи въ одно и тоже время и вмѣстилище и источникъ культуры; являясь выразительницей прошлаго, вещь въ то же время оказываетъ воспитательное дѣйствіе въ настоящемъ. Вотъ почему придаю значеніе вещамъ, вотъ почему считаю, что кто не умѣетъ ихъ цѣнить, некультуренъ, и кто не только не бережетъ, но разрушаетъ вещественные остатки прошлаго, творитъ двойной грѣхъ, когда прикрывается культурой.

Не такъ давно одинъ пріѣзжій изъ Иркутска мнѣ говорилъ, что живы въ Урикѣ тополя, посаженные княгиней Маріей Николаевной. Я очень надѣялся когда-нибудь увидѣть трепетъ, услышать шелестъ ихъ листовъ. Но побывать въ Иркутскѣ и дальше, въ Читѣ, въ Петровскомъ заводѣ, ужъ не придется . . . По фотографіямъ, по письмамъ прощаюсь съ этими мѣстами; съ величественной Ангарой, съ великолѣпнымъ надъ рѣкою фасадомъ института, гдѣ наши такъ много проводили вечеровъ, обѣдали, слушали музыку, гдѣ Елена Сергѣевна танцевала; въ письмахъ такъ часто упоминается: вчера вечеромъ были на Ангарѣ. Слышимъ прощальный звонъ знаменитаго своимъ звукомъ иркутскаго соборнаго колокола . . . Прощаемся съ прекраснымъ зданіемъ генералъ-губернаторскаго дома, откуда столько утѣшенія излилось на изгнанниковъ за послѣдніе восемь лѣтъ ихъ пребыванія, столько свѣта на «край, слезамъ и скорби посвященный». Теперь, лѣтомъ 1855 года, этотъ домъ стоялъ пустой, — Муравьевъ уѣхалъ въ Петербургъ представиться новому Императору. Молодого Волконскаго онъ послалъ въ Монголію въ видахъ третьей экспедиціи на Амуръ съ приказаніемъ по выполненіи порученія пріѣхалъ съ докладомъ къ нему въ Петербургъ. Такимъ образомъ онъ избѣгъ необходимости испраши-

вать Высочайшее разрѣшеніе на пріѣздъ сына государственнаго преступника: Волконскій пріѣзжалъ по обязанности службы.

Когда онъ пріѣхалъ, въ Москвѣ уже лихорадочно сердца бились надеждою. Никто ничего не зналъ и до самого дня коронаціи никто ничего не зналъ, но всѣ уже ясно ощущали, что воздухъ дышетъ прощеніемъ. Письма изъ Москвы въ Иркутскъ несли нѣжный благовѣстъ. И вотъ, можетъ быть, самая великая минута жизни Сергѣя Григорьевича. Проводивъ сына, отъѣзжавшаго въ Россію, онъ всѣ помыслы свои сосредоточилъ на и х ъ судьбѣ, не на своей. Теперь всѣ трое — дочь, жена и сынъ были внѣ Сибири: а у него одна только забота, чтобы ихъ положеніе утратило тотъ характеръ исключительности, который являлся послѣдствіемъ его политической вины. Нестерпима была для него мысль, что дѣти и жена такъ долго изъ-за него испытываютъ ущербъ въ своемъ матеріальномъ и общественномъ положеніи. И въ отвѣтъ на всѣ благія вѣсти изъ Москвы, онъ изъ Иркутска повторяетъ лишь одно: «Еще и еще разъ — ничего для меня, прежде чѣмъ не будетъ сдѣлано все для васъ».

Такъ встрѣчалъ Сергѣй Григорьевичъ на шестьдесятъ восьмомъ году жизни первые лучи своей зари.

XIV.

Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, доложивъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія, остался въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ знакомился съ многочисленными родственниками, о которыхъ только слышалъ и которыхъ никогда не видалъ.

Стройный, красивый, нарядный, съ прекраснымъ голосомъ, окруженный ореоломъ таинственности, онъ, этотъ выходецъ изъ каторги, при рожденіи записанный въ заводскіе крестьяне, поражалъ своею воспитанностью, отличнымъ французскимъ языкомъ, естественной простотой, съ которой занялъ свое мѣсто въ петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ. Лица оффиціальныя, прежде еще нежели оцѣнить его способности, уже приняли на вѣру чиновника по особымъ порученіямъ при такомъ человѣкѣ, какъ Николай Николаевичъ Муравьевъ. Родные приняли его съ любопытствомъ, которое скоро перешло въ одобреніе. Барышни встрѣтили съ таинственнымъ перешептываніемъ, которое не замедлило переродиться въ обожаніе; въ этомъ обожаніи, судя по разсказамъ старушки Вѣры Васильевны Бутаковой, двоюродной сестры Маріи Николаевны, сыграли не послѣднюю роль удивительные бархатные съ раструбомъ жилеты и на нихъ, по тогдашней модѣ, многочисленные затѣйливые брелоки.

Жизнь улыбалась Михаилу Сергѣевичу, ему захотѣлось увидѣть свѣтъ. Муравьевъ далъ ему отпускъ, онъ поѣхалъ заграницу. И вотъ, родившійся въ Петровскомъ заводѣ, сынъ каторжника попалъ въ Парижъ. Письма въ Москву полны свѣжихъ юношескихъ впечатлѣній, также отчетами объ исполненіи дамскихъ порученій. Описывается платье, которое онъ выбралъ для Елены Сергѣевны, — бѣлое кисейное съ воланами, и на немъ изъ бархата анютины глазки . . . Очень милый эпизодъ — прогулка съ однимъ французомъ, не помню имени, который въ то время, какъ они проходили «Севастопольскимъ бульваромъ», позволилъ себѣ нѣсколько непріятныхъ словъ съ оскорбительнымъ подмигиваніемъ. Мой отецъ ничего не отвѣтилъ, но въ слѣдующую прогулку онъ попросилъ парижанина свести его на высоты Мон-

мартра. Спутникъ дивился и всю дорогу спрашивалъ, почему его это такъ интересуетъ. Только, когда они пришли, отецъ сказалъ, что здѣсь его дѣдъ Раевскій командовалъ позиціей, въ то время какъ дядя его (т. е. мужъ Софьи Григорьевны, князь Петръ Михайловичъ Волконскій) руководилъ взятіемъ Парижа. Французъ понялъ: съ тѣхъ поръ они стали друзьями.

Это упоминаніе объ ея отцѣ среди парижской суеты должно было быть дорого Маріи Николаевнѣ. Прошлое ушло, а то малое, что отъ него осталось, что она нашла по возвращеніи, то уже было не прошлое, то было измѣнившееся прошлое. Все на свѣтѣ мѣняется, все течетъ и уплываетъ, и только память наша мнитъ себя якоремъ, а на самомъ дѣлѣ бѣжитъ во слѣдъ, цѣпляется, слабѣетъ.... Мать Маріи Николаевны, Екатерина Алексѣевна Раевская давно умерла, въ 1844 году въ Римѣ, куда она выѣхала со своими двумя незамужними дочерьми, Софьей и Еленой. Елена была больна грудью, и ее повезли въ Италію. Сперва онѣ жили въ Неаполѣ. У меня былъ альбомъ съ видами Неаполя, раскрашенныя литографіи, который былъ полученъ Маріей Николаевной въ Петровскомъ заводѣ. На одной изъ картинокъ, изображающихъ набережную (Chiaja), въ одномъ мѣстѣ сдѣланъ знакъ и подписано: «домъ, въ которомъ мы жили». Еще было у меня въ рамочкѣ подъ стекломъ нѣсколько сухихъ цвѣтовъ и листьевъ: это Софья Алексѣевна послала въ Петровскій заводъ съ могилы Вергилія... Елена Николаевна послѣ смерти матери оставалась въ Италіи и, какъ мы уже упоминали, умерла въ Фраскати въ 1852 году, не дождавшись пріѣзда сестры Софьи изъ Иркутска.

Другія двѣ сестры Маріи Николаевы, Екатерина Николаевна Орлова и Софія Николаевна Раевская были

въ Москвѣ въ то время, о которомъ говоримъ. Какъ все на свѣтѣ, такъ мѣняются и сестры. Софья Николаевна стала болѣе «гувернанткой», чѣмъ когда-либо. Екатерина Николаевна встрѣтила возвращающуюся сестру подробностями семейныхъ дрязгъ, которыя совершенно не сочетались съ ея душевнымъ строемъ и корни которыхъ терялись въ обстоятельствахъ, совершенно ее не интересовавшихъ.

Братъ Николай въ то время не былъ въ живыхъ. Его жена, Анна Михайловна Раевская, рожденная Бороздина, была извѣстна своимъ богатствомъ и своею скупостью, также тѣмъ, что слыла подъ прозвищемъ, даннымъ ей Пушкинымъ. Однажды въ Одессѣ Пушкинъ былъ званъ на какой-то вечеръ, пришелъ рано, осмотрѣлся, — никого; дернулъ плечами и сказалъ: «Одна Анка рыжая, да и ту ненавижу я». Такъ за ней осталось прозвище «Анка рыжая».

Братъ Александръ Николаевичъ былъ въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Киндьяковой *); она умерла вскорѣ послѣ рожденія дочери Александры. Наши изгнанники ее никогда не видали, но въ письмахъ установились отношенія самой нѣжной дружбы. Нѣсколько портретовъ ея было у меня, между прочимъ — одинъ съ собакой. Когда Марія Николаевна отпустила дочь съ больнымъ мужемъ въ Москву и остался съ нею внукъ, она писала Еленѣ Сергѣевнѣ: «Любимое развлеченіе Сережи — взять меня за палецъ и водить кругомъ комнаты осматривать портреты. Дольше всѣхъ мы останавливаемся передъ тетей Катей, потому что она съ собакой». Александръ Николаевичъ

---

*) Киндьяковы богатая симбирская семья. Знаменитая по красотѣ Киндьяковка расположена на высокомъ волжскомъ берегу, служащемъ мѣстомъ дѣйствія гончаровскаго романа «Обрывъ».

Раевскій былъ тотъ, кому посвященъ «Демонъ» Пушкина:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнія бытья,
И взоры дѣвъ; и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья,
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь, —
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣняя,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно посѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи;
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ.
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Мы не хотимъ сказать, что потому это чудное стихотвореніе посвящено Александру Раевскому, что Пушкинъ его отождествляетъ со своимъ демономъ, но та струна горечи и разочарованія, которая такъ больно звучитъ въ немъ, была характерной чертой Александра Раевскаго въ отношеніи къ людямъ. Тѣмъ болѣе надо цѣнить, что съ такимъ характеромъ онъ послѣ смерти отца взялъ на себя веденіе дѣлъ своей изгнанницы сестры. Смерть жены наложила на него печать непримиримости. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Ниццѣ, гдѣ и умеръ. Здѣсь за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины его посѣтила

Елена Сергѣевна. Она попала на страшную сцену: Александръ Раевскій сидѣлъ передъ каминомъ, хваталъ охапками бумаги и кидалъ въ пламя; среди нихъ были письма Пушкина... Никакія мольбы не помогли.

Лѣтомъ 1856 года всѣ тянулись въ Москву, — ожидали коронаціи. Вернулся Михаилъ Сергѣевичъ изъ заграничной поѣздки. Муравьевъ разрѣшилъ ему остаться въ Москвѣ посмотрѣть на торжества. Царило восторженное настроеніе. Севастопольскія раны, наскоро залѣченныя Парижскимъ трактатомъ, уже не болѣли. Очи всѣхъ съ упованіемъ взирали на Кремль, а практическія заботы вращались вокругъ приготовленій къ праздникамъ. Насталъ и ожидаемый день, когда должно было раздаться царское слово о судьбѣ сибирскихъ изгнанниковъ.

Утромъ, въ день коронаціи, еще никто ничего не зналъ: по крайней мѣрѣ дѣти Сергѣя Григорьевича ничего не знали и въ отвѣтъ на всѣ разспросы видѣли лишь поднятыя плечи и разведенныя руки. Елена Сергѣевна съ Михаиломъ Сергѣевичемъ сидѣли въ мѣстахъ для публики на Кремлевской площади; они видѣли счастливыя лица, людей, другъ друга поздравляющихъ, между прочимъ, молодого Александра Егоровича Тимашева, впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ, который съ крыльца издали показывалъ дамамъ, сидящимъ на трибунахъ, свои только что полученные флигель-адъютантскіе аксельбанты; но объ отцѣ своемъ они ничего не знали. Такъ прошелъ весь день.

Когда въ своей квартирѣ на Спиридоновкѣ они сидѣли за обѣдомъ, раздается звонокъ. Курьеръ изъ Кремля. На имя Михаила Сергѣевича Волконскаго повѣстка явиться къ шефу жандармовъ, князю Долгорукому. Кратковременная всеобщая суматоха. Отецъ

Съ посмертн. портрета раб.
Н. Горджиджани 1860 г.

Княгиня Марія Николаевна
Волконская

спѣшитъ въ Кремль. Онъ вошелъ въ пріемную, пошли доложить. Выходитъ князь Долгорукій съ пакетомъ въ рукѣ: «Государь Императоръ, узнавъ, что вы находитесь въ Москвѣ, повелѣлъ мнѣ передать вамъ манифестъ о помилованіи декабристовъ, съ тѣмъ, чтобы вы его везли вашему отцу и его товарищамъ». Можете себѣ представить, что это извѣстіе произвело дома, на Спиридоновкѣ. Въ тотъ же вечеръ отецъ выѣхалъ... Москва горѣла огнями, гремѣла кликами, когда по той самой дорогѣ, по которой двадцать девять лѣтъ тому назадъ Марія Николаевна въ кибиткѣ ѣхала, держа путь на Нерчинскъ, — въ тарантасѣ выѣзжалъ Михаилъ Сергѣевичъ, увозя съ собой манифестъ о помилованіи...

На придворномъ балу въ Кремлевскихъ залахъ новый Императоръ обходилъ гостей, когда вдругъ остановился. Онъ нагнулся къ сопровождающему его, спросилъ что-то и направился въ толпу. Толпа на пути его разступалась. Государь проходилъ какъ бы корридоромъ, который удлинялся по мѣрѣ его продвиженія. Наконецъ, онъ остановился: передъ нимъ стояла красавица въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ бархатными анютиными глазками на бѣломъ платьѣ и въ черныхъ волосахъ: «Я счастливъ, сказалъ Александръ II, что могу возвратить вашего отца изъ ссылки и радъ былъ послать за нимъ вашего брата». Вся въ слезахъ Елена Сергѣевна погрузилась въ глубокій реверансъ.

Никто еще не совершилъ путешествія въ Иркутскъ въ столь краткій срокъ, какъ Михаилъ Сергѣевичъ. Онъ ѣхалъ пятнадцать дней и нѣсколько часовъ. Но послѣдніе часы онъ уже не могъ ни сидѣть, ни лежать, — онъ ѣхалъ на четверенькахъ. По пути его слѣдованія выходили на дорогу въ ближайшихъ селеніяхъ живущіе ссыльные или члены ихъ семей — встрѣтить вѣстника радости. Ожиданіе было такъ сильно, увѣренность въ

его пріѣздѣ такъ крѣпка, что выходили на дорогу, ждали на станціяхъ; Михаилъ Сергѣевичъ останавливалъ лошадей, читалъ манифестъ, когда было много народу, бросалъ нѣсколько мимолетныхъ словъ, когда народу было мало, и летѣлъ дальше. По всей Сибири чувствовалось разряженіе атмосферы. Между Москвой и Нижнимъ онъ повстрѣчался съ возвращавшимися изъ Сибири Давыдовыми; декабристъ Василій Львовичъ умеръ въ Красноярскѣ, его многочисленная семья просилась выѣхать: имъ не препятствовали: уже наступила оттепель при приближеніи лучей.

Михаилъ Сергѣевичъ подъѣхалъ къ Ангарѣ ночью. Дулъ сильный вѣтеръ, было хмурое небо, и тяжелыя тучи громоздились по немъ. Отецъ нанялъ баркасъ. Рѣка вздувалась, сильное теченіе уносило лодку влѣво, а городъ на горѣ все уходилъ вправо... Наконецъ высадился, побѣжалъ вверхъ направо, къ городу. Знакомыми улицами, запыхавшись, бѣжалъ онъ къ знакомому дому. Подбѣжалъ, дернулъ звонокъ, — голосъ отца: «Кто тамъ?!» — «Я, привезъ прощеніе». Дверь отворилась, они обнялись впотьмахъ. Сейчасъ же дали знать всѣмъ прочимъ, въ эту ночь уже не ложились.

Немногіе воспользовались открывавшейся свободой: изъ 121 осталось въ живыхъ 19.

XV.

Сборы Сергѣя Григорьевича были очень коротки. Въ недѣлю распродались и уложились. Къ этому, конечно, времени, относится и упаковка нашего архива; очевидно, тогда же собиралось, распредѣлялось по пакетамъ, завертывалось въ сѣрую бумагу, запечатывалось

и перевязывалось тесемками все это мертвое, но въ почеркахъ дышащее прошлое, которое открылось мнѣ съ полокъ стараго шкапа весною 1915 года.

23 сентября 1856 года Сергѣй Григорьевичъ съ сыномъ выѣхалъ въ Москву. О пріѣздѣ въ Москву ничего нѣтъ, да и не можетъ быть въ нашемъ архивѣ, — всѣ члены семьи были въ сборѣ и другъ другу не писали. Пошла тихая жизнь, стѣсняемая лишь тѣмъ, что, какъ и всѣ декабристы, Сергѣй Григорьевичъ остался подъ надзоромъ полиціи и не имѣлъ права въѣзда въ столицы безъ особаго на то разрѣшенія. Живя въ окрестностяхъ Москвы, онъ часто навѣщалъ своихъ на Спиридоновкѣ, даже безъ соблюденія особенныхъ формальностей. Въ то время былъ генералъ-губернаторомъ графъ Закревскій, прежній другъ и товарищъ Сергѣя Григорьевича, и онъ, можно сказать, взялъ его на свою отвѣтственность. Когда былъ изъ Петербурга запросъ, — почему Волконскій, повидимому, безъ разрѣшенія бываетъ въ Москвѣ, Закревскій такъ отвѣтилъ, что второго запроса не послѣдовало.

Онъ ѣздилъ не только въ Москву; несмотря на исключительность своего положенія и на затруднительность передвиженій въ тѣ времена, а тѣмъ болѣе въ ихъ годы, декабристы старались поддерживать сношенія. Есть указанія въ нашей перепискѣ, что разъ въ годъ они съѣзжались въ Твери. Тамъ жилъ декабристъ Муравьевъ-Апостолъ; у него, вѣроятно, и собирались; изъ писемъ видно, что такихъ съѣздовъ было во всякомъ случаѣ два: были ли они многочисленны, не знаю; изъ писемъ можно только установить, что оба раза ѣздили въ Тверь Сергѣй Григорьевичъ и Иванъ Ивановичъ Пущинъ, первый изъ Москвы, второй изъ Петербурга.

«Отецъ вашъ, пишетъ княгиня Марія Николаевна въ послѣднихъ строкахъ своихъ «Записокъ», какъ вы

знаете, по возвращеніи на родину былъ принятъ радушно, а нѣкоторыми — даже восторженно . Чтобы оцѣнить характеръ этого радушія и этой восторженности надо припомнить внутренно политическій моментъ, въ который вернулись декабристы. Будущія реформы Александра II уже носились въ воздухѣ: еще не было ничего оффиціальнаго, но паденіе крѣпостного права и гласное судопроизводство обсуждались вездѣ. Вернувшись изъ ссылки, декабристы попали въ тотъ же кругъ мыслей и чувствъ, за который поплатились и въ которомъ прожили тамъ въ Сибири въ теченіе тридцати лѣтъ; но то, что въ ихъ время было тайно, то теперь стало явно. Просидѣвъ въ подпольѣ и выйдя на свѣтъ, они оказались на уровнѣ лучшаго, что было въ тогдашней общественной мысли не только широкихъ круговъ, но и круговъ оффиціальныхъ. Былъ, конечно, и въ нихъ извѣстный, какъ теперь выражаются, сдвигъ. За тридцать лѣтъ произошелъ осадокъ, уравновѣсились въ характерахъ отношенія между увлеченіемъ и разсудкомъ. Не хочу этимъ сказать, что они отъ чего бы то ни было отказывались. Въ своихъ «Запискахъ», писанныхъ на семьдесятъ восьмомъ году жизни, Сергѣй Григорьевичъ говоритъ: «Мои убѣжденія привели меня въ Верховный Уголовный Судъ, на каторгу, къ тридцатилѣтнему изгнанію, и тѣмъ не мѣнѣе ни отъ одного слова своего и сейчасъ не откажусь». Эти слова, изъ цензурныхъ соображеній должны были быть выпущены при изданіи «Записокъ», но одинъ экземпляръ былъ напечатанъ безъ пропуска; этотъ рѣдчайшій экземпляръ отецъ мой подарилъ мнѣ; онъ остался въ моемъ уѣздномъ городѣ среди вещей, объявленныхъ народной собственностью . . . Нѣтъ, они не отказывались, но они увидѣли, что, въ то время какъ ихъ насиліе потерпѣло неудачу, стремленія ихъ осуществляются естественнымъ путемъ. Не мудрено

радушіе, понятна восторженность, съ которыми они были встрѣчены: они были страдальцами за то самое, чѣмъ сейчасъ горѣли всѣ. Прогрессивное движеніе въ представителяхъ власти съ одной стороны и утишеніе бури и натиска въ нихъ самихъ съ другой, сблизили два когда-то враждебныхъ полюса, заставили ихъ сойтись на серединѣ. Но въ этой серединѣ со стороны декабристовъ, — по совѣсти можно сказать, — не было отказа. Они остались, чѣмъ были.

Здѣсь является одинъ сомнительный вопросъ, какъ будто способный поколебать увѣренность нашего заявленія. Вопросъ о цареубійствѣ въ революціонной программѣ декабристовъ. Скажу, основываясь на словахъ, которыя многократно слышалъ изъ устъ покойнаго отца моего и подтвержденіе которымъ даютъ «Записки» дѣда. Цареубійство не было, какъ бы сказать, членомъ символа вѣры декабризма. Оно было включено впослѣдствіи для острастки, въ видѣ предостереженія отъ отпаденій: вставка эта была вызвана повторявшимися случаями выхода изъ состава Тайного Общества. Но старшіе члены общества всегда знали, что это есть фиктивный пунктъ. Этимъ объясняются разногласія въ показаніяхъ: одни признавали злой умыселъ, другіе отрицали, — и тѣ и другіе были искренни. Естественно, что Верховный Уголовный Судъ далъ вѣру тѣмъ, которые признавали. Когда этотъ центральный пунктъ установленъ, то всякое подозрѣніе въ отказѣ отъ самихъ себя, въ отступленіи отъ своей программы меркнетъ передъ естественностью, съ которой общественная эволюція забрала этихъ революціонныхъ передовиковъ предшествовавшаго царствованія.

Есть люди, идущіе очень далеко въ своемъ стремленіи обѣлить декабристовъ въ смыслѣ противуправительственности. Указываютъ на то, что Александръ I зналъ

о нихъ и закрывалъ глаза. Правда, онъ даже однажды сказалъ моему дѣду, похваливъ его за хорошее состояніе ввѣренной ему военной части: «Продолжайте, это лучше нежели заниматься переустройствомъ моей имперіи». Да, очевидно, онъ зналъ, но важно, что онъ зналъ, и насколько считалъ опаснымъ для государства то, что зналъ. Нельзя допустить, чтобы во времена Аракчеева оставлено было безъ вниманія политическое движеніе, грозящее переворотомъ. Естественнѣе предположить, что, сколько бы ни зналъ Александръ I, то, что онъ зналъ, было настолько незначительно, что онъ смотрѣлъ на это, какъ на мальчишество. Но утверждать, что Александръ былъ въ курсѣ программы дѣятельности декабристовъ, что они были не революціонерами, а выразителями государевой воли, что, не будь перемѣны царствованія, все прошло бы гладко, безъ заговора и безъ возстанія, это значитъ заднимъ числомъ освѣщать событія свѣтомъ черносотенства. Кто знаетъ, къ какому концу, мрачному, тяжелому пришло «дней Александровыхъ прекрасное начало», тотъ знаетъ, что въ немъ декабристамъ не было бы мѣста. Они были бы извергнуты, — такъ всякій организмъ извергаетъ изъ себя то, что ему не сродни. И по той же причинѣ были они восприняты прекраснымъ началомъ другихъ александровыхъ дней: и по этой же причинѣ были встрѣчены радушно и восторженно. Больше всего оказался имъ сродни, какъ это ни странно можетъ показаться на первый взглядъ, — кружокъ славянофиловъ. Въ домахъ Самариныхъ, Хомяковыхъ и Аксаковыхъ, вотъ гдѣ Сергѣй Григорьевичъ чувствовалъ себя духовно д о м а. Для этого сближенія, кромѣ тѣхъ причинъ, которыя ясны изъ предшествующаго, т. е. причинъ политически-историческаго характера, были и причины психологическаго свойства, роднившія декабристовъ съ славянофилами. Прежде всего, тѣ и другіе

горѣли любовью къ родинѣ, любовью, равной которой въ наши дни уже не найти, — любовью такой сильной, что въ ней перегорали различія убѣжденій. Декабристы и по воспитанію, и по стремленіямъ, и по вкусамъ своимъ, были, конечно, западники, и если они сошлись съ людьми, пустившими въ оборотъ выраженіе «гнилой западъ», то потому, что встрѣтились съ ними въ любви къ родинѣ, въ ней слились.

Встрѣчались они и въ другомъ. Славянофильскія теоріи о взаимоотношеніяхъ Россіи и запада, о преимуществахъ даровъ природы передъ завоеваніями культуры, о преимущественныхъ достоинствахъ того, что называлось простымъ народомъ, передъ тѣмъ, что называлось высшимъ классомъ, не могли не найти отклика въ сердцахъ людей, положившихъ всѣ силы свои на раскрѣпощеніе крестьянина. Не будемъ касаться того, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности славянофильская характеристика русскаго народа, не будемъ ихъ дѣлать отвѣтственными и за тѣ уродливыя формы, къ которымъ теорія привела впослѣдствіи, за то слащавое умильничаніе, съ которымъ семидесятые годы воспѣвали «мужичка», а восьмидесятые прославляли «народъ-богоносецъ». Все это изъ славянофильства, но не отъ него. Но во всякомъ случаѣ ученіе о «малыхъ сихъ» было ими пущено въ оборотъ и, опять повторяю, оно не могло не быть любо декабристамъ: оно давало нѣкую философскую обоснованность, извѣстную мистичность политическому движенію, нѣкогда поднявшему ихъ. Наконецъ, сближала декабристовъ съ славянофилами ихъ необыкновенная религіозность и сочетаніе религіознаго принципа съ національнымъ. Опять не говоримъ о преувеличеніяхъ и уродствахъ, къ которымъ пришли восьмидесятые годы, когда считали, что только православный можетъ быть истинно русскимъ и только

русскій — истинно православнымъ: но сліяніе принциповъ жило и въ тѣхъ и другихъ, и это заблужденіе давало имъ ту нравственную усладу успокоенія, какую даетъ чувство достигнутой правды...

Было и еще одно общее между ними, одна черта характера, это скромность. Вотъ какъ Иванъ Аксаковъ въ некрологѣ Сергѣя Григорьевича Волконскаго отзывается о немъ и о его товарищахъ по ссылкѣ: «Какъ въ Волконскомъ, такъ и въ тѣхъ немногихъ товарищахъ, которымъ удалось воспользоваться милостью нынѣ царствующаго Государя, мы были поражены отсутствіемъ всякаго раздраженія, всякаго желанія порисоваться и покрасоваться своимъ прошлымъ». Онъ восхищается «высокой внутренней простотой» Волконскаго. Интересно сопоставить съ этой характеристикой отзывы тюремныхъ надзирателей. Заимствую изъ примѣчаній моего отца къ «Запискамъ» Маріи Николаевны: «Вели себя добропорядочно, при производствѣ работъ были прилежны и ничего противнаго не говорили, къ поставленнымъ надъ ними смотрителямъ были послушны, характеръ показывали скромный». О братьяхъ Борисовыхъ: «Всегда печальны, тихи, молчаливы и съ большимъ терпеніемъ переносятъ свое состояніе». Часто встрѣчается замѣтка: «Занимаются болѣе чтеніемъ священныхъ книгъ». Эти отзывы изъ глубины остроговъ рисуютъ людей. Они рисуютъ то самое, чѣмъ восхищается перо Аксакова, то самое, что славянофильское ученіе положило въ основу русскаго характера. Правда, что теорію свою они настолько перегрузили, что почти разрушили: пустивъ въ ходъ погудку о «русскомъ смиреніи», они такъ много на этой струнѣ играли, что въ концѣ концовъ превратили ее въ гимнъ: они пришли къ прославленію смиренія, къ возвеличенію скромности: они какъ будто говорятъ: «мы велики, — потому что мы смиренны».

Свой грѣхъ самомнѣнія они тутъ же смываютъ раскаяніемъ. и въ самомъ яркомъ своемъ выраженіи, у Константина Аксакова, славянофильство представляетъ лаврированіе между христіанскимъ смиреніемъ и національнымъ самомнѣніемъ безъ какой-либо надежды на примирительный исходъ. Но, какъ бы то ни было, въ декабристахъ славянофилы нашли живое воплощеніе того, что они признавали самой цѣнной чертой русской народности.

Такова была среда, которая пришлась по душѣ нашимъ изгнанникамъ, и такъ приняла она ихъ по возвращеніи на родину. Скажемъ теперь объ отношеніи декабристовъ къ тому поколѣнію революціонеровъ, которое они застали, когда вернулись, о ихъ отношеніи къ тѣмъ путямъ, которыми пошло, и тѣмъ формамъ, въ которые вылилось тогдашнее русское революціонное движеніе.

XVI.

Революціонеры послѣдующихъ поколѣній любятъ ставить себя въ генеалогическую связь съ декабристами; они выводятъ себя отъ нихъ. Революціонныя изданія отводятъ имъ почетное мѣсто, печатаютъ ихъ портреты. Декабристы ставятся во главу угла всего послѣдующаго движенія и, какъ стрѣлочникъ отвѣтственъ за направленіе поѣзда, такъ они становятся, если не отвѣтственными, то старшими сообщниками общаго дѣла. Въ послѣднее время декабристы всплываютъ на экранахъ: въ холтурныхъ спектакляхъ ставятся эпизоды изъ «Русскихъ женщинъ» — встрѣча княгини Волконской съ мужемъ, разговоръ княгини Трубецкой съ губернаторомъ. Въ самомъ началѣ революціи основалось «Обще-

ство памяти декабристовъ»; въ мартѣ шумно состоялось первое засѣданіе — въ Академіи Художествъ (все что дѣлалось въ мартѣ, дѣлалось съ шумомъ). Потомъ слухи объ обществѣ смолкли, но заговорили о «Музеѣ Революціи». Ко мнѣ обращались съ запросомъ, гдѣ мнѣ пріятнѣе, чтобы были мои вещи: въ Музеѣ Революціи или въ Румянцевскомъ? Я отвѣтилъ, что своихъ вещей у меня нѣтъ, а располагать чужимъ не въ моихъ привычкахъ...

Если смотрѣть на этотъ интересъ къ декабристамъ со стороны чисто исторической, онъ вполнѣ понятенъ. Но если въ этомъ интересѣ проявляются стремленія утвердить извѣстную проемственность, то мы стоимъ, мнѣ кажется, передъ недоразумѣніемъ. Изъ всего, что сказано въ предыдущей главѣ, да и въ другихъ, достаточно ясно, думается мнѣ, вырисовывается духовный обликъ декабриста. Можно безъ колебанія сказать, что онъ не соотвѣтствуетъ ни одному изъ видовъ позднѣйшаго русскаго революціонера. Впрочемъ, насъ сейчасъ интересуетъ не отношеніе позднѣйшихъ революціонеровъ къ декабристамъ, а отношеніе декабристовъ къ тому новому поколѣнію передовиковъ, которое они застали по отбытіи своего наказанія.

Въ то время было два поколѣнія революціонеровъ. Старшіе, — жившіе заграницей эмигранты, Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ и. др. и младшее, — многочисленное русское студенчество; собственно революціонные «отцы и дѣти». Сопоставлять эти два поколѣнія, конечно, можно, но сочетать ихъ въ нѣчто единое никакъ нельзя. Старшіе были люди настоящей европейской культуры, каждый въ своемъ родѣ рѣдко одаренные; свѣдущіе въ наукахъ, знатоки и цѣнители искусства, они уважали авторитетъ знанія и таланта и сами пользовались авторитетомъ; съ ними можно было говорить; можно было съ

ними не соглашаться, но съ ними можно было спорить. Молодые, это были бурливые умы, буйные, безпорядочные, мало думавшіе, много нахватавшіе; люди выкрика и насмѣшки, галдежа и хуленія; люди опрокидывавшіе авторитеты и потому сами себя авторитета лишавшіе. Декабристы въ Россіи встрѣчались только съ младшими: встрѣчаться со старшими мало кто изъ нихъ имѣлъ возможность. Но здѣсь могу заявить, что тѣ немногіе, которые имѣли бы случай повстрѣчаться съ нашими знаменитыми эмигрантами, не искали его, даже избѣгали. Для моего дѣда эмигрантство было чѣмъ-то недопустимымъ. Онъ считалъ, во-первыхъ, что человѣкъ долженъ имѣть мужество своихъ убѣжденій въ своей странѣ, а не выѣзжать заграницу. Онъ, конечно, имѣлъ право такъ говорить: всякому изъ насъ можно на такое заявленіе отвѣтить: «Нутка, попробуй», но онъ, заплатившій за свои убѣжденія тридцатью годами ссылки, онъ имѣлъ право такъ говорить. Во-вторыхъ, онъ находилъ, что сидѣть въ Лондонѣ и на глазахъ Европы выносить соръ изъ избы, какъ дѣлалъ Герценъ въ своемъ «Колоколѣ», не достойно человѣка, который любитъ родину. Такъ думалъ мой дѣдъ и такъ же думали всѣ декабристы.

Къ этому надо прибавить и другое еще: мы видѣли, что декабристы были глубоко религіозны. Припоминаю такой случай: разсказывала мнѣ его старушка Лариса Андреевна Поджіо, жена Александра. Живя въ Женевѣ (а можетъ быть, въ Лондонѣ, не помню), они часто видались съ семьей Огаревыхъ. Отношенія понемногу шли на убыль: слишкомъ часто наши декабристы испытывали болѣзненное прикосновеніе того, съ чѣмъ не могли соглашаться. Жившая съ Огаревыми племянница была беременна. Лариса Андреевна, въ виду такихъ обстоятельствъ, проходила мимо разногласій въ

убѣжденіяхъ и участливо дѣлила всѣ заботы и волненія. Но однажды она приходитъ въ домъ, ей говорятъ Огаревы: «А у насъ все кончилось: только ребенокъ не выжилъ, чрезъ два часа умеръ». Лариса Андреевна справилась о здоровьѣ роженицы. «Ничего, благополучно... А ребенка мы закопали въ саду»... «Ну, ужъ послѣ этого, прибавила разсказывавшая мнѣ старушка, я съ ними раззнакомилась».

Если такая пропасть лежала между декабристами и ближайшимъ къ нимъ поколѣніемъ, то что же сказать объ отношеніяхъ ихъ къ направленію, по которому шла тогдашняя бунтующая молодежь, тѣ, кого тотъ же Герценъ называлъ Марксятами? То было время... я даже не рѣшаюсь сказать слово, — такъ это было, хоть и недавно, но давно, что, можетъ быть, и слово уже новому уху непонятно. Итакъ, то было время «нигилизма». Онъ только зарождался: — онъ расцвѣлъ въ шестидесятыхъ годахъ. Я хочу дать здѣсь характеристику этой молодежи, но не политическій ея обликъ, а скорѣе обликъ общекультурный, ихъ отношеніе къ искусству, къ наукѣ, къ формамъ общественной жизни. Для опредѣленія отношеній, въ которыя декабристы стали къ окружавшей ихъ средѣ, это важнѣе еще, нежели политическія убѣжденія. Мы увидимъ, что даже при одинаковости послѣднихъ они все же не могли бы признать своего единства съ ними. Итакъ, пойдемъ путемъ литературы, или еще точнѣе, путемъ литературной критики.

Критика наша, отъ Бѣлинскаго до конца шестидесятыхъ годовъ интересна и по тому вліянію, какое она имѣла на развитіе молодого поколѣнія, и по той эволюціи, которую сама представляетъ. Требованіе Бѣлинскаго, чтобы искусство объясняло дѣйствительную жизнь, послужило исходной точкой для послѣдующихъ

критиковъ. Цѣлая школа писателей, забывъ, что ихъ предшественникъ объявилъ равноправность искусства съ наукой и даже признавалъ за искусствомъ нѣкоторое первенство въ виду общедоступности его средствъ, мало по малу отвела искусству второстепенную, вспомогательную роль, которая, наконецъ, низвела его на степень простого распространителя полезныхъ свѣдѣній. Въ трудахъ ея главныхъ представителей, Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, русская критика того времени представляетъ постепенное пониженіе эстетическаго критерія и замѣну его критеріемъ практической пользы. Произведеніе искусства цѣнилось лишь постольку, поскольку оно являлось иллюстраціей дѣйствительной жизни; внутреннихъ художественныхъ достоинствъ не требовалось, ихъ даже не искали; вмѣсто того, чтобы разбирать художественное произведеніе, критика стала заниматься разборомъ научныхъ и общественныхъ теорій, въ данномъ произведеніи изложенныхъ. Литература была объявлена чуть не постыднымъ дѣломъ, если не ставила себѣ цѣлью непосредственную пользу. Писаревъ прямо радуется, что со времени Гоголя прозаики берутъ перевѣсъ надъ поэтами, и видитъ въ этомъ «счастливое» предзнаменованіе того, что придетъ пора, когда они въ свою очередь уступятъ мѣсто болѣе полезному роду литературной дѣятельности, чѣмъ писаніе повѣстей.

Подобное направленіе не могло не привести въ концѣ концовъ къ полному отрицанію всякаго искусства: ясно, что не только многія литературныя формы не находили пощады передъ подобными требованіями, но цѣлыя области человѣческаго творчества должны были быть изгнаны изъ числа искусствъ, какъ музыка, архитектура (т. е. красота звуковъ и красота линій), которыя не удовлетворяли требованіямъ непосредственной пользы.

Молодое поколѣніе набросилось на это ученіе съ жадностью; оно было легко, удобно, оно избавляло отъ унизительнаго преклоненія передъ авторитетами, отъ почитанія того, чѣмъ восхищались другіе. Вмѣсто того, чтобы проходить черезъ трудный процессъ воспитанія, который поднимаетъ насъ до степени сознательнаго воспріятія великаго художественнаго произведенія, было проще объявить, что сла́ва великихъ художниковъ есть созданіе людскихъ предразсудковъ, что нѣтъ великихъ художниковъ и что прежде всего искусство само по себѣ не стоитъ, чтобы о немъ говорили: дѣйствительность предъявляетъ слишкомъ серьезныя задачи, чтобы можно было позволять себѣ тратить время на пустяки; практическія требованія жизни важнѣе всякаго искусства и, собственно, какъ гласитъ одно изъ тогдашнихъ изреченій, «сапоги выше Шекспира». До такихъ преувеличеній юные пылкіе умы довели теоріи своихъ учителей. Возникшее не почвѣ чисто литературной, вліяніе этихъ теорій мало по малу распространилось шире и, наконецъ, смело всякое признаніе какого бы то ни было авторитета. (Эта характеристика заимствована мной изъ моей же книги. «Очерки русской исторіи и русской литературы. Лекціи, читанныя въ Америкѣ». С. П. Б. 1897.)

Въ болѣе или менѣе преувеличенной формѣ, съ большей или меньшей примѣсью политическаго протеста и религіознаго скептицизма, эти теоріи исповѣдывались большинствомъ молодого поколѣнія. Кто хотѣлъ бы сейчасъ познакомиться съ описываемымъ типомъ, можетъ перечитать «Отцы и дѣти» Тургенева, гдѣ Базаровъ является его первымъ литературнымъ воплощеніемъ. Впрочемъ, онъ не такъ ужъ чуждъ современному наблюдателю жизни: только формы протестовъ мѣняются, и, если теперь не говорятъ, что «сапоги выше Шекспира»

и «яичница нужнѣе Пушкина», то читаемъ же мы и во всѣхъ красноармейскихъ студіяхъ декламируемъ:

Сожжемъ Рафаэля,
Разрушимъ музеи,
Растопчемъ искусства цвѣты.

Не будемъ вдаваться въ оцѣнку такихъ принциповъ, ни въ оцѣнку формъ, въ которые они выливаются, ни въ оцѣнку ихъ воспитательнаго значенія, но подчеркнемъ лишь, что это въ корнѣ противно міровоззрѣніямъ декабристовъ.

Здѣсь подхожу ко времени, о которомъ могу говорить уже не по наслышкѣ и не по чужимъ письмамъ, а по собственнымъ, хотя и давнимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ. Все мое дѣтство прошло въ близкомъ соприкосновеніи съ людьми этого направленія. Я упоминалъ объ Иванѣ Михайловичѣ Мальневѣ, сынѣ Маріи Матвѣевны, воспитывавшемся въ домѣ Волконскихъ. По возвращеніи въ Россію онъ поступилъ въ извѣстный въ то время Горыгорецкій земледѣльческій институтъ и по окончаніи курса управлялъ имѣніемъ моего отца, той самой Павловской, о которой не разъ упоминалъ. Онъ былъ типическій представитель того умственнаго склада, который обрисованъ на предшествующихъ страницахъ; хорошо помню товарищей по институту, пріѣзжавшихъ къ нему; помню споры родителей съ этой нечесаной молодежью. Говорю — нечесаной — въ двухъ смыслахъ, и умственно, и физически: тогда были въ модѣ длинные волосы, косоворотка; дѣвушки стригли волосы, носили синіе очки, какъ будто нарочно уничтожая всѣ признаки женственности. Грустное впечатлѣніе производила эта молодежь, — во цвѣтѣ лѣтъ и безъ всякаго душевнаго расцвѣта. И помню передаваемыя слова дѣда, что онъ не могъ понять, какъ изъ-подъ его крова, изъ-

подъ крыла Маріи Николаевны могъ вылетѣть такой птенецъ, какъ Ваня Мальцевъ.

Такихъ птенцовъ были стаи...

Что меня еще поражало въ нихъ, это ихъ безразличіе къ природѣ. Насъ было много братьевъ: на лѣто къ намъ всегда пріѣзжали репетиторы, какъ тогда выражались, на кондиціи. Для нихъ природа была нѣма. Они гуляли по лѣсу, по степи, по саду, по парку, смотря себѣ въ ноги, какъ будто обронили что и искали. Незнаніе природы меня изумляло: они не могли отличить овса отъ пшеницы. И это не потому, что они были городскіе жители. Нѣтъ, я зналъ учительницъ сельскихъ, фельдшерицъ, всю жизнь проведшихъ въ деревнѣ, которыя не отличали тополя отъ ольхи. Лучшіе виды природы, какъ и произведенія искусства, проходили мимо нихъ или, вѣрнее, — они проходили мимо, и дивные закаты солнца горѣли и сгорали безъ нихъ, не для нихъ. Впрочемъ, Тютчевъ сказалъ лучше меня:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ впотьмахъ.
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ на цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ темна была.
И языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Изъ нихъ вышло поколѣніе, къ жизни мало пригодное. Въ наукѣ они ни оставили слѣда, въ искусствѣ были еретиками, въ живописи они дали передвижничество, въ литературѣ — гражданскую скорбь. Они пробудили народъ, но дальнѣйшій ходъ событій показалъ,

что народъ не за ними пошелъ. Они остаются за флагомъ, не въ цѣль попавшіе, проморгавшіе, ото всѣхъ отставшіе, ни къ кому, кромѣ самихъ себя, не приставшіе. Сильные изъ нихъ кончили жизнь въ изгнаніи; смирившіеся пошли въ учителя и осуществили совершенный типъ оффиціальной благонадежности. Чиновникъ или каторжникъ; увы, русская жизнь не давала много простору въ предѣлахъ этихъ двухъ крайностей. Серединное положеніе находили только люди съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ или совершенно безразличные. Многіе метались въ нестерпимой двойственности. Ваня Мальцевъ кончилъ размягченіемъ мозга . . .

Есть и внутренняя причина, почему это поколѣніе было лишено творческой силы. Въ нихъ было слишкомъ много желчи, слишкомъ много злобы, слишкомъ мало, а то, пожалуй, и вовсе не было любви. Только любовь даетъ творческую силу, ненависть способна лишь разрушать. Въ самомъ ихъ народничествѣ было меньше любви къ народу, нежели ненависти къ тѣмъ классамъ, которые были не народъ. Классовая рознь, кипѣвшая въ нихъ, отравляла искренность чувствъ, помрачала ясность сужденій, обрекала ихъ на постоянное пристрастіе. Отвлекая ихъ вниманіе въ сторону человѣческихъ разностей, классовая закоренѣлость скрывала отъ ихъ взора то, что есть въ человѣческой природѣ общаго, единаго, т. е. именно то, что для человѣческаго строительства творчески наиболѣе цѣнно: сліянность человѣчества, а не расчлененіе его, сглаживаніе разграниченій, а не новое ихъ подчеркиваніе путемъ насильственнаго уничтоженія.

И вотъ, окидывая взглядомъ то поколѣніе людей, видимъ среди него образъ декабристовъ, встающій совершенно отдѣльно, ни съ чѣмъ не сливающійся. Какъ дубы, на вырубленной лѣсной дѣлянкѣ оставленные

для обсѣмененія, такъ высятся они среди отпрысковъ молодой поросли. Но не отъ нихъ та поросль, — не дубнякъ: пошелъ осинникъ вокругъ пеньковъ, и не нужна была ему даже тѣнь отъ тѣхъ нѣсколькихъ старцевъ-дубовъ. Старцы остались и останутся одиноки: сѣмя ихъ не нашло почвы, и другихъ такихъ уже не будетъ. Это были люди, въ которыхъ не было ни капли ненависти, — одна любовь. Это были люди, которые ничего не хотѣли для себя, — все для другихъ. Это были люди, въ которыхъ не было ни малѣйшей корысти, — одна только жертва. Вотъ почему вспоминать о декабристахъ благотворно.

XVII.

Жизнь нашихъ изгнанниковъ послѣ возвращенія уже лишена не только драматизма, которымъ проникнутъ первый періодъ ссылки, но и той исключительности, которою окрашено иркутское житье. Боюсь, что и разсказъ нашъ представитъ нѣкоторое ослабленіе напряженности, а потому вызоветъ и пониженіе интереса. Тѣмъ не менѣе доведу повѣсть до конца.

Сергѣй Григорьевичъ Высочайшимъ повелѣніемъ, какъ и прочіе въ его положеніи декабристы, былъ лишенъ титула. Манифестомъ титулъ возвращался сыновьямъ отцовъ, принадлежавшихъ ко второму разряду. Тутъ вышла неясность въ пониманіи точнаго смысла манифеста. По суду Волконскій былъ первой категоріи, но по Высочайшей резолюціи, въ видахъ смягченія наказанія, переводившей всѣхъ виновныхъ на одну категорію ниже, онъ былъ второй. Имѣлъ ли сынъ его, Михаилъ Сергѣевичъ, право на возвращеніе титула? Въ такомъ же положеніи былъ сынъ Трубецкого. Вопросъ повисъ въ воздухѣ. Княгиня Марія Николаевна

обратилась съ прошеніемъ на имя молодой Императрицы Маріи Александровны. Послѣдовалъ дополнительный манифестъ о возвращеніи княжескаго титула Михаилу Сергѣевичу Волконскому и Ивану Сергѣевичу Трубецкому. Возстановленіе дѣтей въ утраченныхъ имъ правахъ было неотступной мечтой Сергѣя Григорьевича.

Сергѣя Григорьевича самого всѣ звали княземъ. Не мудрено, когда и каторжане сибирскіе называли декабристовъ князьями. Только для человѣка съ сильно развитой классовой обособленностью, или съ сильно развитой классовой завистью, титулъ представляется чѣмъ-то такимъ, что отличаетъ человѣка отъ человѣка: а для нормально мыслящаго титулъ есть лишь извѣстная прибавка къ имени, и до такой степени съ именемъ сросшаяся, что представляется неотдѣлимой отъ лица, какъ и само имя. Но видѣть въ титулѣ поводъ къ ненависти такъ же безразсудно, какъ видѣть въ немъ причину для обожанія. И если всегда были противны люди, съ согбенной спиной подобострастно говорившіе «Ваше Сіятельство», то это не значитъ, что заслуживаютъ уваженія тѣ, кто лѣзетъ на человѣка съ кулаками за то, что онъ князь. Сергѣя Григорьевича въ общежитіи всѣ называли княземъ. Даже нашъ посолъ въ Парижѣ, графъ Киселевъ, когда-то сослуживецъ Сергѣя Григорьевича, въ оффиціальномъ письмѣ въ Петербургъ, поддерживающемъ его просьбу о продленіи срока заграничнаго пребыванія, называетъ его полнымъ именемъ. Намъ попался даже оффиціальный документъ, выданный секретаремъ русской миссіи при папскомъ престолѣ, графомъ Толстымъ, во время пребыванія Маріи Николаевны въ Римѣ въ 1859 году, въ которомъ она именуется женою князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

Сама Марія Николаевна, конечно, никогда не утрачивала титула, но довольно любопытно, что въ оффиціаль-

ныхъ случаяхъ, когда требовалось полное имя, она писала еще «генералъ-майорша», т. е. подписывалась женскимъ родомъ того чина, котораго мужъ уже не имѣлъ.

Полицейскій надзоръ не былъ особенно стѣснителенъ въ матеріальномъ смыслѣ, но нравственно онъ тяготилъ Сергѣя Григорьевича, каждый разъ, какъ ему приходилось испрашивать особаго разрѣшенія на выѣздъ, на переѣздъ. Одно изъ самыхъ элементарныхъ условій культурной жизни — возможность и свобода передвиженія; ограниченіе этого условія возвращаетъ насъ къ докультурнымъ временамъ и тяжело ложится на сознаніе нашего личнаго достоинства. Сергѣй Григорьевичъ ходатайствовалъ о снятіи съ него надзора. Просьба была уважена. На этомъ прекращаются оффиціальныя данныя о декабристѣ Волконскомъ: со снятіемъ полицейскаго надзора имя его исчезаетъ со страницъ жандармскихъ лѣтописей. Но еще разъ онъ напомнилъ о себѣ Александру II.

Сергѣй Григорьевичъ никогда не былъ тщеславенъ: на зенитѣ своей головокружительной карьеры онъ ею не кичился. Но одно его глубоко огорчало, — быть лишеннымъ военныхъ знаковъ отличія, свидѣтелей доблести его и преданности отечеству; въ особенности два знака были ему дороги: георгіевскій крестъ, полученный за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, и медаль 12-го года.

Онъ написалъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, прося его, «повергнуть къ подножію престола» его всеподданнѣйшую просьбу о возвращеніи ему упомянутыхъ знаковъ. «Они мнѣ дороги, добавлялъ онъ, какъ доказательство того, что и я когда-то имѣлъ счастье проливать кровь свою за Россію». Александръ II удовлетворилъ это послѣднее желаніе декабриста Волконскаго. За два съ половиной года до смерти получилъ онъ эти

знаки и уже не разставался съ ними. Маленькій георгіевскій крестъ и крохотная медаль перевязаны георгіевской ленточкой и пристроены, чтобы носить ихъ въ петлицѣ. Такъ я ихъ получилъ, такъ они у меня хранились въ кожанномъ футлярчикѣ. Изъ всего, что у меня отнято, это, можетъ быть, самое дорогое. Гдѣ теперь этотъ крестъ и эта медаль? Чья-нибудь рука закинула ихъ, чья-нибудь пята затоптала ихъ въ грязь . . . Но на этихъ страницахъ, — не знаю, удалось ли мнѣ, — стремлюсь спасти отъ забвенья то, что закинуть нельзя, чего нельзя затоптать.

Кромѣ Москвы, жизнь Сергѣя Григорьевича и Маріи Николаевны протекала въ имѣніи Вороньки Черниговской губерніи Козелецкаго уѣзда, у дочери. Елена Сергѣевна, овдовѣвъ, послѣ смерти Молчанова, вышла вторымъ бракомъ за Николая Аркадьевича Кочубея: къ нимъ ѣздили наши декабристы проводить лѣто.

Второй бракъ Елены Сергѣевны былъ временемъ безоблачнаго счастья и для нея и для ея родителей. Вообще можно сказать, если родители сдѣлали все, чтобы дать своимъ дѣтямъ «молодость свѣтлую», дѣти дали имъ «старость покойную». Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе ровное, тихое, чѣмъ письма того времени. Конечно, почеркъ Маріи Николаевны уже не тотъ: изъ тонкаго, нряднаго, въ струнку, онъ превратился въ крупный, рваный, безпорядочный. Но и сама она была ужъ не та чернокудрая красавица, «дочь Ганга», которую передъ отъѣздомъ въ Сибирь рисовалъ съ ребенкомъ на рукахъ Соколовъ. Теперь она была старушка, съ гладко причесанными волосами, только на ушахъ закрученными въ два локона. Сѣдины не было: бѣлый кисейный чепецъ обрамлялъ серьезное лицо и ложился концами на бархатную кацавейку. Остался прежній ростъ, остались удивительные глаза. Въ нихъ осталась

прежняя грусть, и было много новаго страданья и много новой мысли. «Говорящіе глаза», сказалъ въ своихъ «Запискахъ» баронъ Розенъ: что-то дальнее и глубинное «говоритъ» въ послѣднихъ ея портретахъ. Это прекрасно передалъ извѣстный итальянскій портретистъ Гордиджіани въ своемъ посмертномъ портретѣ, воспроизведенномъ при «Запискахъ» княгини Маріи Николаевны. Портретъ этотъ писался во Флоренціи въ 1873 году по фотографіямъ, и, можно сказать, подъ диктовку моего отца, который сидѣлъ за спиной художника. Помню, какъ писались эти портреты дѣда и бабушки: меня, мальчика, отецъ водилъ въ мастерскую. Гордиджіани былъ сыномъ извѣстнаго композитора популярнѣйшихъ въ свое время романсовъ. Мой отецъ, обладавшій прекраснымъ голосомъ и отлично пѣвшій, гуляя по мастерской, услаждалъ слухъ художника пѣснями его отца, въ то время какъ тотъ рисовалъ его родителей. Въ особенности одну пѣсенку любилъ я: «Ah, tempi passati non tornano piu» (Ахъ, прошлое время назадъ не вернется)... Черезъ много, много лѣтъ я снова услышалъ эту пѣсню въ устахъ дочери живописца, извѣстной пѣвицы Джульетты Гордиджіани... Портреты были въ нашемъ бывшемъ домѣ на Сергіевской въ Петербургѣ; гдѣ сейчасъ, не знаю... Вернемся къ нашему разсказу.

Въ то время, о которомъ говоримъ, отъ княгини Маріи Николаевны вѣяло нѣкоторой строгостью; но это было ея настроеніе, это не было ея отношеніе къ людямъ. Она смотрѣла на чужую жизнь изъ глубины своего прошлаго, на чужую радость — изъ глубины своихъ страданій. Это не она смотрѣла строго, а ея страданія смотрѣли изъ нея: можно все забыть, но слѣдовъ уничтожить нельзя. И я думаю, что это причина, по которой домочадцы, служащіе, гувернантки боялись ея. Говорю, что слышалъ, — самъ ее помнить не могу, мнѣ было

три года, когда она умерла въ 1863 г. Знаю только, что лѣтомъ 1862 года родители мои пріѣзжали навѣстить Марію Николаевну, привезли и меня двухлѣтняго: и когда они уѣхали и меня увезли, садовнику было приказано не мести дорожекъ въ саду, чтобы не стирались на пескѣ слѣды отъ дѣтскихъ ногъ моихъ . . .

Разстроенное здоровье нашихъ стариковъ заставило Сергѣя Григорьевича просить разрѣшенія на поѣздку заграницу. Зимы 1859 и 1860 годовъ они провели частью въ Римѣ, частью въ Парижѣ. Въ Римѣ, на кладбищѣ Тэстачо, княгиня Марія Николаевна нашла могилу своей матери. Подъ Римомъ, въ Фраскати, — могилу своей сестры Елены. Въ Римѣ же состоялась помолвка ея сына, моего отца. Князь Михаилъ Сергѣевичъ женился на внучкѣ своей тетки Софьи Григорьевны, княжнѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ Волконской. Свадьба состоялась въ Женевѣ 24 мая 1859 года, — тамъ жила Софья Григорьевна: къ ней поѣхали. Тутъ Сергѣй Григорьевичъ видѣлся въ послѣдній разъ со своей сестрой: Марія Николаевна со своей золовкой. Сколько прошлаго и какого разнообразнаго лежало вокругъ этихъ трехъ, отъ Вѣнскаго Конгресса до Иркутска . . .

Послѣ свадьбы сына Сергѣй Григорьевичъ поѣхалъ на воды въ Виши, а осенью всѣ съѣхались въ Парижѣ *). И тутъ какія воспоминанія! . . . Въ 1815 году онъ видѣлъ возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы . . . Изъ парижскаго пребыванія помню случай, о которомъ часто мнѣ разсказывали. Однажды дѣдъ мой, страдавшій подагрой и часто обматывавшій ноги платкомъ, замѣтилъ, что одна нога у него посинѣла. Послали за докторомъ. Какъ разъ случился въ Парижѣ знаменитый, пріѣхавшій изъ Дрездена профессоръ Вальтеръ. Онъ осмотрѣлъ.

*) Гдѣ въ предшествующемъ году справляли свадьбу Елены Сергѣевны.

нашелъ гангрену и потребовалъ ампутаціи. Въ это время пришелъ давнишній другъ Сергѣя Григорьевича, докторъ Louis, съ которымъ онъ былъ знакомъ въ 1815 году. Французъ не согласился съ нѣмцемъ и объявилъ, что гангрена безъ жару не можетъ быть. Пока знаменитости пререкались, вѣрная старушка Марія Матвѣевна, которую возили съ собой заграницу, подошла къ Сергѣю Григорьевичу, намуслила палецъ и мокрымъ пальцемъ потерла странный синякъ: оказался слѣдъ полинялаго платка...

Въ Парижѣ засталъ Сергѣя Григорьевича день 19-го февраля. Это, можно сказать, былъ завершающій день его жизни. Онъ былъ въ русской церкви на молебнѣ, когда читался манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Можно ли описывать, можно ли представить себѣ, что онъ чувствовалъ, когда съ высоты амвона читались царскія слова, возвѣщавшія то самое, ради чего онъ выстрадалъ каторгу и изгнаніе! Да, онъ могъ сказать: «Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ».

Тутъ случился эпизодъ, болѣзненно полоснувшій его по душѣ. Когда, весь въ слезахъ, съ трясущимися ногами, онъ подходилъ къ кресту, онъ столкнулся съ Николаемъ Тургеневымъ, котораго декабристы, какъ эмигранта и человѣка, когда-то къ нимъ близко стоявшаго, а потомъ отъ нихъ отдалившагося, — не любили. Столкнувшись съ нимъ здѣсь, передъ крестомъ, въ такой день, въ такую минуту, Сергѣй Григорьевичъ, забывъ все прошлое и уступая ему дорогу, обратился къ нему со словами: «Тебѣ, Николай, тебѣ первому подходить». Этимъ онъ хотѣлъ выразить, что старое забыто, а кромѣ того, и то, что, какъ писатель, онъ все же сослужилъ службу дѣлу освобожденія. Но Тургеневъ отступилъ на шагъ, окинулъ его взоромъ и сказалъ: «Кто вы такой?»

Княгиня Марія Николаевна, уѣзжая изъ Россіи,

взяла съ собой мѣшечекъ русской земли, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если она умретъ заграницей, ей положили его въ гробъ. Но она привезла его обратно. Она прожила еще два съ половиной года, окруженная вниманіемъ и заботами.

Лѣтомъ 1863 года Сергѣй Григорьевичъ, какъ я уже упоминалъ, ѣздилъ съ моимъ отцомъ въ Тамбовскую губернію осматривать имѣніе Павловку. Хозяйство и землю онъ всегда любилъ, а изъ Сибири привезъ особенную привязанность къ огородничеству. Въ Вороньках, у Елены Сергѣевны, онъ имѣлъ свой собственный огородъ, въ которомъ работалъ. Тутъ, въ одной подробности между прочимъ сказалась одна черта его характера, которая часто забавляла окружающихъ неожиданными своими проявленіями: это щепетильная аккуратность, съ какою онъ выполнялъ то, что считалъ согласнымъ съ его понятіями о порядкѣ. Огородъ его былъ разбитъ на открытомъ мѣстѣ, ничѣмъ не обнесенъ, но была поставлена калитка, и онъ никогда иначе не входилъ, какъ черезъ калитку, и ключъ отъ калитки носилъ при себѣ. Но въ этой же маленькой подробности сказалось и другое; въ мелочахъ часто сказывается важное, и въ этой мелочи ясно чувствуется взглядъ Сергѣя Григорьевича на собственность. Плодородіе земли, процвѣтаніе хозяйства, улучшеніе быта были для него нераздѣльны съ принципомъ собственности. Я не слышалъ его рѣчей, знаю ихъ по пересказамъ, но никогда смыслъ ихъ не вставалъ такъ ярко передо мной, какъ когда я прочиталъ изреченіе великаго англійскаго мыслителя: «Дайте человѣку кусокъ пустыни въ собственность, онъ черезъ десять лѣтъ превратитъ его въ цвѣтущій садъ. Дайте ему цвѣтущій садъ въ десятилѣтнее пользованіе, онъ превратитъ его въ пустыню». Парники читинскаго острога, урикскія овощи и цвѣты,

вороньковскій огородъ, вплоть до Павловки, на покупку которой онъ благословилъ своего сына, — все это встало въ моей памяти и выдвинуло образъ моего дѣда, когда я прочиталъ это великолѣпное изреченіе Джона Стюарта Милля.

Осмотрѣвъ и одобривъ пріобрѣтенное сыномъ имѣніе, выполнивъ необходимыя формальности въ уѣздномъ городѣ Борисоглѣбскѣ, гдѣ, помните, мы видѣли его сидящимъ на лавкѣ въ крылаткѣ и широкополой шляпѣ, — Сергѣй Григорьевичъ съ моимъ отцомъ поѣхали въ Эстляндію, въ имѣніе Фалль подъ Ревелемъ, принадлежавшее моей бабушкѣ съ материнской стороны, княгинѣ Маріи Александровнѣ Волконской, которая по мужу приходилась ему племянницей.

Фалль, конечно, одно изъ самыхъ удивительныхъ мѣстъ, какія мнѣ пришлось видѣть. На берегу моря, въ холмистой мѣстности, окутанный лѣсами, надъ крутымъ скалистымъ берегомъ рѣки, противъ шумящаго пѣнистаго водопада, стоитъ домъ съ высокой башней, съ террасами, балконами, въ томъ затѣйливомъ, несуровомъ готическомъ стилѣ, который при Николаѣ I былъ пущенъ въ ходъ архитекторомъ Штакеншнейдеромъ. Ничего болѣе романтическаго нельзя себѣ представить. Фалль былъ пріобрѣтенъ и устроенъ отцомъ моей бабушки, графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ. Имъ построенъ домъ, имъ разбитъ этотъ удивительный паркъ, въ которомъ 54 версты дорожекъ. Домъ внутри — одна изъ красивѣйшихъ и по цѣльности своей драгоцѣннѣйшихъ картинъ первой половины прошлаго вѣка. Интереснѣйшіе портреты, между прочимъ восхитительный портретъ пастелью Императрицы Маріи Ѳеодоровны, писанный въ Версалѣ, когда она съ Павломъ была въ гостяхъ у Людовика XVI. Изъ этого же времени хранилась тамъ чашка Маріи Антуанетты.

которую королева подарила матери графа Бенкендорфа, сопровождавшей великую княгиню. Прелестная библіотека съ конца восемнадцатаго столѣтія, всегда пополнявшаяся. Я видѣлъ много прекраснаго, изъѣздилъ Европу, совершилъ путешествіе вокругъ свѣта, — могу засвидѣтельствовать, что такого сліянія красоты и исторической цѣльности мнѣ не давало ни одно другое мѣсто. Теперь въ Фаллѣ остались однѣ голыя стѣны; въ 1919 году тамъ стояли наши красные войска, — остались однѣ стѣны . . .

На высокой горѣ, въ лѣсу, маленькое кладбище. Тамъ похоронены Бенкендорфы, моя бабушка Марія Александровна и мои родители. Могилы расположены на уступѣ полугоры; передъ вами внизъ спускается зеленый, съ двухъ сторонъ обрамленный лугъ, за лугомъ внизу далеко впереди опять лѣсъ, за лѣсомъ море; за вами на горѣ, огромный деревянный крестъ, который виденъ съ моря. Крестъ этотъ всегда тамъ стоялъ, издавна. Однажды бабушка, гуляя съ отцомъ своимъ, сказала: «Я бы хотѣла быть похоронена тамъ подъ крестомъ». «Да, правда, хорошая мысль». Когда графъ Бенкендорфъ умиралъ на кораблѣ по пути изъ Амстердама въ Ревель, его послѣднія слова были: «Тамъ, наверху, на горѣ». Присутствовавшіе не поняли; уже когда привезли тѣло въ Фалль, моя бабушка объяснила. Еще подробность, которую кто-то мнѣ разсказывалъ. Корабль, держа путь на Ревель, проходилъ мимо Фалля. Прабабка моя, графиня Бенкендорфъ, съ подзорной трубой поднималась на башню смотрѣть прохожденіе корабля; она видѣла корабль, не онъ несъ уже покойника . . . У меня былъ цѣлый альбомъ фалльскихъ видовъ, карандашныхъ и акварельныхъ, работы моей матери; нѣкоторые изъ нихъ были сфотографированы для предполагавшагося изданія. Все это, и фотографіи и рисунки моей

матери, — «наредная собственность» въ уѣздномъ городѣ Борисоглѣбскѣ *).

Въ этомъ дивномъ Фаллѣ, въ этомъ чудномъ имѣніи Бенкендорфа, проводилъ лѣто 1863 года декабристъ Волконскій: такъ пожелала судьба, капризная судьба. Въ 1826 году, когда Сергѣй Григорьевичъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, его посѣтила любимая племянница его, дочь Софьи Григорьевны, Алина. Она писала бабушкѣ, старухѣ Александрѣ Николаевнѣ въ Москву: «На нашемъ свиданіи присутствовалъ генералъ Бенкендорфъ». Кто бы могъ подумать тогда, что черезъ 33 года, въ Женевѣ, сынъ этого каторжника женится на внучкѣ этого генерала...

Здѣсь же, въ Фаллѣ, помню и я его, какъ это ни странно, — мнѣ было три года. Но отчетливо помню во флигелѣ, который мы впослѣдствіи звали по имени управляющаго «домъ Лиліенкампфа», — помню въ креслѣ сидящаго, съ большой бѣлой бородой, съ длинною трубкой курящаго дѣдушку. Помню его и другой разъ: послѣдующей зимой въ Петербургѣ, въ томъ домѣ, гдѣ мы жили, — на углу Малой Морской и Гороховой, домъ Татищева, — онъ жилъ въ квартирѣ надъ нами; насъ съ братомъ повели къ дѣдушкѣ, но мы такъ расплакались, что насъ забралъ старый его камердинеръ Степанъ и снесъ обратно внизъ. Этотъ Степанъ прожилъ долго: на улицахъ Петербурга онъ намъ попадался, когда насъ водили гулять: всегда пьяный, съ краснымъ носомъ, онъ при встрѣчѣ намъ цѣловалъ руку, что насъ приводило въ послѣднюю степень смущенія, и говорилъ по французски, что мы въ то время мало еще понимали. Мы, дѣти, боялись его...

Здѣсь, въ Фаллѣ, за чаемъ проходили безконечные разсказы Сергѣя Григорьевича — отъ года перваго до

*) О Фаллѣ подробно въ моей книгѣ «Родина».

пятьдесятъ шестого. Спокойное настроеніе было нарушено тревожными извѣстіями изъ Черниговской губерніи: княгиня Марія Николаевна была сильно больна. Отецъ мой выѣхалъ въ Вороньки. Сергѣй Григорьевичъ ѣхать не могъ, онъ самъ заболѣлъ.

Михаилъ Сергѣевичъ засталъ свою мать въ сильномъ приступѣ болѣзни печени при непрекращающейся лихорадкѣ. Силы ея были слишкомъ подточены всѣмъ, что она перенесла; черезъ шесть недѣль она скончалась — 10 августа 1863 года на 58 году отъ рожденія. Въ архивѣ нашемъ сохранился протоколъ о вскрытіи тѣла и актъ о преданіи тѣла землѣ.

Послѣ смерти Маріи Николаевны жизнь Сергѣя Григорьевича была постепеннымъ физическимъ угасаніемъ. Поѣздка заграницу уже не помогла: онъ вернулся въ Вороньки, чтобы, какъ онъ выражался, «сложить жизнь рядомъ съ той, которая ему ее сохранила». Умъ его не угасалъ: еще за день до смерти онъ писалъ письма, давалъ распоряженія о выпискѣ журналовъ на слѣдующій годъ. Конецъ его былъ тихъ. Смерть подошла къ нему неслышно, не оспаривала его у жизни, она подождала, чтобы жизнь уступила его. Рано утромъ исповѣдался и причастился. Потомъ сталъ писать письмо сыну; усталъ, перешелъ на кресло и попросилъ Елену Сергѣевну почитать ему. Она читала вслухъ, когда замѣтила, что дыханіе его стало затруднительно и учащенно. Она замѣнила книжку «Отечественныхъ Записокъ» Евангеліемъ и продолжала читать. Онъ отошелъ подъ это чтеніе. Было утро 28 ноября 1865 года, ему было 77 лѣтъ.

Мой отецъ при смерти своего отца не присутствовалъ, онъ былъ въ Петербургѣ. Мнѣ было пять лѣтъ. Это была первая смерть: я не отдавалъ себѣ отчета. Помню слезы родителей, помню черное платье матери . . .

Заботами Елены Сергѣевны и Михаила Сергѣевича надъ прахомъ ихъ родителей воздвигнута церковь по рисункамъ архитектора А. Ю. Ягна. Я былъ при закладкѣ и при освященіи этой церкви. Въ иконостасѣ вставлены иконы, бывшія въ Сибири. Подъ ними на доскѣ текстъ, который княгиня Марія Николаевна поставила во главу своихъ «Записокъ»:

Господь рѣшитъ окованныя...
Господь возводитъ низверженныя...
(Псалмы 145, 141.)

Надъ сводами склепа высѣченъ текстъ, который отецъ мой поставилъ во главу изданія «Записокъ» своей матери: «Радуйся, неусыпающая попечительнице во узахъ и темницѣ сѣдящихъ».

Москва,
21-го февраля 1921 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ